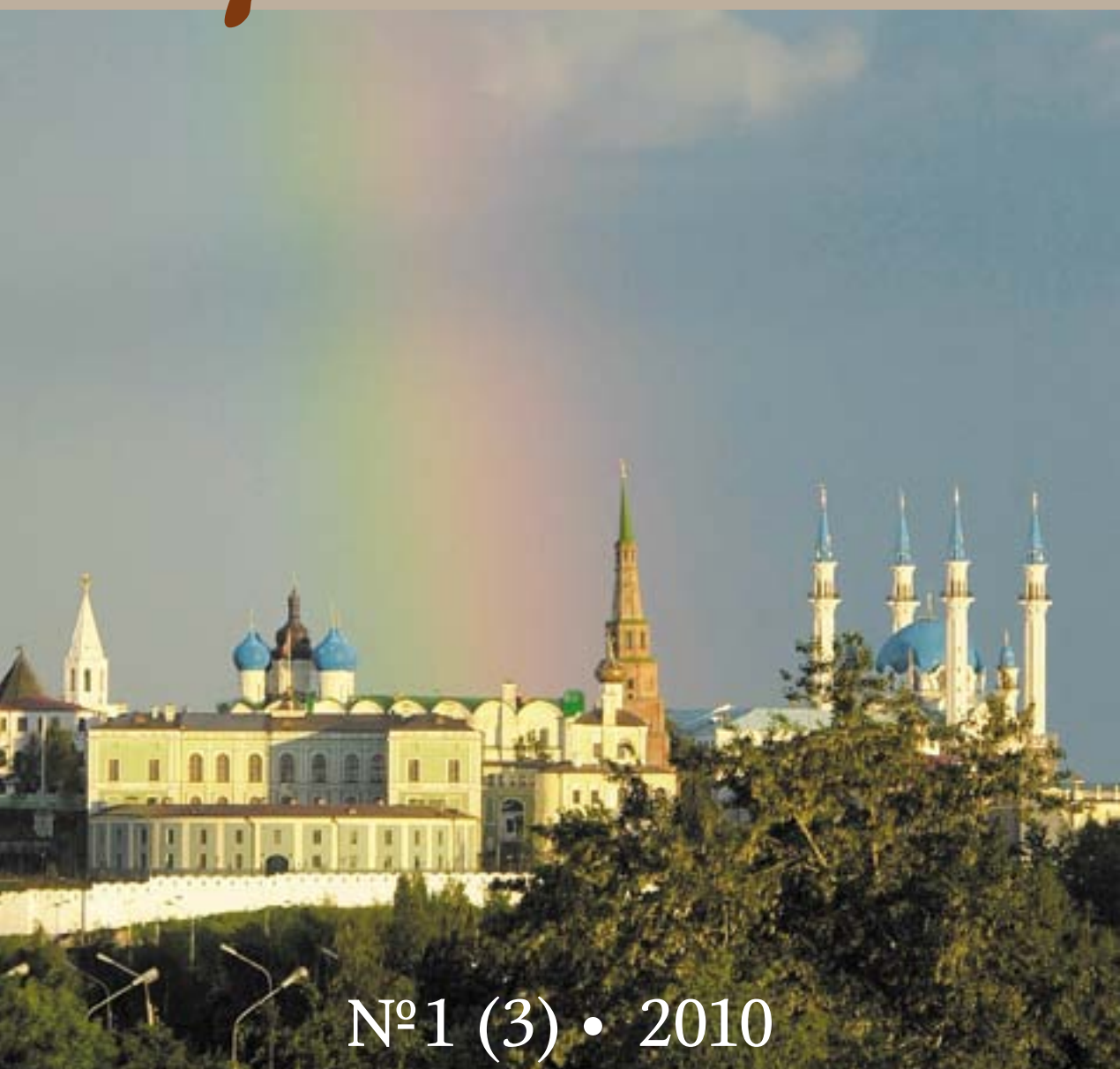

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Арҗамак

ТАТАРСТАН

№1 (3) • 2010

Г. Анютина. Ирисы. 2006 г. Шёлк, батик. 80х60

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Арҗамак

ТАТАРСТАН

№ 1(3) • 2010

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
литературного альманаха
«АРГАМАК — ТАТАРСТАН»

Ильфак Ибрагимов — председатель правления
Союза писателей Республики Татарстан;
Марат Муратов — руководитель республиканского агентства
по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа»;
Иван Переверзин — председатель правления
Международного сообщества писательских союзов;
Светлана Василенко — первый секретарь правления
Союза российских писателей;
Ильдар Халиков — мэр города Набережные Челны.

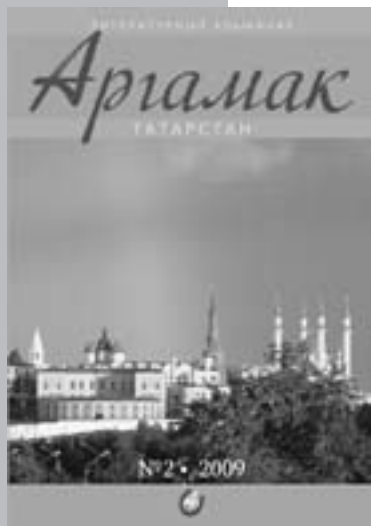
РЕДКОЛЛЕГИЯ
литературного альманаха
«АРГАМАК — ТАТАРСТАН»

Николай Алешков (*Набережные Челны*)
Николай Беляев (*Владимирская область*)
Наталья Вердеревская (*Елабуга*)
Лилия Газизова (*Казань*)
Владимир Гофман (*Нижний Новгород*)
Владимир Ермаков (*Орёл*)
Сергей Кузнечихин (*Красноярск*)
Михаил Кураев (*Санкт-Петербург*)
Владимир Леонович (*Кострома*)
Рамиль Сарчин (*Казань*)
Виктор Суворов (*Набережные Челны*)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 16-00151 от 17 апреля 2009 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций в соответствии
с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации»

Учредитель
ОАО «ТАТМЕДИА»

<i>Издатель</i>	Татарстанское отделение Союза российских писателей и Союз писателей Республики Татарстан
<i>Главный редактор</i>	Николай Алешков
<i>Заместители главного редактора</i>	Ольга Кузьмичёва-Дробышевская, Вера Хамидуллина
<i>Редактор-корректор</i>	Алла Орехова
<i>Дизайнер-верстальщик</i>	Виталий Павлов
<i>Художник</i>	Ольга Белова-Недовизий
<i>Секретарь</i>	Марина Конюхова
<i>Фото на обложке</i>	Михаил Медведев (<i>1-я, 4-я страницы — Казань</i>)

Здравствуй, альманах!

Письма редактору

Дорогой Николай!

Получил «Аргамак» № 2. Прочитал залпом, иногда возвращаясь к тем авторам, которые наиболее тронули меня. Вообще, должен тебе сказать, что альманах твой набирает силу, он открывает читателю широкие горизонты и российской литературы в целом, и конкретно Татарстана. Читая его, зримо видишь и чувствуешь, что нет столичной, нет провинциальной поэзии и прозы, есть один неизменно талантливый мир нашей литературы. Ты открыл мне Льва Мизандронцева — поэта высокой культуры стиха, одических, таинственных звуков, мыслящего масштабно. Почему его не печатали журналы? Старо, как мир — из зависти. Отнюдь не из-за того, что сидел. Многие сидели, но их потом печатали. Господи, какая судьба... Спасибо за стихи Виля Мустафина, я давно ни в одном журнале или альманахе (может, в руки не попадали?) не встречал его волшебного, умного, с

горьким привкусом жизненной правды голоса. Какая потеря!.. Хорошо, что ты дал и Рустема Кутуя — это просто наслаждение, когда читаешь мудрую прозу, написанную таким художественным, почти поэтическим языком. Ты прав, Николай, это почти бунинский язык. Рад был познакомиться и с последними главами из книги Романа Солнцева, которого я знал больше как честного, талантливого поэта. Да что там говорить, совестливый писатель! Впервые — грешен! — читал изумительные строки Амирхана Еники... Уже только ради этих имён стоит взять в руки твой альманах.

Но сколько и новых, интересных имён! Я уже не говорю о весьма неординарной поэме Николая Беяева, в чём-то, может быть, и спорной, но бесспорно талантливой, о живописных миниатюрах Олега Глушкина, — знаешь, не буду перечислять далее ни поэтов, ни публицистов, поскольку у каждого автора свои достоинства, свои находки. Мне интересно даже путешествие по Казани Лилии Газизовой, хотя я в Казани по сути и не был, так, проездом в давние годы. Но ведь честно — и ближе к сердцу становится мне её улица, насыщенная жизнью. И детское творчество к месту и ко времени, надо, надо готовить смену достойную.

Спасибо, что ты дал изрядную подборку моих стихов, составил её со вкусом, и весьма неплохим. Правда, мне хотелось, чтобы завершалась она стихотворением «Зажги в себе свечу», ну да ладно. Впрочем, не мне о моих стихах судить...

Так что поздравляю тебя, Николай, с успешным номером. Дай Бог тебе и дальше шагать так же широко и смело.

Николай Рачков,
г. Тосно Ленинградской области

* * *

Коля!

Вчера Лора принесла с почты второй номер «Аргамака». И я с удовольствием убедился, что он не хуже первого. И по содержанию, и по исполнению. Конечно, сначала я проверил — как выглядят работы Лёши (Аникиёнка, цветная вклейка — от редакции), так как задача — передать их типографским способом — не из лёгких. Моя оценка — твёрдая четвёрка. Это чуть меньше, чем АПН-овский журнал для Индии, который пока остаётся лучшим. Но Москва — не Казань, там возможности другие. Это понятно...

С удовольствием читал подборку Виля Мустафина. Ты — молодец, отобрал из его книги всё, что надо было. До остального пока не добрался. Прихожу в себя после больницы...

Николай Беяев,
село Ворша Владимирской области

* * *

Дорогой Николай Петрович, здравствуй!

Получил 2-й выпуск твоего «Аргамака». Спасибо за публикацию статьи о незваном госте. Альманах насыщен. С удовольствием и пользой прочитал статью о словарях русского языка Веры Хамидуллиной. Твоё слово — о Романе Солнцева... Остальное читаю пока.

Пётр Ткаченко, Москва

* * *

Здравствуйте, Николай!

Принёс с почты бандероль со вторым «Аргамаком». Поздравляю! Был приятно удивлён, увидев на одной из страниц журнала свою фамилию. В начале и в середине 60-х я, тогда студент КГУ, тоже зачитывался Рустемом Кутуем, тоже печатал свои первые строчки в «Комсомольце Татарии» (Сальтина Надя, Юлия Колчанова — тогдашние мои наставницы).

Жму руку!

Александр Лейфер, Омск

* * *

Дорогой Николай!

Альманах № 2 получил.. дал в библиотеки. Благодарен за публикацию миниатюр. Номер получился добротный, я уже писал вам об этом. Открыл для себя Амирхана Еники, Льва Мизандронцева. Как мало мы знаем друг о друге! Информационное пространство, особенно в литературе, замкнутое. Вы делаете очень полезное — раздвигаете границы. Всех вам благ и успехов!

Олег Глушкин, Калининград

* * *

Дорогой Коля!

Получил твою огромную бандеролищу с четырьмя «Аргамаками». Какой отличный и какой объёмный журнал! Ничем не уступает столичным, честное слово! Добротные, талантливые вещи опубликованы в нём.

Отрадно и то, что ты являешься главным редактором. Опыт у тебя есть, вкус тоже. Замечательное просветительское дело попало в умелые и горячие руки.

Уверен, что читателей будет с преизбытком. «Глянцевая» литература уже утрачивает былую восторженность, и молодым людям требуется серьёзная литература. Даже у нас, в Касимове, крохотном городке России, редко стали покупать «глянец», требуют больше классики, как старой классики, так и современной.

Коля! Твой журнал я отнесу в наши библиотеки. Один номер подарил местным литераторам Игнатьевым — они (муж и жена) пишут историческую прозу на местном материале. Проза живая, хороший язык. Может быть, тебе что-нибудь подошлют, посмотришь. Они наши, но жили и работали в Москве, инженеры. Члены Союза.

Посылаю тебе и кое-что из написанного мною. Стихов много...

Геннадий Морозов,
г. Касимов Рязанской области

С НАДЕЖДОЙ НА БУДУЩЕЕ

Я благодарен друзьям, откликнувшимся на второй номер альманаха, а также всем читателям, получающим его. Позвольте и мне поделиться кое-какими мыслями, связанными с нашим общим делом.

Давайте порадуемся вместе тому, что за окном весна. И хочется верить только в хорошее: Россия преодолет общемировой финансовый кризис, случившийся, как нас уверяют, не по её вине, Россия достойно отметит 65-летие своей Великой Победы над фашизмом, сделав всё возможное для благополучия ветеранов фронта и тыла — их, к сожалению, остаётся с нами всё меньше и меньше...

Главное событие в Татарстане — это, конечно, смена Президента. Минтимер Шарипович Шаймиев, руководивший республикой двадцать лет, уходит в отставку и чувствует, как он сам признался в беседе с Президентом России Дмитрием Анатольевичем Медведевым, огромное облегчение и даже радость, сдав властные полномочия своему преемнику Рустаму Нургалеевичу Минниханову. И это по-человечески понятно. Можно только догадываться, какого огромного напряжения всех жизненных сил, воли и разума потребовали от татарстанского лидера эти двадцать лет. Главное достижение мудрой политики Шаймиева — межнациональное согласие в республике, добиться которого было не просто — в начале девяностых в наших краях реально пахло порохом. И если бы не он... А достижения Татарстаном едва ли не самых высоких показателей по России в экономике, в сельском хозяйстве, в общественной жизни? Шаймиев оставляет нас не у разбитого корыта. Радостные

чувства он испытывает, наверное, и оттого, что уверен в своём премнике, как в достойном ученике. Многие годы совместной работы с Премьер-министром Миннехановым — порукой тому.

Редакция альманаха «Аргатак. Татарстан» полна чувства особой благодарности Минтимеру Шариповичу — без его конкретного, целенаправленного содействия альманах не появился бы на свет Божий в том виде, в каком он выходит уже в третий раз. Нам, стремящимся к преемственности художественных и нравственных традиций в отечественной литературе, было бы невозможно удержаться на издательском поле без государственной поддержки. Наше издание не для рынка, а для души, жаждущей очищения и откровения. Не могу не согласиться с дервишем современной русской и российской литературы Тимуром Зульфикаровым, заявившим: «Какое отношение имеет настоящая литература к рынку? Такое же, как порядочная женщина к публичному дому». («ЛГ», № 33, 2006 г.).

Творческая свобода, которой мы жаждали накануне рыночных реформ, и вседозволенность, разнузданность, которые мы получили взамен, — принципиально разные вещи. Не ошибиться бы в прогнозе, но кажется, что брожение российских умов склоняется к отрезвлению в области художественного творчества. Невозможно более находиться под воздействием наркотической иглы псевдокультуры и псевдоискусства. После одурманивающих зрелищ душа человеческая начинает взывать об исцелении живой водой классической музыки, живописи, поэзии Пушкина и Тукая.

В Татарстане многое начинается впервые. Если в Москве только ведутся разговоры о необходимости господдержки литературно-художественных журналов, имевших в начале перестройки миллионные тиражи, а ныне едва набирающих несколько тысяч экземпляров, то в нашей республике такую поддержку стабильно получают не только татарские (такие, как популярный журнал-ветеран «Казан утлары», необходимый для дальнейшего развития национальной литературы), но и русские издания (русский вариант молодёжного журнала «Идель», замечательный по полиграфическому исполнению полноцветный журнал «Казань», литературно-художественный «Казанский альманах» и наш «Аргатак. Татарстан», редакция которого находится уже не в столице республики, а в Набережных Челнах, полумиллионном городе, в котором проживают представители более восьмидесяти национальностей, приехавших в своё время строить КамАЗ).

Из чего складывается господдержка? Естественно, из бюджетных средств, пополняемых всеми нами — налогоплательщиками. В Татарстане два государственных языка. Для национальных республик это разумно, это — путь к справедливому устройству федеративных отношений. Один язык необходим для того, чтобы нация жила и развивалась, второй язык — для межнационального общения. Исторически сложилось так, что всё постсоветское пространство говорит на русском языке, без которого немыслима

и литература. Даст Бог, и братская Украина вернётся к пониманию необходимости двуязычия.

А раз так — и властные структуры, и общество обязаны заботиться о развитии языков и культур. Хотя бы потому, что никто из нас не хочет оказаться подстриженным под американскую гребёнку глобализма. Что касается издательских программ и проектов, то в Татарстане их политика сконцентрирована в республиканском агентстве по массовым коммуникациям «Татмедиа». ОАО «Татмедиа» — наш учредитель. И мне уже обещано, что финансирование альманаха «Аргамак. Татарстан» в 2010 году будет продолжаться. Мечтая о будущем, я надеюсь: а там и кризис кончится. И мы, все авторы, собравшиеся под обложкой с видом казанского Кремля, продолжим позитивный разговор с читателями о самом главном — о нашем общем будущем.

Николай АЛЕШКОВ

СНОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Булгаковский Иешуа Га-Ноцри на допросе у Понтия Пилата опасается, что путаница с его высказываниями будет продолжаться очень долгое время из-за того, что Левий Матвей неверно записывает за ним. И кто знает, чьё учение исповедует сегодня большая часть человечества? Христа? Или его толкователя Павла?

Сплошь и рядом извращают смысл сказанного автором исследователи творчества и театральные режиссёры. Попробуйте представить Гамлета анемичным, толстым и рыхлым (таким его вывел Шекспир) после великолепно сыгранных ролей поджарыми И. Смоктуновским и В. Высоцким. Или прочтите чеховские «Чайку» и «Вишнёвый сад», как комедии — именно к этому жанру их отнёс сам Антон Павлович. Как бы не так! Чушь, вложенная в уста бездарной Нины Заречной автором, в исполнении великих актрис звучит едва ли не как откровение господне.

В ряду таких извращений, на мой взгляд, не последнее место занимает и представление, что «Слово о полку Игореве» восхваляет подвиги этого князя во славу земли русской. Но давайте вернёмся к первоисточкам и разберёмся, что же всё-таки хотел сказать автор. А он в «трудной», т. е. печальной повести о походе Игоря не песнь под гусли поёт, подобно Бояну, как это общепринято преподносить в школах. Это — пламенная, обличительная речь, в которой достаётся почти всем живущим князьям и их предкам. И это притом, что автор волей-неволей должен был оглядываться на них: любой завтра мог стать Великим Киевским князем со всеми вытекающими отсюда последствиями.

И больше всего упрёков адресовано именно Игорю. Даже там, где он напрямую и не назван. И за то, что «нечестно кровь поганных проливал». И за то, что

бездарно положил семь тысяч мужиков и обезлюдил землю. И за то, что сам наводил половцев на Русь: ведь за два года перед описываемыми событиями именно Игорь вместе со сватом Кончаком (да-да, с тем самым Кончаком, у которого потом оказался в плену) ходил войной на киевского князя Святослава.

Судя по всему, «Слово...» задумывалось как проповедь, которую автор собирался произнести, а, возможно, и произнёс с амвона, хотя навряд ли он был священником — текст «Слова...» явно пропитан язычеством. В Болгарии мне рассказывали, что в какой-то из праздников миряне имеют право взойти на амвон и выступить с проповедью. В РПЦ, насколько мне известно, такой традиции не существует, но, возможно, она существовала во времена двоебожия.

К вопросу об авторстве... Сейчас в моде версия, что сам Игорь и написал «Слово», но, на фоне вышесказанного, это маловероятно. Судя по тому, что вне критики остался только Святослав Киевский, «Слово» написал кто-то из его окружения. Может быть это — Ходына, упоминание о котором возникает по соседству с Бояном. В своём пересказе я старался не отходить от авторского текста, а просто переписал его современным русским стихом, по возможности избегая поэтического «оживляжа». Учитывая, что текст, написанный сплошную, без разбивки на слова, изначально заглавия не имел, я считаю, что так его и надо читать.

(Стихотворный пересказ)

Не пристало нам, братья, про Игореву рать
старым словом печальный рассказ начинать...
Так начнём эту повесть о битвах в помин
не придумкой Бояна¹, а правдой былин.
Он же, вещий Боян, если песню творил,
то орлом быстрокрылым по небу парил;
по земле серым волком носился;
юркой белкой по древу стелился;
он в тугие слова свою мысль облекал;
он усобицы прошлых времён вспоминал
и рассказ заводил издалёка...

Непременно тогда десять соколов он
напускал лебединому стаду вдогон,
и которую лебедь гурьба настигала,
та и первой хвалебную песнь запевала:
пела гимн Ярославу с утра до темна;
о прекрасном Романе тужила она;
поминала Мстислава возвышенным слогом —
он Редедю зарезал пред войском касогов.

Художник Михаил Зичи, 1853 г.

Ах, волшебник Боян, то не соколов он
выпускал лебединому стаду вдогон,
а на струны он клал десять вещих перстов,
и запев для сказаний был тут же готов –
струны звонкие враз оживали:
сами славу князьям рокотали.

От Владимира старого повесть начнём
и до Игоря-князя рассказ доведём,
до того, что упорством свой ум укрепил;
что отвагою сердце своё поострил
и за Русскую землю лихие дружины
в Половецкие степи повёл на смотрины.

(И на светлое солнце князь Игорь взглянул,
прося у светила защиты,
но видит, что диск его в темень нырнул –
все воины мраком прикрыты.

Тогда говорит он дружине своей:
«Дружина и братие! Тлена
не будем бояться, ведь смерти страшной
позор половецкого плена.
Садимся же, братья, на резвых коней,
посмотримте синего Дона».
Желание знамений вышних сильней,
и самая смерть — не препона.
«Хочу, — говорит он, — копьё преломить
о край половецкого поля;
хочу свою голову с вами сложить
иль Дону испить — моя воля!»)²

Как воспел бы Боян, прошлых лет соловей,
эти ратные подвиги в песне своей?
Соловьём бы на мысленном древе свистел,
или острым умом в поднебесье летел,
иль, свивая с былой славу наших времён,
вдаль тропую Трояна умчался бы он?

«Через степи путь до гор в ковыле белесом», —
может, он бы так запел, вещий внук Велесов, —
то не соколов несёт за поля бескрайние,
стаи галочки летят к Дону синему...»

Был Велесов внук в своих думах смел,
может, вещий Боян так бы песню запел:
«За Сулою кони ржут —
слава в Киеве звенит;
трубы трубят в Новгороде;
стоят стяги в Путивле —
ждёт Игорь милого брата,
и говорит ему буй тур Всеволод:
«Один брат у меня — ты!
Один свет светлый — Игорь!
Оба мы — Святославичи!
Седлай-ка лихих коней, брат,
а мои так давно готовы —
под седлом у Курска стоят.
А куряне мои тем знамениты,
что под трубами повиты;
под шеломами возвращены;
с конца копья вскормлены;

все дороги им ведомы;
все овраги изучены;
у них луки напряжены
и колчаны открыты;
словно волки, в поле рыщут
веселы и бравы:
для себя там чести ищут,
а для князя — славы».
(...)

И тогда Игорь-князь в золочёное стремя вступает
и навстречу гибели едет по чистому полю...
Солнце светлое путь ему тьмой заступает;
ночь грозою пророчит неволю.
Топот птиц разбудил, свист звериный просторы тревожит;
Див³ завыл, загудел — извещает окрестные страны:
и Поволжье с Посульем, Поморье и Корсунь с Сурожем,
и Тмутороканскому слушать велит истукану.
Затревожились половцы, русские слыша мечи,
побежали к Великому Дону неторной дорогой;
словно белые лебеди, вспугнутой стаей в ночи
закричали телеги, простор наполняя тревогой.
Игорь к Дону Великому русское войско ведёт,
и гибели русичей ждёт вороньё по дубравам;
волчья стая, грозу поднимая, вблизи, по оврагам идёт,
и орлы созывают зверьё для участия в пире кровавом.
Вот уже и достигнули рати граничной черты,
и уже изготовились храбрые русичи к браням...
Полевые лисицы на червлёные брешут щиты,
и скрылась Русская земля за Шеломянем...⁴

Долго меркнет ночь...
Свет зажгла заря...
И туман окрест
затопил поля.
Соловей умолк.
Галок гвалт смелей.
Развернулся полк
поперёк степей.
К битве полк готов;
полк стеной стоит;
частокол щитов
багрецом горит.

Вопреки судьбе
ищут ратью всей
почестей — себе,
славы — для князей.

Спозаранок в пятницу, в пойме Сюрль-реки,
потоптали нехристей русские полки,
и, как стрелы, разнеслись по степным пределам:
в чистом поле догонять половецких девок.
Воинской удачи славная пора –
понабрали ратники разного добра:
паволок и золота, бархатных полотен;
узорочьем вымостили гати на болоте...
Воинам достались золото и девки;
князю — знамя алое на серебристом древке,
храбру Святославичу для могучих рук –
белая хоругва и красный бунчук!

Дремлет в поле доблестный выводок Олега...
Далеко от родины место их ночлега...
Порождён он не был, братья, на дичину
ни соколу-кречету, ни ворону-половчину.
Но уж волком по полю ночью мчится Гзак;
правит к Дону синему путь ему Кончак...

А в субботу приметы беду обещают:
кровавые зори рассвет предвещают:
чёрные тучи от моря клубятся,
четыре солнца завесить стремятся.
В них синие молнии гневно трепещут –
быть страшному грому на поле зловещем;
дожди не водой над Каялой прольются,
то стрелы с Великого Дона несутся...
Тут и копьям о кольчуги преломиться;
тут и саблям о шеломы затупиться
возле Дона, на Каяле⁵ утром ранним...
Где-то Русская земля за Шеломянем...

Это ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами,
отовсюду летят на храбрые полки Игоревы:
глухо стонет земля, к морю реки несёт помутнелые;
пыль покрыла поля, будто всюду трава выгорела.

Навалилась на русичей половецкая сила великая,
затопила пространство до моря знамёнами,
оглушила безбрежную степь кликами,
а храбрые русичи оградилась щитами червлёными.

О, воитель неистовый, Всеволод!
Среди брани стоишь на побоище;
мечешь стрелы на воинов вражеских;
о шеломы гремишь шестопёрами;
достаёшь их мечами булатными.
И куда ни поскачешь, неистовый,
там поганцы лежат половецкие;
где прошли твои сабли калёные,
там на мелкие щепы расщеплены
дощаные шеломы аварские...
И какой запечалится раною
тот, кто думы о жизни не ведает;
кто не помнит о граде Чернигове,
о столе золотом его княжеском;
кто любимой красавицы Глебовны
позабыл даже ласку и преданность.

И Трояна века, и лета Ярослава
затмила Олега недобрая слава:
Олег Святославич мечами крамолу ковал
и стрелами щедро страну заседал.
Лишь в стремя он в Тмүторокани вступает,
как звон тот до Всеволода уже долетает,
а Владимир в Чернигове так вовсе не спал
и уши всегда по утрам затыкал.
И Бориса Вячеславича горька судьба:
на суд роковой привела похвальба
и трава покрывалом нетканым укрыла.
За обиду Олега то сделано было...
И отца Святополка с Каялы обоз
меж двух иноходцев к Софии повёз.

Олег Гориславич крамолу вносил:
усобицы сеял и горе растил;
та память осталась, как смертная мука –
шла прахом держава Дажьбожьего внука.
На распри князя свои силы растрачивали,
да людям простым жизни зря укорачивали.

Редко пахари тогда на Руси покрикивали;
часто вороны тогда над землёй покаркивали.
Там, где кровь людскую лили,
трупы вороны делили,
и друг друга галки звали
поживиться на печали.

Это было в битвы прошлые,
было в прошлые походы,
но такого люди божии
не слышали во все годы:
бой идёт с утра до вечера;
бой идёт всю ночь без роздыха;
от скопления человеческого
веет злом сраженья грозного.
В диком поле рати рубятся:
стрелы сыплются калёные;
о шеломах сабли тупятся;
копья падают дроблёные.
Вся земля костями усеяна;
кровью поле щедро залили,
а беда, что там посеяна,
на Руси возшла печалью.

Что мне шумит, что мне звенит ранней ранью вдали?..
Ковуи полки под удар подвели...
Раненый Игорь, печалюсь о брате,
бросился вслед — заворачивать рати.

День они бились и бились — второй...
Только в полдень третьего — пали стяги:
разлучились братья над Каялой-рекой —
не хватило в жилах кровавой браги.
На пиру том русичи отгостили;
они сватов допьяна угостили;
а вот сами выстоять не смогли —
все за землю Русскую полегли.
Стлала ложе смертное им плакун-трава,
до земли склонились горестно дерева...
Невесёлая година, братья, наступила:
русскую силу пустыня прикрыла;
обильная жизнь навсегда позабыта;
встала в силах Дажьбожьего внука Обида:

на землю Троянову девой вступила,
лебедиными крыльями в море забила –
для русских плохие пришли времена,
и в этом, заведомо, княжья вина...
Не зря по Руси рати носятся вражи:
причиной несчастий усобицы княжи –
брат брату кричит: «Моё это и то!»
За малым большого не видит никто...
На себя они сами крамолу куют,
а поганые путь к нам на Русь прознают.

Ох, далече ты зашёл к синю морю, сокол:
побивая птиц, пропал сам ты ненароком...
А полка не воскресить! Карна закричала
над погибшими, и Жля Русью поскакала:
жжёт людей она огнём без конца и края,
в них из огненного рога пламенем плеская.
Мёртвым нет пути назад — по мужьям сражённым
безысходно голоса на Руси их жёны:
«Мыслью милых не вернуть из степи угрюмой
и очами не взглянуть, не придумать думой.
Были милые нежны, были тороваты,
а без них нам не нужны серебро и золото».

И тогда застонал, братья, Киев от страшного горя;
занедужился, братья, Чернигов от страшной напасти –
то печаль и тоска затопили, как грозное море,
дали Русской земли, расчленённой на части.
На себя, ведь, князя неразумно крамолу наводят,
и не видно конца вековечным раздорам,
а враги со дворов между тем девок обелью сводят,
и гуляют поганые вольно по русским просторам,
ибо два Святославичи храбрые, Игорь и Всеволод,
ослушанием вновь разбудили едва лишь утихшую злобу,
что было усыпил своей славной победой
Святослав, князь великий, врагам на стыдобу.

Он дороги проторил сильными полками;
он коварных изрубил острыми мечами;
он обрушился на них, как с горы лавина;
он овраги и холмы превратил в равнину;
повсеместно возмутил реки и озёра;
вежи половцев подверг Святослав разору;

он потоки осушил; иссушил болота
и извергнул Кобяка из его оплота.
Кобяка как вихрь исторг он из Лукоморья,
и бесславно пал Кобяк на княжьем подворье.
Италийцы и моравы, греки, немцы, прочий люд
восхваляют Святослава, князя Игоря кланут:
ведь на дне реки Каялы он богатство утопил
и седло там золотое на ярмо раба сменил.
Запечалились городские забрала,
и повсюду веселье пропало...

А Святослав увидел смутный сон
в стольном граде Киеве, на горах;
и боярам поутру поведал он
этот сон с тревогою во взорах:
«Снились, что всю ночь вокруг, стена,
люди незнакомые сновали:
на кровати тисовой меня
чёрным покрывалом укрывали;
было в спальне, как в гробу, темно:
чашники, склоняясь над постелью,
подносили синее вино,
горестным приправленное зельем.
И меня горячая тоска
лапой цепко за сердце схватила.
Снилось, что остались без князька
в златоверхом тереме моём стропила...
Из пустых колчанов толмачи
крупный жемчуг сыпали на лоно,
нежили меня, а мне в ночи
слышался вороний грай и стоны.
Серые вороны собрались
у Плесеньска и всю ночь галдели,
а потом с левады поднялись
и всей стаей к морю полетели».

Молвили бояре: «Извела,
полонила, князь, умы досада –
то два сокола слетели со стола
поискать Тьматороканя-града...
Любо Дона им шеломами испить.
Только больше натворили смуты:
крылья половцы смогли им обрубить,

на самих железные надели путы.
Кончилась печально похвальба:
в третий день померкли два светила;
в море погрузились два багряные столпа;
с ними тьма два ясных месяца покрыла.
Святослава и Олега больше нет –
на реке Каяле оба пали;
на Каяле тьма покрыла свет:
как гепарды⁶, половцы по Руси помчали.
Ими путь открыт беде и злу:
в гуннах уже буйство пробудили;
пал позор нежданно на хвалу;
волю под неволею сокрыли.
Див обрушился на землю целиком,
слыша, как под звонкие свирели
девы готские на берегу морском,
златом русским звякая, запели.
Они время Бусово поют
и за Шаруканя месть лелеют,
а дружины наши слёзы льют
и помыслить о веселии не смеют».

И тогда великий Святослав изронил золотое слово,
с горячей слезой смешанное:
«О, сыны мои, Игорь и Всеволод!
Зря пошли вы дразнить Половецкую землю мечами:
лёгкой славы добыть вы себе возмечтали,
но нечестной победы вы там не сыскали...
Знаю, ваши сердца из булата откованы были –
закалённые в лихости, разум вы просто забыли...
Что ж вы, дети, с моей сединой сотворили?
Ярославовой власти уже я не вижу, робята:
он силён и богат, смелых воинов много у брата...
Только где же бояре его? Где могуты его?
Где его топчак и ревуги?
Где ольберы, татраны, шельбиры?
В славу прадедов собственной славой звоня,
выходили на бой они силой великой.
Ведь они без щитов, с засапожной толпой⁷
разгоняли врагов устрашающим кликом.

«Нет, — сказали вы, — сами за славой пойдём,
половецкие степи врагами устелем;

мы и прошлую славу себе заберём;
мы и новую славу поделим».
А не диво ли мне, старику, молодеть?
Сокол в линьке не выкажет виду –
гонит птиц от гнезда выше в небо лететь,
чтоб не дать соколят им в обиду.
Только жаль — мне князья помогать не хотят:
время вспять потекло — от согласия к ссоре!
Вон, под саблями в Римове люди кричат,
а Владимир израненный — в скорби и горе.

Князь великий, всеильный Всеволод!
Неужели не собираешься отчий стол защищать от нехристей?
Ты ведь можешь Волгу вёслами выплескать;
в силах Дон шеломами вычерпать.
Будь ты здесь, князь великий Всеволод,
по ногате рабу торговали бы;
шёл бы раб не дороже резани –
ведь стреляешь живыми стрелами,
князя Глеба сынами смелыми.

Где вы, Рюрик с Давыдом, буйные?
Аль не ваши по крови вражеской
золочёные шлемы плавали?
Аль не ваши дружины храбрые,
будто дикие туры рыкают?
Словно грозные туры, рыкают
те, что саблями в поле ранены?
Господа, на коней садитесь же
да постоит за землю русскую,
как положено братьям исстари.
Отомстите за раны Игоря!

Где ты Галицкий князь, Осмомысл Ярослав?
Ты сидишь на столе своём, землю поправ.
Известен давно боевой твой задор:
ты полками железными Карпаты подпёр;
королю ты пути заступаешь сюда;
ты Дунаю сумел затворить ворота!
А тиуны твои волость вызнали сплошь –
даже с высей заоблачных дани берёшь!
До Дуная рядишь ты свой праведный суд:
успокой землёй твои грозы текут;

и за гранью земной ты султанов стреляешь,
и Киеву ты ворота открываешь!
Так скорее стреляй, господин, Кончака –
подлый раб землю русскую топчет пока.
Нашли на него острых стрел ураганы –
за Русскую землю, за Игоревы раны!

А ты где, Мстиславич, князь волынский, Роман!
Буйный нрав от рождения был тебе дан;
горячая кровь в твоих жилах течёт;
тебя мысль буревая на дело влечёт:
несёшься, как сокол, на ветрах паря,
когда он стремится настичь сизаря,
и выглядят, словно они близнецы,
в латинских шеломах твои молодцы.
От поступи их содрогнулась земля;
прошли они множество стран, кабаля:
ятвяги, угры, дермела и литва
пред ними легли, как под ветром трава,
и половцы тоже покорные главы
под твои преклонили мечи и булавы...
А для Игоря солнечный свет уж угас...
Он в рабстве у половцев страждет сейчас:
на Каяле-реке его рати разбили,
по Суле и по Роси города поделили,
а уж Игорева храброго полка не воскресить.
Дон зовёт тебя скорее за их гибель отомстить.
Всею силой, князь могучий, на победу встань!
Ольговичи храбрые не проспали брань...

Ингварь и Всеволод, и все три Мстиславича!
Поспешите на помощь из Луцка и Галича,
шестокрыльцы, птенцы не худого гнезда!
Разъедает, князь, ваши души вражда.
Но побед вы в сражениях не одержали;
мимо жребия волости вы расхватали.
Где же ваши, князь, золотые шеломы?
Копья польские — где? Где щиты? Вам знакомы
и набег удалой, и лихая охота,
так закройте же стрелами Полю ворота;
поразите врагов мощью быстрого вихря
за Русскую землю, за страдания Игоря.

Там, где раньше струёй серебристой текла,
к Переяславлю ныне сочится Сула,
и даже Двина к храбрецам, полочанам,
крадётся болотом под крики поганных.
Один Изяслав путь врагам заслонил:
о литовские шлемы мечом позвонил;
лишь унизил юнец славу Всеслава-деда.
Увы, не далась ему в руки победа!
Кровью исходит под алым щитом
юный князь на траве, а все плачут по нём:
«Птицы дружину твою расклевали,
а кровь уже дикие звери слизали».
И брата с ним не было тут Брячислава;
и не выручил Всеволод в битве кровавой.
Навек в одиночестве князь опочил:
жемчужную душу из груди изронил –
нашла она ход в золотом ожерелье...
Уныние в песнях, пропало веселье...

Слышите, трубы трубят Городенские:
не покуситесь на земли соседские.
Ярославовы внуки и внуки Всеслава,
не довлеет над вами уж дедова слава:
скорее к согласию стяги склоните;
мечи затуплённые в ножны вложите –
в княжеских распрах погибель земли,
вы сами поганных на Русь навели.
Скажите, доколе же хватит терпения
от земли Половецкой сносить притеснения?

По веке седьмом, как Трояну явиться,
бросил жребий Всеслав о любимой девице:
вскочил чародей на коня удалого
и в Киеве древком коснулся стола золотого;
лютым зверем оттуда ночью порой
умчался, обёрнутый синею мглой;
и трижды из Белгорода счастье пытал:
ворота Новгородские он отворял;
Ярославову славу порушить дерзнул
и волком к Немиге с Дудуток скакнул.

На Немиге стелют снопы головами;
на Немиге булатными молотят цепами:

на току том русичей жизни лишают,
христианские души от тел отведают –
не травую кровавые склоны её берегов,
а костями засеяны русских сынов.

Князь Всеслав людей судил;
города князьям рядил:
днём рядил, а ночью сам
рыскал волком по лесам –
ввечеру на Киев глянет,
к петухам — в Тмуторокани...
Хорсу светлому пути
ухитрялся перейти.
К службе утренней София
его в Полоцке звала –
он у Киевской Софии
слушал уж колокола.
Но хоть вещая душа в дерзком теле крылась,
а страдать от бед ему тоже приходилось.
Потому-то и Боян князю не запевку,
наперво адресовал мудрую припевку:
«Будь ты хитрый, будь умелый –
исхитрись хоть птицей стать,
но суда господня, милый,
не удастся миновать».

О, стонать земле русской по доле своей,
вспомнив первое время и первых князей!
Как нельзя было раньше Владимира
к Киевским горам прибить,
так Давыда и Рюрика ныне скрепить.
Боевые знамёна за каждым встают,
только врозь они выются,
и копыта их порознь поют».

Слышен голос Ярославны у Дуная;
сирой птахою на майской зорьке кычет:
«Полечу с утра кукушкой на Каялу,
омочу в степной реке рукав шелковый;
омочу рукав водой живую –
князю раны жгучие омою».

Во Путивле ранним утром Ярославна
плачет горькими слезами на забрале;
упрекает Ярославна буйный ветер:
«Ой, ты, ветер, неразумный ты ветрило!
Что ж ты, ветер, овевая злую сечу,
хиновские стрелы, ветер, мечешь
с лёгких крылец войску милого навстречу?
Разве мало тебе высей поднебесных?
Мало разве кораблей на синем море?
Вот бы на просторе их лелеял...
Так зачем же, господин, моё веселье
по степи ковыльной ты развеял?»

Во Путивле ранним утром Ярославна
плачет горькими слезами на забрале;
укоряет Ярославна Днепр могучий:
«Ой, ты, батюшка родимый, Днепр Словутич!
Источил ты каменные горы;
путь пробил ты в землях половецких;
ты носил туда насады, на которых
Святослав доплыл до стана Кобякова...
К ладе моему, Словутич, будь добрее,
не покинь в беде, на поле бранном;
господин, верни мне милого скорее,
чтоб я слёз ему не слала утром ранним».

Как в Путивле ранним утром Ярославна
плачет горькими слезами на забрале;
обращает Ярославна к Солнцу речи:
«Ой, ты, светлое-пресветлое Светило!
Даришь всем ты радость ясным оком!
Почему же Игорю, владыко,
ты победы не дало в бою жестоком?
Ты почто его полки в безводном поле
обрекло безжалостно на муки,
обжигая жаркими лучами?
Ты почто сухменью скрючило их луки
и печалью запечатало колчаны?»

И взыграло полночное море — смерчи мглою идут...
Кажет Игорю бог к русским землям маршрут...
Догорает закат на родной стороне...
Игорь думает думу свою в полусне:

в мыслях явственно видится путь удальцу
от Великого Дона к меньшому Донцу.
Уговор сокровенный надёжно храня,
свистнул в полночь Овлур за рекою коня;
князю Игорю думать скорее велит –
от неволи ему избавление сулит...

Простучала земля, зашумела трава...
Половецкая вежа качнулась едва...
Игорь-князь горностаем скакнул в тростники;
белым гоголем пал в струи сонной реки;
за рекою вскочил на лихого коня;
серым волком скатился — в преддверии дня
и помчался к Донцу краем росных лугов;
сизым соколом взмыл до гряды облаков
и на Русь полетел под завесой дождей,
побивая на пищу гусей-лебедей.
И, пока он летел, мчался волком вниз
по просторам Овлур, отрясая росу.
Так и были в дороге одиннадцать дней,
потому что совсем заморили коней...

Князю Игорю быстрый Донец говорит:
«Князь, величием дел ты теперь знаменит!
Веселиться отныне Руси на веку.
Не обратиться позора вовек Кончаку».
А растроганный князь отвечает Донцу:
«И тебе, о Донец, то величье к лицу!
Ты лелеял меня на бесшумных волнах;
ты стелил мне траву на крутых берегах
и, туманами тёплыми нежно одев,
укрывал под зелёною сенью деревьев;
белым гоголем краткий мой сон сторожил;
над струями встревоженной чайкой кружил,
и чернядью верной следил на ветрах,
чтоб меня не настиг неожиданно враг.
Не такая река, — говорит он, — Стугна:
преисполнена злобного нрава она –
пожирая чужие ручьи и струи,
унесла Ростислава в пучины свои...
И, увидев, как сына цепляют багром,
плачет мать Ростислава над тёмным Днепром;

вянут с горя цветы, и унынье стоит
за пониклыми кронами грустных раки...»

Не сороки трещат — по степи напрямиком
догонять беглеца мчатся Гза с Кончаком.
Но вороны молчат и сороки молчат.
Даже глупые галки, и те не кричат.
Лишь одни муравьи свою ношу несут.
Только пёстрые полозы в травах ползут.
Дятлы тётком к реке кажут правильный след,
да поют соловьи, возвещая рассвет.
Молвит Гза: «Если сокол умчался домой,
соколёнка пронзим золочёной стрелой».
И отвечает Гзе удручённый Кончак:
«Может, лучше нам было бы сделать не так!
Если сокол уже на свободе резвится,
соколёнка опутаем красной девицей?»
Кончака убеждает рассерженный Гза:
«Если так, то нам выключат птицы глаза,
и тогда не видать ни родимой землицы,
ни того соколёнка, ни красной девицы!»

«На все времена наше слово едино, —
рекли песнопевцы Боян и Ходына.
Певцы Ярослава, любимцы Олега
сказали: «Без плеч голове не до смеха.
Беда и плечам головы не иметь».
Без Игоря Русской земле — ослабеть!

Словно ясное солнце пробилось во мгле:
объявился князь Игорь на Русской земле...
Девушки об этом поют на Дунае,
до Киева их голоса долетают.
По взвозу Боричеву к гордости общей
Игорь едет молиться Святой Пирогощей.
Повсюду его возвращению рады:
веселы веси и веселы грады!
Время пришло закончить и нам...
Песни пропели мы старым князьям,
а кончим рассказ о деяниях былых
истой здравицей в честь молодых:
«Игорю Святославичу — слава!
Неистовому богатырю Всеволоду — слава!

Юному Владимиру Игоревичу — слава!
Князья и дружина да будут здоровы!
Защитникам нашим от полчищ поганых — слава!
Слава князьям!
И дружине — слава!
Аминь.

Примечания:

¹ Боян жил, предположительно, в 1080-1150 гг.

² Отрывок по смыслу должен бы находиться на месте, отмеченном (...)

³ Див — известковый останец на берегу р. Дон.

⁴ Шеломянь — обобщающее название мелкосопочника (шатрообразных останцов) в междуречье Оскола и Дона (см. кн. «Советский Союз. Географическое описание в 22-х томах». Изд. «Мысль», 1970 г. РФ. Центральная Россия, стр. 663,739 и далее).

⁵ Каяла — скорее всего это р. Чёрная Калитва, или какой-то из вышележащих правобережных притоков Дона.

⁶ Гепарды — животные, известные на Руси под именем «пардусов», в то время широко использовались на охоте.

⁷ Сапог — согласно Д. С. Бисти, корень молодого дерева с частью ствола: сапогами вооружались первые ряды народного ополчения.

Два плача

Поэма

Зачин

Вновь над лесами, полями, морями,
стон облетает планету — и вновь
через века возвращается к сердцу...
Друг против друга стоят, плачут жёны.

Обе над горькой судьбою рыдают,
слёзы по белому свету летят,
соединяя Запад с Востоком,
мир потрясая, уставший от горя.

Слёзы одной — над простором Идели,
и над Дунаем стенанья другой.
Только тоской они связаны общей —
два причитания разных земель.

В ханше соперницу видит княгиня
словно мужа их — по крови родные...

Ангелы кротко слезинки считают —
и самоцветы, и жемчуг они.

Ежели сердце терзают печали,
запах кровавый почуешь всегда.
Время и Память... Опять столкновенье —
кто из них чувствует правым себя?

Все-то рыдания перекрывают
эти два плача далёких сестёр.
Женские слёзы в веках застывают,
а у мужчин — нескончаемый спор.

I

С ю ю м б и к е

О плачь, народ мой, плачь, рыдай со мной,
меня одну в печали не оставь!
Судил, должно быть, Всемогущий мне
ступить покорно на терновый путь.

Готова я скитаться на чужбине,
чтоб правоверных участь облегчить,
коль не судьба остаться вместе с ними
мне как ногайской дочери степей...

Рабыней стану я в краю чужом,
страна, твоя невестка — лишь калым,
залог кровавой свадьбы... В основание
Казани пёс зарытый будет хохотать...

О сын мой¹, ныне тоже плачь со мной,
хотя ты мал и не поймёшь пока
истока скорби матери своей,
и глубины, и тяжести её.

Я сердце раскрываю во всю ширь —
и раненой струной оно звучит...
Рабы Аллаха мы, а беспощадный царь
нас хочет превратить в своих рабов.

Наверно, страждет ныне дух Орды —
неужто всё мы потеряли, что могли?

Не держится на голове венец свободы
у тех, кто сапоги готов лизать.

Моя земля в росе кровавой вся,
от осени весну не отличить...
Благодаянья и грехи мои,
о, ангелы, пишите солью слёз!

* * *

Руки кусая, волосы выдирая,
девушки и молодницы рыдают.
Где ж тот сеид², чтобы крикнул им: «Хватит!
Уподобляться язычникам — грех!»

Ох, не к добру видеть жемчуг во сне!..
В ханском дворце нет, наверно, и камня,
чтоб не слезился... Из глаз домового
тоже горючие слёзы текут.

Глазки дитя кулачком утирает,
кто-то же греет змею на груди...
Ветер уносит и снова приносит
разноголосье тягучего плача.

2

Я р о с л а в н а

Беспечных праздников, что веселили душу —
как малолетство, — время миновало.
О плачьте, девушки, рыдайте же со мною,
пора настала слёзы проливать.

Полуночного неба предсказанье
написано грозы копьём кровавым.
Да будь же проклят сокол³ боевитый —
разлуку он с любимыми принёс.

Одной наложнице кипчакской радость:
как приговор степи — гроза ночная!..
Услышь же, Игорь, через доли, горы —
такого ли исхода ожидал?

Приснилась мать покойная — зачем-то
свой чёрный плат на поле разложила.
Наутро же затмилось в мире солнце,
и темень войску путь пересекла...

Что Игорю советы самых мудрых?
Он поспешал, как будто убегая,
к соседу, хану Кончаку. Не дунув,
глотнул там огненно горячий вар...

«Я о своём сиротстве позабуду,
коль станешь мужем мне законным», —
сказала я. Но цепи не порвутся,
слезами кандалы не растопить.

И накипь горя смоешь ли слезами
в душе измученной? Но как не плакать
злосчастным вдовам, если день последний
драгого мужа рано так пришёл?

Подруженьки, давайте ж не престанем
рыдать — пусть небеса услышат.
Пусть ангелы, что к людям милосердны,
заплавав, нас своими назовут.

* * *

Горестных слёз не выносит и камень,
стены — и те от рыданий дрожат.
Если весь мир и стенает, и плачет,
в нём и соперники в горе равны.

Стонет, о рабстве забыв, и рабыня,
всех-то утешить желает Боян:
княжью премудрость он песнями славит,
сладкие сны выдавая за быль.

А в причитаньях безумной старухи
радость и горе слились пополам.
Высохла степь. И земные поклоны
соколу кротко кладут ковыли,

ибо заставил он тучки заплакать...
Капают свечи в несчастном дворце.
Скрип половецкой разбитой повозки
в город доносится тоже, как стон.

Конь потерял своего воеводу —
слёзы в следах от копыта коня.
Сам себя князь проклинает великий —
в горести он об угланах⁴ своих.

Если душа разобижена, каждый
чистым считает себя и святым.
Кличка «Поганый» — недавнему другу,
хоть из беды он не раз выручал...

...Кровь со слезами по сточным канавам,
их переполнив, текут без конца.
В Киеве стон, и повсюду до Сулы⁵
звуки его не стихают нигде.

Плачет душа под степным небосводом.
Молнией гор Жигулевских она
обожжена. И летит до Казанки
криком отчаянья горестный гром...

3

С ю ю м б и к е

Два плача повстречались... Говорят,
видать, не зря про Землю, что тесна...
Княгиня, ты не осушаешь глаз,
но в скорби безутешней ли, чем я?

Не всем и не всегда хватает сил
на то, чтоб горе выплакать своё...
Хотя порою влага двух очей
обильнее небесной во сто крат.

Я р о с л а в н а

Должно, бике⁶, судьба у нас такая,
что смеха — капли, а рыданий — реки.
Но горделивых, словно ты, не ввергнет
в тоску и горевания тщета.

Душе твоей дивлюсь я терпеливой:
как много слёз кипит в ней без исхода...
Не гневайся, что я тебе открылась —
вдова вдове подсоба в тяжкий час.

Иная вера у меня, должно быть,
обличьем мы с тобой ни в чём не схожи.
Но пред неложною слезою горе
нам в тождестве не может отказать.

С ю ю м б и к е

Когда бы белый свет смеялся весь,
мы были бы с тобой как близнецы.
Наверно, и твоя слезинка есть
в плывущих над Казанью облаках.

Мучений наших не вместить в слова.
Кто нас поймёт с тобою? Только тот,
кто в чёрной бездне горя побывал
и разглядел в кромешном мраке дно.

Не смогут ангелы в день Страшного суда
и меры отыскать для наших слёз...

Я р о с л а в н а

Не будем поминать чужое горе —
своё всегда бывает тяжелей.

Всё дальше бренный мир. Он уплывает.
Встречаю со слезами я рассветы.
Терзается мой князь, теряет разум —
рождённым править нестерпим полон.

С ю ю м б и к е

Испытанный земным путём всегда
поступками своими полонён.
Их суть определится в главный день,
когда к ответу призовет Аллах.

Ну разве не спесивость возжелать
копье в степи кипчакской преломить?
Совсем пустячным делом посчитать
своим шеломом Дону зачерпнуть?⁷

В камнях драгоценных — ханский конь,
и серебром украшена стрела.
Да разве он дозволит наострить
меч о балбалов⁸ пояс золотой?

Кто из сородичей твоих отдал
без боя шапку под гнездо орлу?
Во имя правды, не стыдясь, скажи,
кто первый рать свою повёл на брань?..

А хан Кобяк⁹ (то друг он вам, то враг)
в плену позорном голову сложил.
Полынь точила слёзы, а у вас —
веселье, игры, песни — разве нет?

Когда живой добычи шёл делёж —
у воинов предлог для похвальбы, —
хоть чей-нибудь был затуманен взор,
рабам несчастным кто-то сострадал?

Неужто и весла не погружал
брат мужа твоего в мою Идель?
Когда ж народу память неверна,
то рыба сохраняет крови вкус...

Ярославна

Увижу сад, услышу песню — это
мне горестную душу не утешит...
А всё же мир мы видим искажённым,
когда сквозь слёзы на него глядим.

Не мы придумали все эти схватки, сечи,
они мужьям приносят славу, нам же — слёзы.
Как два посла, сейчас мы с глазу на глаз,
стена, ищем правду. В чём она?

Сююмбике

Узнаешь в плаче от своих предтеч —
ведь ты ж не первая, — что редок на Земле
счастливый день, где не слились ручьи
горячей крови и горячих слёз.

Ярославна

Порочный круг для всякого народа —
мол, без войны не избежать раздоров.
И сколько б мы с тобой ни причитали,
людей ничто не может изменить.

Не вспомнить, сколько раз во сне видала
то чернокрылых птиц, то белоснежных.
Одними милосердными делами
попробуй-ка народ свой сохранить!..

Богатырю с мечом земля родная
благословленья не даёт порою,
но будто воин — брат родной Пророка
сам руку на плечо его взложил.

Сююмбике

Бывает, что в воде утонет хмель,
а камень остаётся на плаву.
Когда же клятва предана, стреле
срываться с лука, видно, Бог велит.

Да разве можно с верой совместить
желание испить мою Идель?
Лишь умножает в алчности поход
того, кто в нём богатство захватил...

Но проповедь ни мне и ни тебе,
подруга по несчастью, ни к чему.
Не будем же друг друга укорять —
уста нам не для этого даны.

Как рукава у платья твоего
длинные! Нескоро высохнут они...

Я р о с л а в н а

Твои бездонны очи, и душою
я чую — не иссякнут слёзы в них.

4

Спелый горох в огороде стреляет,
слышен стручков на акации треск.
Бабочка вдруг заметалась: пугает
тихую с ханского кладбища стон.

Иволги бесперечь кружат над лугом,
нынче не просят они о дожде.
Плачет вдова, на прощанье погладив,
камень гробницы печальной рукой...

Эхо протяжных, надрывных рыданий,
слышится с четырёх света сторон.
Не от самума¹⁰ качаются стены
Дивансарая¹¹ — от вопля-мольбы.

Вся-то страна преклонила колени,
милости просит она у Творца.
Плач с минарета мечети трепещет,
мечется, ищет укрытие себе.

Чужая опасность, собаки завыли,
словно идёт переключка волков.
Плачут в отчаяньи простолюдины,
с мурзами¹², беками¹³ в горе равны.

Если с печалью азана¹⁴ сольётся
горечь слезы — скорбный звук нестерпим!
Между могилами бродит хранитель,
тело своё истязая камчой¹⁵.

Князю-захватчику можно ль смягчиться,
если он кажется богом себе?
И крокодил, если жертву наметил,
всё же в слезах подбирается к ней...

Слёзы кругом... Лишь один извергает
полымя, словно дракон: для него
слаще всего наслаждение кровью,
если соперник теряет её.

Ждет ханбике на Казанке кораблец —
«сытное рабство» обещано ей.
Волгнет земля от великого плача,
горечь и соль напитали её.

С ю ю м б и к е

Коль можешь, помоги, Сафа-Гирей!¹⁶
Я уповаю на тебя, Аллах!
Веселье можно разделить с чужим,
а горе — только близкий и поймёт.

Мой хан, к тебе взываю я в слезах,
ответа ждёт смятенная душа.
Не зря же я всегда была твоей
любимейшей из всех прекрасных жён.

Ты видишь русских воинов сейчас —
их дюжина на кладбище твоём...
Жена твоя, как лебедь в вышине,
коварною стрелою сражена.

Кровавой свадьбой я обречена
рабою иноверца быть. Позор!
Швырнула б сердце с минарета я —
пусть разобьётся иль сгорит дотла.

Мой хан, не ты ль на резвом скакуне
от трона до могилы проскакал?

Мне, одинокой, ты оставил тьму
попрёков, сплетен, козней и угроз.

Но вправе ли пенять я на судьбу? —
пошли, Аллах, терпение в беде.
Но как молчать об огненной горе
злосчастия, что пала на меня?

От воронов я жалости не жду
и помощи не жду ни от кого.
Родной, кому есть дело до того,
что стал сироткой сын твой, грудничок?

До Крыма, до ногаев далеко,
к тому же с ними нынче нелады.
Наслушалась чужих советов я,
да не от сердца все они идут.

Двуличны правоверные твои,
благоухают ладаном они.
Они, своей свободой клянясь,
меня, вдову, на ссылку обрекли.

Наследник твой в неволе испытать
какие искушенья осуждён?
Меня пугает вера чужаков,
я не приемлю даже их язык.

Ослабла в одиночестве своём,
позволь ему приникнуть к твоему.
Возьми к себе на ложе сироту,
ведь наши души — птицы-близнецы.

Златых замков немало на дверях,
а всё же в склеп свой ты меня впусти!..
Разлив Идели солон, по нему
отсюда увезут нас на ладье.

Ох, далека, неведома черта,
за коей радости блеснёт слеза...
Прощай, страна! Изгнание моё
пускай тебе оплатится сполна.

Ярославна

Кровоточит сиротская душа,
Меня, твою свидетельницу, ранит.
Слова твои, что струйкою cedятся,
шёлковой нитью дай-ка разделю.

Ты помнишь, как сказал твой соплеменник
тебе, несчастной, в гибнущей Казани:
«А хватит ли тебе и слёз, и крови,
чтоб в граде нашем пребывать, бике?»

Уже давно не знаем мы покоя,
давным-давно рыдаем мы с тобою —
но верит ли слезам твоим горячим
суровая свекровушка-судьба?

И глаз не осушить платку любому,
у рукавов длины на то не хватит —
но что со мною — сможешь ли понять ты?
Всю тяжесть думы в силах ли постичь?

Что стойкому полон — тебе вестимо,
ведь стойко ты несла мужскую ношу.
Друг друга разумеют полоняне,
для них свобода — словно бы душа.

С ю ю м б и к е

Два наших горя сравнивать нельзя —
на это нету права у меня.
Да, мне пришлось свободу потерять —
по воле рока стала ханбике.

Но не рвалась я войско посылать
в края чужие, а меня вот-вот
чужой наживой на чужой ладье
из стороны родимой увезут.

Ты, причитая, хочешь оправдать
поход свирепый князя своего?
Неужто разницы не видишь ты
меж тем, кто полонён и полонил?

Погубленных не стану я считать,
чтобы орлов поживой не дразнить.
А сколько ханов увели в полон
неверные от наших берегов?

Не только жизнь, и смерть им нелегка —
неволя вынуждала их грешить.
Абдул-Латиф¹⁷, Ильхам¹⁸... Гноили ханов
в далёкой ссылке люто, без стыда.

И сколько благородных перешло
из рабской ямы в землю — разве счесть!
Мой Утямыш¹⁹, он даже не успел
надеть корону своего отца...

Я р о с л а в н а

А разве милосердно князь Василий
у вас в полоне ослеплён? Ответь.

С ю ю м б и к е

Напраслина уже давно сидит
у нас в печенках — хватит повторять.

В сто раз меня ты старше, всё равно —
ну как ребёнок сущий иногда.
Грехи собаки белой приписать
собаке чёрной — на руку иным...

Князь, уходящий на войну тайком —
причудник он, по-нашему сказать.
Твой муж о помощи взывает? Он
в неволе, словно гость, никак не раб!

Укрытый на стоянке во степи
твой князь ни в чём не ведает нужды.
Захочет он — охота поутру,
кумыс да песни тешат ввечеру.

Доставлен поп из княжества ему,
всегда с углей — барашек для него.
За сына вашего хозяин, хан Кончак²⁰,
готов меньшую дочь свою отдать.

Поскачет всадник вскорости домой,
росинки слёз сбивая с ковыля...

Ярославна

Родство не слишком-то меня печалит,
нетрудно ведь его предугадать.

Для Чёрной-то Булгарии²¹ не диво,
что сватовство к согласью приведёт.
И христиан событие такое
от мусульман ничуть не отдалит.

Сююмбике

Не потому ль меж ханами резня,
что в жилах их — две крови, не одна?
Из вражьего шелома будут пить
наследники Турана²² моего...

Ярославна

Казань надёжно войско охраняет,
крепки столицы стены крепостные.
Так почему почтенных ваших старцев
немилость царская повергла в страх?

Твой город, гордою горой стоящий,
тебя жалеет, но тебя унизил.
Да что же это за народ, что предал
ему же дорогую ханбике?

Сююмбике

Когда в беде великой человек,
он редко говорит обиняком.
И прямо я в глаза тебе скажу:
несправедливо злы твои слова.

А у меня в душе и места нет
для мести или грязной клеветы.
Сказать недоброе про свой народ?
Да лучше пусть отсохнет мой язык!

Скажи, кому мне жалобу послать?
Во гневе ли Аллаху самому?
В страну пришла невестой, а судьба
отсюда гонит прочь меня: «Талак!»²³

Хоть на торговом я жила пути,
не научилась продавать себя...
А то, что суждено нам испытать,
Всевышний знает, только Он один.

Ярославна

Вопросу моему не удивляйся,
я лишь ищу душевного покоя:
тогда выходит, гамаюна²⁴ в жертву
ты принесла, чтобы спасти страну.

Но отчего страна столь дорогая
не может ханбике добром ответить?

Сююмбике

Зачем в суждениях своих спешить,
собою силаясь подменить Творца?

Не в нашей воле даже угадать
что завтра ждёт нас, что нам предстоит.
Надежды нет в душе — одна печаль,
один Аллах поможет и спасёт...

И птица счастья упорхнёт, когда
на трон взойдёт злокозненная месть...
Вот почему и вздрагиваю я,
глаза закрыв, гоню пустые сны...

Ярославна

Как будто бросил кто-то скатный жемчуг
в зелёное вино, что свёкор выпьет...
Ничуть не радует сон князя... У тебя же
что было в сновиденьи, ханбике?

Сююмбике

Непостижимый дьявольский намёк —
и от него смятение в голове:

явился Хансарай²⁵ мне. Карачи²⁶
там были заняты игрой в «бишташ»²⁷.

Один шалун проблеял «бисмиллу»²⁸ —
мол, всё-то в воле одного Творца.
Другой в сосуд волшебной красоты
как бы играя камень запустил.

И глас тревожный вдруг:
«Ведь на него...
смотрел когда-то Улуг-Мухаммад!»²⁹

Шутя как будто, брошен камень — но
сосуд прекрасный вдребезги разбит.

Я р о с л а в н а

Всё то, что на сердце твоём скопилось,
язвит и не даёт тебе покоя.
Но даже камень родины любимой
мы не имеем права проклинать.

Та горечь-яд, что в снах тебя тревожит,
и в явь сочится... Если б эти камни,
омытые слезами, положить
возможно было б в основание души...

С ю ю м б и к е

Другие ивы на реке у нас,
и птицы на ветвях сидят другие.
Зачем вывешивать на солнцепёк
намокшие платки моей судьбы?

Страдаю как никто я, потому
бесчувственны не будут небеса.
Помочь не в силах ты — тогда зачем
меня излишней жалостью терзать?

Я р о с л а в н а

Моя-то ива тоже горько плачет,
Но признаюсь — тот плач не без надежды.
Твоя судьба — страшнее не бывает,
и слёзы, видно, горше у тебя.

В таком-то горе даже не утонешь —
то вверх, то вбок бросает половодье...
К тому же — в злое время ваше ханство
Осталось на беду без головы?

С ю ю м б и к е

А почему же сына моего,
наследника, ты не берёшь в расчёт?

Я р о с л а в н а

С вершок твой мужичок пока что,
его ли отняла ты от груди?

Уж не серчай, что я тебя пытаю,
твоя беда мне сердце сокрушает.
Пускай мой плач летит по белу свету,
умножен эхом, достигает всех...

Олега кровь ли, кровь ли то Чингиза —
всё гибельною славою богата.
Её вкусивший должен быть у власти,
будь он глупец, больной или дитя.

Когда же станет властвовать негожий —
султан ли, князь ли, царь, то у врагов
твоей державы, славной и могучей,
оружья нет надёжней и страшней.

Когда взойдёт на трон от совершенства
весьма далекий — мучаться народу.
Родов преславных засыхают корни —
уж сколько стран к бессилию пришло.

У настоящего царя лучистый
зрим ангелам венец над головою.
А где же нынче у татар достойный,
святой, отмеченный самим Тенгри?³⁰

Что ж он, благословенный небесами,
спасенья дому отчему не сыщет?
Иль нет его? Прости великодушно
запальчивые жёсткие слова...

С ю ю м б и к е

Лихие люди на моё дитя
оскаливали зубы столько раз.
Не надо унижать ребёнка: он
мужчина всё-таки, как и пророк.

А твой-то муж, душевно мягкий Игорь,
его отняли разве от груди?!
И для чего такое говорю?
Наверное, меня попутал бес.

Я р о с л а в н а

Коль начала, продолжи. Как же связан
соблазн престола с женским естеством?

С ю ю м б и к е

Отчизну оторвать от молока —
одно и то же, что осиротить.

Жена и муж едины. Для него
она опора, он — своей стране.

Я р о с л а в н а

Да нет уж, договаривай. К короне
порода наша ринется. Не так?

Пусть Богородица нам скажет правду:
занять престол она нам позволяет?
Мир управляется лишь крепкою рукою,
до сей поры иного не дано.

Слова сочти обидой, обижайся:
не больно-то я в бабьи силы верю.
Случится — станет женщина царицей,
но проку в этом мало для страны.

С ю ю м б и к е

А если у тебя крепка рука
и рядом нет подобной ей мужской?

Ярославна

Ты случаем не шапку Мономаха
примерить вознамерилась у нас?

Сююмбике

Когда надумаю надеть, скажу.
Да и надену если, что с того?
Ты знаешь — сей убор принадлежит
бике Кончак, но ныне он в Москве.

Ярославна

От одного к другому переходит
одежка... Ты по делу говори.

Сююмбике

Подаришь шапку — не велик наклад,
с ней голову бы вместе не отдать...

У нас бывало всякое: войной
да и разбоем добывали власть.
Украл овцу — тебе прозвание вор,
престол украл — тогда зовёшься царь.

Несовершенен мир — на право наплевав,
к себе корону тянут наглецы.
Мне было б легче, если б Утямыш
уже достигнул зрелости мужской.

В сиротстве соплеменники сейчас,
печали их мне сердце разорвут.
Бывало всякое — но более грехов,
чем праведных деяний на земле.

А на своих сородичей взгляни:
со скольких тронов их стекает кровь!
Кто Киев ваш нещадно разорил?
Кто? Кипчаки? Иль сами же князя?

Ярославна

Ничто не важно власти развращённой —
язык ли, кровь ли, молоко ли это.
Соратников вернейших забывают
в желании короной обладать.

То ведомо тебе самой. Но вот что
занятно мне, раз говорим о крови:
четыренадцать казанских ханов знаю,
булгарина средь них — ни одного.

С ю ю м б и к е

Но разве ханский сын, рождённый здесь,
возросший здесь — нечаянный пришелец?
Атиллово потомство всюду есть,
мы все родня, нигде не чужаки...

Но мы заговорили о другом.
Весомей слёз бывает женский плач.

Я р о с л а в н а

Так ты решила, что слезами смоешь
кровь с птицы счастья, с хрупкого крыла?!

6

Вновь над лесами, полями, морями,
стон облетает планету — и вновь
через века возвращается к сердцу...
Друг против друга стоят, плачут жёны.

В скорби несчастных нет места притворству,
мстительность в ней неуместна и ложь...
Так же, глаза к небесам поднимая,
страстно взывает волчица в степи.

Между веками всего лишь завеса —
время не больше, чем летняя ночь.
Слёзы, сливаясь с великой рекою,
падают жемчугом в море на дно.

Если в отчаяньи плачут царицы,
участь народа и рыба поймёт.
Скорбные всхлипы проняли планету,
но и небес достигают они.

М а р и а м³¹

Во имя Господа милостливого и милосердного!³²

Думаешь, что со слезами уходит
горечь, что душу твою наполняет?
Не размякай, как язычница, слышишь,
знай свою меру, ногойцев дитя!..

Крови не смоешь слезою кровавой,
Капнет — и почва мертва для цветенья.
Слышишь, княгиня, ты жалости хочешь?
Род свой позорить тебе не пристало.

Плач — продолжение речи печальной,
только ведётся она по-другому.
Плакальщицам вы не будьте подобны —
знаете ведь предписания веры.

Все эти ваши и охи, и ахи
даже молитвы одной не заменят.
Слышите, слёзы ручьями не лейте:
умерших души в воде пребывают.

Любит Господь терпеливых, особо
тех, чьё терпенье не смочено влагой.
Дети мои, так давайте же вместе
суры читать и молиться со мной...

С ю ю м б и к е

Да как же слёзы удержать, когда
полна терпенья чаша до краёв?!

Я р о с л а в н а

Рекою истекает горе, если
ногтями лишь царапаешь запруду.

С ю ю м б и к е

В ответ на крик о помощи зачем
сказали ангелы мне чёрное «аминь»?

М а р и а м

Словно бы ты на кого-то в обиде,
свой гневный взгляд не бросай неразумно.

Я не подательница испытаний,
всё, что имеете — всё от Аллаха.
Трудно тебе, только Он и заставит
иль улыбнуться, иль разрыдаться.

Я р о с л а в н а

Быть может, белое смешали с черным
слезами затуманенные очи?

М а р и а м

Коли тоска вас изводит, спросите:
в сердце откуда взялось это горе?

Если себе вы ответите честно:
«В нашей кручине мы сами повинны,
в нас же — источник тоскливости нашей»,
ваше томленье, глядишь, поутихнет.

С ю ю м б и к е

Пускай всё так: обиды личной нет,
не вижу крови я в слезе моей —
но где же мне терпенье взять, когда
не только о себе моя печаль?

М а р и а м

Разве в заботе о счастье народа
только одни вы себя не щадите?..
С созданным — что и когда совершится,
всё предначертано властью небесной.

Ты безрассудным поступок считаешь,
запоминай, не ищи оправданья.
И у народов бывают деянья
грешные — судит за это Всевышний.

Племя иное щедрей одаряет
Он, чем соседей и дальних, и ближних.
Одолевает гордыня нестойких,
чванясь, впадают они в беззаботность.

Раем страну называя, кичиться
много желающих было. Но где же
ныне угоды чванливых? Не худо,
если остался хотя бы клочочек.

С ю ю м б и к е

Враги мою страну за райский сад
считают, отгрызают от неё
куски... За что? Ведь с родовых племён
мы с ними клятвой связаны святой.

Я завещала б сыну своему
от клятвы той вовек не отступить...

Я р о с л а в н а

Кто первым клятву нарушает, знает
один Всевышний — люди ж только спорят.

С ю ю м б и к е

Что сделать мне ещё, чтоб защитить
законные права моей страны?!

М а р и а м

Хватит вам ссориться! Всё в Божьей воле —
вы, и враги, и взаимные клятвы.

Я р о с л а в н а

И ведаёт Господь про слёзы каждого,
чи неpritворны, чи — не столь горьки...

М а р и а м

Вашим успехом ли, вражьей победой
Он испытание вам посылает.

С ю ю м б и к е

Когда качается страна татар,
что ж краю правоверных не помочь?
Пять тысяч ангелов посланника Его
на бедствие глядят со стороны...

Я р о с л а в н а

Шептала ветру я слова молитвы,
благословленье князю посылая.

Так почему же в гибельном сраженьи
они ему ничем не помогли?

Что мы творим такое, что Всевышний,
мольбе не внемля, оставляет нас?

М а р и а м

Значит, нарушили заповедь Божью,
десять священных всегда соблюдайте.

С ю ю м б и к е

Когда бывает выдвлена честь,
на душу давит пустота... Куда
девались ангелы, скажи —
хранители народа моего?

М а р и а м

Если нагрянет несчётное войско,
в Господе ты не должна сомневаться.
Стойкость яви, не впадая в унынье,
за поражением будет победа.

Вещие знали закон сей издревле:
силой униженный над унижителем
встанет однажды во всей своей славе —
высшая есть справедливость на свете.

Если Всевышний приходит на помощь,
слабость становится грозною силой...
Дважды претерпит посмертные муки
вождь, что страну направляет к бесчестию.

Грех для властителя, если играет
прихоти ради судьбою народа.
Тысячекратно грешнее принесший
беды народам, ему не подвластным.

С ю ю м б и к е

Неужто в основании моей
Казани — пёс прилудный, прах его?
За грех, свершенный горсткою глупцов,
должны страдать мы, гибнуть мы должны?³⁴

М а р и а м

Бог не обидел — могли бы обдумать
прошлое, полное горьких уроков.
Сколько народов со света исчезло!
Надо бы помнить ошибки чужие.

Гибли великие царства — но что вам?
Сытый голодного не разумеет.
Каждую нацию ждёт неизбежность —
все вы отсрочить кончину не в силах.

Не укради... Не убий... И гордыни
грех безнаказанным Бог не оставит:
милости он виноватых лишает
и возвышает иных, кто достойней.

С ю ю м б и к е

«Во имя Бога» грабить нас идут...
Как прежде мы сироты, чужаки.
Ведь были же пророки на земле,
что ж ни один из них нам не помог?

Пророка удостоенный народ,
и в злое время всё ж счастливей он.
Когда бы с Хызр-Ильясом²⁵ по одной
идти дороге нынче... Но увы!

М а р и а м

Кто не имеющим Кыблы³⁶ подобен,
тысячу раз повторить им готова:
днесь и до Судного дня у народов
есть лишь единый пророк — Мухаммад!³⁷

Дети мои, а по вашим ли силам
видеть вулкана красу нутряную?
Плач нескончаемый вы бы прервали —
Судного дня будет время продолжить...

Там же узнаете, всё объяснят вам —
истинно кто виноватый, кто правый.
Даже в открытые рая ворота
входят в слезах, ибо сладостна радость.

Слёзы свои сберегите, не плачьте!..

7

В дымке памяти, где-то на донышке самом
сладко-горькое воспоминанье царица хранит:
табуны жеребцов Айдалы³⁸ разыгрались,
расходились они, сотрясая ногайскую степь!

Тут и там на холмах ковылей колыханье,
словно в ломких и сочных тюльпанах катается конь.
То ли кровь, то ли слёзы, а то ли росинки —
только радужный плеск из-под огненных брызжет копыт.

То джигиты Юсуфа мирзы³⁹ в поле скачут —
как заодно они исполняют священный обряд!
«Эй, малец наш, Сююм⁴⁰, обойдись без рыданий,
в первый раз оседлав своего скакуна!»

Восхищайтесь, Орды золотые строенья,
юным всадником, младше которого нет!
Малыши, одолевшие путь, не заплакав,
славной жизнью оставляют в истории след...

Айдала всколыхнула до донышка память,
когда ветер судьбы злобно вырвал её из седла.
Может быть, к непооседе тогда привязалась
туча мрачная, тяжко влачащая плач?!

С ю ю м б и к е

О, Ярославна, сколько нам терпеть?
Сил хватит ли — до Страшного суда?
Глухою будь сейчас к моим словам —
лишь к соплеменникам я обращаю их.

Моя соперница знать не должна
ззорных дел народа моего.
Остановитесь, слёзы! Говорить
с разумной жёсткостью мне предстоит.

Народов и племён не сосчитать,
их тысячи, должно быть, на земле.
Не стала б я особо свой хвалить,
мол, он наимудрейший средь иных.

Алып⁴¹ измелъчали: им теперь
преградой мнится каждая гора.
Есть много славных качеств у татар,
но дальновидность не присуща им.

Великого Турана дух неся
высоко и достойно, тюрки всё ж
не могут силы собирать в кулак,
когда врагам дать надлежит отпор.

Для нации высокомерье — зло,
как для любого смертного, когда
герои, личности — уже не львы,
а сытые и спящие коты.

Орлу недаром тесен небосвод,
а на задворках — курице простор.
Народу нашему и день — не день,
когда не ладят люди меж собой.

Я не посмела утром говорить,
а на заре вечерней говорю:
о, тюрок, силищу почти что всю
ты на борьбу с братьями отдал.

В начале славном рода моего
лежит, должно быть, клятва, что свята.
Как злобу вы додумались таить,
великого Атиллы⁴² сыновья!..

Коль узы кровные не по нему,
буян отчизну может извести.
Месть кровная — гибель для родства,
и клятва родовая... где она?

Я р о с л а в н а

Похоже, что не ведает проклятья
орёл, сородичей своих клюющий.

Как вспоминаю завещанье Ярослава,
на части разрывается душа!..

Промолвил мудрый князь мой: «Брат на брата
впредь никогда ходить не должен!»

С ю ю м б и к е

Одна огня позора не глотай:
клятвопреступник — муж твой, не забудь!

Напиток клятвы родовой таков,
что вкус его вовеки не забыть...
Вскипает ярость у меня в груди —
прости, княгиня, мне не до тебя...

Уж столько лет я не могу понять
родства, что стоит мне кровавых слёз.
О, старцы из ногайской степи, вас
мои мученья объяснить прошу!

Прошу негромко, шёпотом почти,
чтоб не услышал кто-нибудь ещё:
вам родственные чувства знать дано?
О вере вы заботились когда?

Похоже, что достаток вам важней,
чем в государстве главные дела.
Когда от жадности забыли связь
меж братьями, то пал Улус Джучи⁴³.

Бесстыжие свою степную честь
продали за ничтожество тогда.
Скажите, степнякам чего просить,
зачем униженно в Москву писать —

пришлите, мол, седло и горн-трубу.
Как попрошайки, просим всё подряд:
бумагу, краски, деньги и свинец,
кольчугу, шапку, гвозди и шафран...

Был хан златой болезнью одержим —
из медного котла он есть не мог...

Такой наживкою сам сатана
доверье ваше смог завоевать.

Заплаток разноцветье от царя
вам с удовольствием возили ямщики.
И дьявол потому захочет взять
душонки ранее, чем Азраил!..⁴⁴

Два брата — им овцу не поделить —
ну кто они? Борцы за наш народ?
От кровной мести высыхает кровь —
и рушится великое родство.

Народ способен защитить лишь тот,
кому единый Бог вручает власть.
А я ответа на вопрос ищущу:
своею смертью умер хан у нас?

Один отравлен дядями. Другой —
ну а другого убивает сын...
Единства даже в братьях не найдёшь,
преграда между ними — яд и желчь.

Что славы от короны, что надел,
тринадцать родичей зарезав, Бердибек?⁴⁵
Иным для байки нужен только повод —
и льётся кровь ручьями по степи.

Бахчисарайский хан, тот порешил
десяток близких для него людей.
Дом, на крови основанный, конечно,
не устоит. Так выигрыш-то в чём?

Зачем, народ мой, в чётках у тебя
всегда нехватка бусин дорогих?
Вот Идегею⁴⁶ голову срубил
Барын⁴⁷, всем показал её Ширин...⁴⁸

Отрезанные головы, они —
предупреждают и дают урок...
Обида позабыта и пуста,
а всё ж за горло принято хватать.

Мои мирзы, безбожные мирзы,
какой же вас и где попутал бес?
В знак верности Аллаху кровью кто
учил вас омовенье совершать?

На пиршествах вы хвастали: врагов
мол, восемь, а нас девять удальцов!
На самом деле вы же стали рукоятью
секиры у захватчика в руках.

Кто хочет шапку — волка позови.
Всяк лицемер, всяк со своей приманкой...
Всё ж до эпох далеких доживёт
потомство Шахгали...⁴⁹ Хоть он бесплодный.

Какие доказательства нужны,
когда уже и в небе — море слёз...
Как вожжи от коней своих отдать
могли вы чужаку из чужаков?..

Народ наш полон совершенств во всём:
мол, и премудрый он, и преусердный;
ну а в судьбе ужасной виноват
злодей Иван пятнадцати годков...

Причина загнивания гнезда,
отцами созданного, в нём одном,
поскольку кровь татарская бежит
по русским жилам? В ней ли вся вина?..

Грядущее нашествие — оно
не предостережение ли нам?
Наш враг жестокий, самый злобный враг
сидит, должно быть, в желчном пузыре.

Пойми, народ мой: я не говорю,
что только в этом общая беда.
Благополучия не будет той стране,
нет у которой мудрой головы.

Когда б нашёлся в этот грозный час,
мужчина, государственный, батыр,

не стала б думать о престоле я,
оставила б безумную Казань.

Изгнание меня не обелит,
а вам — пятна на совести не смыть.
Упрёк от вас услышит Шахгали —
а мне, невинной, суждено страдать.

И пусть запишет чёрное перо
в мою тетрадь какие-то грехи...
Когда идёт торговля по стране —
достойнейшего вымажут в грязи.

Кому-то гвозди, мол, кому — Казань...
Не стихнет торг до Страшного суда.
Упала б хоть одна моя слеза
тяжёлым грузом на небесные весы...

Исход

Слёзы небесные льются на землю
и проступают росой на полыни.
Чей с континентов доносится голос,
кто это плачет, тоской удручён?

В душах народов печаль раздувая,
ветер утихнуть не может никак!
В плач кто вплетает аяты Корана?
Это Идрис, Исмагил и Муса...⁵⁰

Судного дня ли они ожидают
в чаще дремучего леса Сак-Сок?⁵¹
Плачут в церквях чудотворно иконы —
Господи, пусть это будет к добру!

Всхлипывает Тамерлан от бессилья —
в муках от соли рыданий людских.
И хан Атряк⁵² на далёкой чужбине
духом полыни растроган до слёз.

Плеск раздаётся — Зухра⁵³ это ходит
с вёдрами, полными слёз, по Луне.

В вечной реке, причитая, полощут
девушки клочья кровавых кольчуг.

День рамазана⁵⁴ уже на исходе —
ангелов всхлипы нежны и тихи.
Слёзы фонтана в Бахчисарае —
воспоминания о ханбике.

Слепнет Якуб над рубахой Йусуфа⁵⁵ —
мокнет рубаха в отцовских слезах.
Плачут в веках потерявшие близких
Минлесьлу, Данбике, Карлыгаш⁵⁶.

Осиротев, Ибрагимовы жены
слёзы роняют. Что ждёт их? Позор!
А сыновья, потираючи руки,
в радости: «Ханами будем теперь!»⁵⁷

Стонет душа несгораемой девы,
Зилант⁵⁸ сквозь слёзы не видит Казань.
Севши на трон сокрушённого ханства
хнычет по-детски сам Грозный Иван...

Вновь над лесами, полями, морями,
стон облетает планету — и вновь
через века возвращается... Плачут
женщины, в мире все крики покрыв.

В сердце — печаль, оттого, что всечасно
кровью горячею пахнет земля.
Время и Память... Опять столкновение —
кто из них чувствует правым себя?

Что нас еще впереди ожидает?
Жаль, не взглядеться в грядущего даль...
Плачут две женщины — через столетья —
капают слёзы на раны живых...

*Перевод Лилии ГАЗИЗОВОЙ
и Сергея МАЛЫШЕВА*

Примечания

Ярославна — жена князя Игоря Святославича Новгород-Северского, дочь князя Ярослава Владимировича Галицкого.

Сююмбике (Сююнбике) родилась в 1520 году и была дочерью Юсуфа-мирзы из города Сарайчика, а по другому преданию, — дочерью хана Юсуфа, сына Мусы. В четырнадцатилетнем возрасте она была выдана замуж за казанского хана Джангали, Джангали сел на казанский престол и стал ханом с помощью русского князя Василия Ивановича.

25 сентября 1535 года Джангали был убит восставшими, и Сююмбике осталась вдовой 16 лет от роду, прожив с мужем около двух лет. Она стала ханом в Казанском государстве. Потом вернулся из Крыма и стал ханом в Казани Сафагирей, сын Махмудгирея, женившийся на Сююмбике.

В 1547 году Сююмбике родила от Сафагирея сына Утямышгирея. В 1549 году скончался Сафагирей, и Сююмбике второй раз осталась вдовой. Её двухлетний сын Утямышгирей был провозглашён ханом Казанского государства, а страной управляла Сююмбике. Вдове тогда было около тридцати лет.

В это время Иван Грозный подошёл к Казани, чтобы напасть на неё. Казанское войско было побеждено, и Сююмбике с сыном Утямышгиреем были взяты русскими воинами в плен и отправлены в Москву. Это случилось в 1551 году. 16 августа того же года ханом Казанского государства был посажен Шахгали, Сююмбике была насильно выдана за Шахгали-хана, и она возвратилась из Москвы в Казань. Год её кончины точно не известен. По-видимому, это произошло не позднее 1557 года.

¹ «О сын мой,...» — Утямыш (1546-11.06.1566) правил при регентстве своей матери Сююмбике.

² Сеид — (араб.) вождь, господин, государь, хозяин; позже — потомок пророка Мухаммада.

³ Сокол — символизирует род Рюрика. Сокол Рарог — воплощение Огнебога — Семаргла. По имени этого племенного символа и был назван Рюрик — Рарог. Его геральдическим знаком, и впоследствии всех князей-рюриковичей, был сокол.

⁴ Углан — (тюрк.) сын.

⁵ Сула — (укр. Су́ла) река, левый приток Днепра (басс. Чёрного моря).

⁶ Бике — уважительное обращение к женщине, девушке (сударыня).

⁷ Автор поэмы или переводчики предпочитают ошибаться вместе с филологом Сенковским, чем быть правым с «дилетантом» Пушкиным.

Позвольте процитировать Пушкина:

«Хочу копье приломить, а либо испити... Г. Сенковский с удивлением видит тут выражение рыцарское — нет, это значит просто неудачу: или сломится копье моё, или напьюсь из Дона. (Либо погибну, либо завоюю). Тот же смысл, как в пословице: «Либо пан, либо пропал» (А. С. Пушкин. Замечания на «Песнь о полку Игореве», шеститомник. М., 1936, т. 6, стр. 254.).

⁸ Балбал — каменные изваяния, памятники языческой культуры доисламского периода.

⁹ Кобяк — половецкий хан, участник междоусобных войн русских князей, производивший набеги на русскую землю в 1170-1180 гг.

¹⁰ Самум — (араб.) песчаный вихрь, знойный юго-западный сухой ветер в пустынях.

¹¹ Дивансарай — ханский совет; ханская канцелярия.

¹² Мурза — (мирза) сокращение слова эмирзаде «сын князя» — дворянин (араб. — перс.).

¹³ Бек — (тюрк.) старейшина рода, глава удела, правитель, соответствует русскому — князь.

¹⁴ Азан — призыв на молитву.

¹⁵ Камча — плётка.

¹⁶ Сафа-Гирей — второй муж Сююмбике, казанский хан. Предпринял ряд походов против Москвы (1536-37, 1541-42, 1548). В начале 1546 года из-за народных волнений был вынужден удалиться в Ногайскую Орду к своему тестю бию Юсуфу. В июле 1546 г. при помощи ногайского войска во главе с сыном бия Юсуфа Юнусом взял Казань. Сыновья: Мубарак, Булюк, Утямыш и сын от русской наложницы. Умер в 1549 году при до конца не выясненных обстоятельствах (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>).

¹⁷ Абдул-Латиф — (? — 1517) — казанский хан (1496-1502), сын казанского хана Ибрагима. Воспитывался и рос в Крыму. В 1493 году приехал в Москву на службу к Ивану III Васильевичу, который дал ему в удел Звенигород с уездом. В 1496 году Абдул-Латиф был посажен великим князем на казанский престол. В 1502 году, однако, подвергся опале и был сослан на Белозеро. Спустя некоторое время его освободили и дали в кормление Каширу, но вскоре посадили в острог, освободив лишь в 1517 году. (<http://www.hrono.ru/text/2005/kazan0805.html>).

¹⁸ Ильхам — (ок. 1450-х-ок. 1490-х, Вологда) — казанский хан (1479-1484, 1485-1487), старший сын и преемник хана Ибрагима. (<http://www.hrono.ru/>).

¹⁹ Утямыш (после крещения Александр Сафагиреевич) — казанский хан (1549-1551), сын Сафа-Гирея и Сююмбике. После неожиданной смерти отца Сафа-Гирея был возведён на престол в двух-

летнем возрасте. При малолетнем хане регентшей была его мать Сююмбике. Так как был представителем крымской династии, после мятежа казанской знати против крымцев в 1551 году был выдан казанцами вместе со своей матерью Сююмбике русским. Был крещён в Чудовом монастыре, получив имя Александр. Похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля. Он скончался 11 (21) июня в 1566 году в возрасте 19 лет и был похоронен на кладбище Архангельского собора. (<http://ru.wikipedia.org/wiki>).

²⁰ Кончак — половецкий хан (правил в 1170–1203). Политика Кончака характеризуется как набегами на Киев и Переяславль, так и вмешательством в междоусобные распри русских князей, привлекавших военную силу половцев. Впервые упомянут в русских летописях в 1172 году как участник княжеских междоусобиц. (<http://ru.wikipedia.org/wiki>).

²¹ Чёрные булгары — кочевой народ, часть булгарских племён, выделившаяся после распада во 2-й пол. VII века Великой Болгарии. Потомки орды старшего сына Кубрата Бат-баяна. Обитали в районе Кубани, по другим оценкам, в области междуречья Днепра и Дона. (<http://ru.wikipedia.org/wiki>).

²² Туран — (перс.) общее название земель, на которых обитали скотоводческие восточно-иранские народы.

²³ Талак — (араб. буквально «освободил») развод; слово, произносимое мужем при разводе.

²⁴ Гамаюн — посланник бога Велеса, в славянской мифологии вещая птица.

²⁵ Хансарай — ханский дворец.

²⁶ Карачи — участник ханского совета.

²⁷ Бишташ — (тюрк. букв. «пять камней») игра.

²⁸ «Бисмилла» — (араб.) во имя Бога, с именем Бога (см. так же примечание 32).

²⁹ Улуг-Мухаммад — (ум. 1445, Казань) — видный средневековый государственный деятель, чингизид, золотоордынский (до 1436), крымский (1437) и казанский хан (1438–1445). Получил прозвище «Улу» — большой, в отличие от другого Мухаммада, который звался «Кичи» — меньшей. Основатель Казанского ханства (1438), по сути, основоположник Касимовского ханства (<http://ru.wikipedia.org/wiki/>).

³⁰ Тенгри — Верховное божество Неба политеистического пантеона народов Евразии тюрко-монгольского происхождения, управляющее всем мирозданием. Признавая его величие, люди часто называют его ханом. Тенгри — всезнающий, благодетельный и правосудный управитель мира. Он живёт в Верхнем небесном мире. Слова Тенгри и Небо для древних тюрков и монголов были синонимами. Всё необычное, восхищающее народ, имеющее сверхъестественные способности тюрки называли «кок» — «небесное», божественное, принадлежащее Тенгри. (<http://lib.babr.ru/index.php?book=4872>).

³¹ Мариам — в Коране Дева Мария упоминается как Мариам, мать божьего посланника и пророка Исы (Иисуса).

³² Бисмиллахи-рахмани-рахим! — (араб.) священная формула, как правило, произносится перед совершением какого-либо действия.

³³ «... посланника Его» — имеется ввиду пророк Мухаммад, посланник Бога.

³⁴ «Неужто..... должны» — по преданиям первоначально Казань была построена на крутом берегу Волги. Люди роптали, что город построен неудачно — на очень крутом берегу, тяжело таскать воду. Тогда хан Казани послал сына-наследника с двумя вельможами к устью Казанки, чтоб подыскали место для нового города. Посланным дал запечатанную бумагу, которую надо было вскрыть после того, как место будет выбрано, а потом исполнить то, что там написано. Выбор пал на тот холм, где стоит теперь Казанский кремль. Но когда посланцы прочитали волю хана, то ужаснулись: одного из трёх посланцев по жребию надлежало закопать в землю живым, чтоб новый город крепче стоял. Жребий пал на ханского сына. Но мурзы не решились убить его и спрятали, а вместо него закопали живую собаку. Хан сильно переживал потерю любимого сына. Тогда мурзы признались в обмане. Но старый мулла предрёк, что новый город скоро падёт, так как основанием его послужил обман (Ренат Бикбулатов, краевед. По материалам газеты «Казанские ведомости» от 7.08.2001).

³⁵ Хызр-Ильяс — в исламе легендарный пророк, нашедший воду бессмертия, оберегающий путников (по-христиански — Илия).

³⁶ Кыбла — направление в сторону Мекки, лицом к которой молятся мусульмане.

³⁷ По Корану: Мухаммад — последний пророк, он един тем, что объединяет истину всех предыдущих пророков. Ещё его называют «печатью пророков» в силу того, что на нём завершается откровение от Бога, и до Судного Дня другого откровения не будет, поскольку человечеству даны все рекомендации в виде священных писаний авраамистических религий (иудаизм, христианство, ислам) и далее Человек сам выбирает свой путь.

³⁸ Айдала — открытое место в степи; дикое поле.

³⁹ Юсуф-мирза — ногайский хан, отец Сююмбике.

⁴⁰ Сююм — (тюрк. сююн, сююм — «радость») радостное сообщение; вознаграждение за радостное сообщение. Здесь используется как ласковое обращение-прозвище к маленькой Сююмбике.

⁴¹ Алып — богатыри.

⁴² Атилла — (лат.) вождь гуннов с 434 по 453 гг., объединивший под своей властью варварские племена от Рейна до Северного Причерноморья.

⁴³ Улус-Джучи — в современной традиции — Золотая Орда, государство во главе с потомками Джучи, старшего сына Чингисхана.

⁴⁴ Азраил — в исламе архангел смерти, помогающий людям перейти в иной мир.

⁴⁵ Бердибек — чингизид, двенадцатый хан Золотой Орды (1310-1358 гг.).

⁴⁶ Идегей — эмир Белой Орды из племени мангыт (1352-1419 гг.). К 1396 стал самостоятельным правителем междуречья Волги и Яика и явился основателем Ногайской Орды. В 1399 Идегей фактически стал главой Золотой Орды, в последний раз произведя объединение всех прежних улусов Джучи (*Большая советская энциклопедия*).

⁴⁷ Барын — один из знатных родов, представитель которого входил в состав ханского совета наравне с кланами аргын и кыпчак.

⁴⁸ Ширин — Шырын-бий — предводитель одного из четырех знатных родов, представители которых, наравне с кланами кыпчак и аргын, входили в состав ханского совета.

⁴⁹ Шахгали — хан Казани с 16 августа 1551 года. Третий муж Сююмбике.

⁵⁰ «Это Идрис, Исмагил и Муса...» — коранические имена пророков Еноха, Самуила и Моисея. В исламской традиции являются символами терпения, благочестия.

⁵¹ «... в чаще дремучего леса Сак-Сок?» — в татарском народном фольклоре (баит «Сак-сок») сказочный лес, который олицетворяет разлуку и одиночество.

⁵² Атрак — (тюрк.) рыжий. Старинное имя, дававшееся рыжеволосым мальчикам. Имя одного из древнекыпчакских ханов.

⁵³ Зухра — персонаж татарской народной сказки. По сюжету она вышла замуж за Месяца, и с тех пор на диске луны можно видеть силуэт девушки, которая несёт коромысло с ведрами.

⁵⁴ Рамазан — священный девятый месяц мусульманского лунного календаря, месяц поста.

⁵⁵ «Слепнет Якуб над рубахой Йусуфа...» — коранические имена пророков Иакова и Иосифа.

⁵⁶ Минлесьлу — Минле (с родинкой, в значении «счастливая») и сылу (красавица). Данбике — дан (знаменитая) и бике. Карлыгаш — ласточка. Персонажи татарского народного фольклора.

⁵⁷ «...Ибрагимовы жены... а сыновья, потираючи руки...» — Нур-султан — жена казанского хана Ибрагима и мать ханов Габдуллатифа и Мухаммедамина.

⁵⁸ Зилант — в татарских легендах и сказках мифологическое существо, имеющее облик дракона или змея. Изначально изображение Зиланта было отличительным знаком печати казанского хана. После завоевания Казани Иван Грозный перенёс его на государственную печать. В 1730 году царским указом Зилант был помещён на герб Казанской губернии. Он был описан в указе как «чёрный коронованный дракон, крылья и хвост червлёные, клюв и когти золотые; язык червлёный». Вместе с гербом Казанской губернии Зилант попал на герб Российской Империи (Ренат Бикбулатов, краевед. По материалам газеты «Казанские ведомости» от 7.08.2001). По другой версии Зилант олицетворяет собой единство тотемов объединённых тюркских племён, поэтому он обладает головой волка, хвостом змеи, лапами коршуна, крыльями орла и т. д. Зилант считается покровителем и хранителем Казани.

*Автор примечаний
Ильдар ШАНГАРАЕВ,
бакалавр теологии*

БАЛЛАДА О РЕЧКЕ ДАРЬЕ

ПАМЯТИ ПРЕДКА МОЕГО, ТАТАРИНА САЛХОМИРА, КОТОРЫЙ В XIV ВЕКЕ
ВЫШЕЛ ИЗ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В РЯЗАНСКОЕ КНЯЖЕСТВО
И СТАЛ ОСНОВАТЕЛЕМ РУССКОГО РОДА
ДВОРЯН ВЕРДЕРЕВСКИХ.

*Как за речкой да за Дарьею
Злы татарове дуван дуванили.*
Доставалася тёща зятю.*

Старинная русская песня

В каком-то посаде — быть может, в Рязани —
Татарские конники пленников взяли.
За Дарьей-рекой, где стояли кибитки,
Делили добычу: рабов и пожитки.
И нукер седой, не последний в набеге,
Законную долю грузил на телеги.

Мальчишка безусый захвачен в походе
Да женщина в возрасте; сил на исходе.
Годна по хозяйству, для помощи жёнам,
Ходить за ребёнком, недавно роженным.

Прясть шерсть вечерами, доить верблюдицу.
Старуха; а где-то ещё пригодится.

И вот над Итилью, под солнцем играя,
Зажглись, наконец, минареты Сарая.
Толпа разноликая. Груды товара.
Щемящие звуки зурны и дутара.
Дворцы над водою и юрты на взгорье.
И вот уж она на татарском подворье.

На кошмах играет хозяйский малайка.
Летающей походкой подходит хозяйка.
В одежде чужой, непривычной для глаза
(Их жонок ещё не видала ни разу).
Но только откинула та покрывало –
Рабыня любимую дочку узнала.

Не сказано в песне, когда разлучились,
Как долго в невольной разлуке томились,
Как шла та девчонка с косичкой льняною
Тропой полонянок — дорогой степною,
И как ей в неволе судила судьбина
Стать милой женою и матерью сына.

Глядят друг на друга с надеждой и страхом.
По воле Христа или воле Аллаха,
По воле Вершителя судеб земного
Они, разлучённые, встретились снова.
«Кровиночка, дочка, ужель не узнала?»,
И дочка к ногам материнским припала.

«Ах, матушка, матери, не грёза ль ночная?
Ужель наяву тебя вижу, родная?
Я ветры степные молила ночами,
Чтоб малую весточку к дому домчали,
Чтоб дочкина доля — не солью на рану,
Чтоб ты не терзала себя неустанно.

Ты ноги в тяжёлом пути натрудила.
Присядь, чтобы я их водою омыла.
Вот сыр, и лепёшка, и гроздь винограда.
Вот дыни чарджуйские — сердцу услада.

Бери узорочье и жемчуг, и лалы.
Бери серебро, чтоб нужды ты не знала.

Вернёшься на Русь — в том мне муж не откажет —
Так скоро, что снег ещё дома не ляжет.
Обратно поедешь в покое и неге
По тихой Итили — не в тряской телеге.
С ветрами попутными плыть вам недолго.
Итиль, моя матушка, — это же Волга».

Прижала к себе, как девчонку когда-то,
«Не плачь, моё чадо, не надо, не надо.
Мы вместе опять, так к чему нам разлука!
Утри же глаза. Покажи-ка мне внука.
На что мне теперь все сокровища мира!
Я бабка ему. Мне и нянчить батыра...»

Старинная песня. В ней много печали.
Века, когда мир разрубался мечами
И смерды в лесах хоронились, страшася
Чужого ли хана, соседа ли князя.
Когда и Орда на Орду восставала
И с древнею Тверью Москва враждовала.

Но в эти туманом повитые годы
Не только сражались — дружились народы.
Рождались скреплённые браком союзы,
Семейные связи и кровные узы
В ордынских шатрах и московских палатах,
В татарских баитах и в русских балладах.

За речкою Дарьей степные дороги.
История нам завещает уроки.

Великой
Победе - 65

ШТЫКОМ И ПЕРОМ

В годы Великой Отечественной войны своё место в рядах сражающегося народа нашла творческая интеллигенция Татарстана. В первые же июньские дни 1941 года готовность вложить в дело победы свой труд, свой талант и душевные силы выразили татарские писатели. «... С винтовкой и пером в руках мы встанем в ряды Красной Армии, отдавая свой талант и знания, не жалея и жизни, сразимся за любимую Отчизну» — с такими призывами обращались они в средствах массовой информации к народу.

Поэт Муса Джалиль писал тогда о новых задачах литературы:

Настало время...
На полпути,
Оставив мирные дела,
Посвятить Отечественной войне
Самого себя и силу своего пера... *(подстрочный перевод)*

Писатели штыком и пером отстаивали свободу и независимость страны. Из 64 писателей Татарстана воевали на фронтах 36 человек. На фронт ушли Муса Джалиль, Фатых Карим, Адель Кутуй, Нур Баян, Ахмет Исхак, Абдулла Алиш, Хайрутдин Музай, Сибгат Хаким, Мухаммед Садри, Нури Арсланов, Гали Хузи, Анвар Давыдов, Заки Нури, Зия Мансур и другие известные поэты и прозаики.

Оставшиеся в тылу писатели вели большую пропагандистскую работу. При Союзе писателей был создан специальный отдел агитации и пропаганды, в котором активно работали такие видные мастера, как К.Наджми, Т.Гиззат и др. В устных и печатных выступлениях перед трудящимися в тылу, в воинских частях и госпиталях они вдохновляли людей на боевые подвиги на фронте, на самоотверженный труд в тылу. Союз писателей подготовил антифашистский сборник «За Отечество» и сборник эстрадного репертуара «Победа за нами».

На многих фронтах — Северо-Западном, Первом и Втором Белорусском, Ленинградском, Первом и Третьем Украинском, Воронежском, Волховском и других выходили газеты на татарском языке. В них работали многие известные писатели и журналисты Татарстана.

В течение 1942 и 1943 гг. группа писателей республики работала в редакциях фронтовых газет. Это были Адель Кутуй, Афзал Шамов, Махмуд Максуд, Ахмед Ерикей, Риза Ишмурат, Абдрахман Абсаямов, Ибрагим Гази, Абдулла Ахмед, Гумер Галиев, Ахмет Исхак, Шайхи Маннур, Гамир Насретдинов, Ахмет Файзи, Шараф Мударрис и другие. В 1942 году отдельные писатели были направлены в командировки для оказания помощи редакциям татарских фронтовых газет: Мирсай Амир отбыл на Северо-Западный, Афзал Шамов — на Калининградский фронт.

В многочисленных очерках, рассказах, корреспонденциях, стихах, помещённых на страницах фронтовой печати, писатели вели одну большую тему — тему защиты Родины. Писателям Татарстана оказывали постоянную помощь Союз советских писателей и его руководитель, друг татарских писателей Александр Фадеев.

В октябре 1943 года в Москве на заседании президиума Союза советских писателей заслушивался вопрос о работе татарских писателей. С докладом выступил председатель правления Союза писателей ТАССР Гази Кашшаф. В обсуждении доклада приняли участие Тази Гиззат, Наки Исанбет, Кави Наджми, прибывшие с фронта Адель Кутуй, Ахмед Ерикей, Мухаммед Садри. Александр Фадеев дал высокую оценку деятельности писателей Татарстана в годы войны. Он был искренне обеспокоен, узнав, что татарская писательская организация уже потеряла на фронте более 20 процентов своего состава. По предложению А. Фадеева президиум принял решение перевести писателей-фронтовиков из передовых частей в редакции армейских газет. Руководители Союза писателей Татарстана в сопровождении А. Фадеева были приняты в ЦК ВКП (б), получили разрешение увеличить тираж журнала «Совет эдэбияты» с 3-х до 10 тысяч экземпляров.

17 декабря 1943 года Татарский обком ВКП (б) принял постановление о работе правления Союза писателей республики. 1 февраля 1944 года было созвано общее собрание писателей. На нём были обсуждены доклады секретаря обкома ВКП (б) Г. Х. Шафикова и председателя правления Союза Г. Кашшафа. Доклады, их обсуждение явились новым стимулом для улучшения деятельности писательской организации, связи её с народом.

Татарское книжное издательство в годы войны напечатало 220 книг художественной литературы общим тиражом свыше 1,5 млн. экземпляров. Многообразной была тематика произведений, но главной стала тема защиты Родины, тема мужества нашего народа. В литературу вошёл солдат, её основным героем был сражающийся человек, в образе которого воплотились лучшие черты народного характера.

В татарской прозе военных лет преобладали малые формы, развивался жанр боевой публицистики. Героизм людей на фронте, их самоотверженный труд в

тылу получили отражение в рассказах «Артиллерист Сулейман» К. Наджми, «До большого праздника» М. Амира, «Сержант Хайруллин» Г. Баширова, «Ночная встреча» Г. Насретдинова, «Единство», «Сильнее смерти», «Солдат Хайрулла» А. Абсалямова, «В бурную ночь» А. Шамова, «В зимнюю ночь», «Дед Ахмет», «Их было трое» И. Гази, «Марат» Ш. Камала, «Только на час» А. Еники; повестях «Записки разведчика», «В весеннюю ночь» Ф. Карима, «Приключения Рустема» А. Кутуя, «Пламенное сердце» Х. Усманова и др.

Состояние души народов, потрясенной военными испытаниями, окрыленной патриотическим подъёмом, отражала поэзия.

Более 150 стихотворений, восемь поэм, такие, как «Сын Волги», «Гармонь со звездочками», «Жена партизана», «Снайпер», «Звезда надежды», баллады, пьесу написал талантливейший татарский поэт Фатих Карим. Три года Ф. Карим был на передовой, служил сапером и героически погиб, защищая Кенигсберг.

В суровые годы татарские поэты создали около 20 поэм, несколько сотен стихотворений. Среди них поэмы «Дыхание рождения» А. Файзи, «Артиллерист Вагап» Ш. Мударриса, «Русская девушка» Н. Арсланова, «Гражданин, солдат, поэт» Г. Хузеева, «Хаят ала» и «Фарида» К. Наджми, «Песнь о храбром танкисте Петре Новикове» А. Исхака и др.

Символом татарской литературы военных лет стал поэт-герой Муса Джалиль, прославивший себя и свой народ в бессмертном цикле стихов «Моабитская тетрадь», написанном под топором палача в фашистских застенках. Передаваемые из уст в уста огненные строки и в этих нечеловеческих условиях поднимали узников на борьбу, звали не сдаваться фашистам и в плену.

В ногу со временем шагала и драматургия. Татарские писатели создали ряд новых пьес. Среди них широкое признание заслужила пьеса М. Амира «Минникамал», посвящённая самоотверженному труду женщин села во имя приближения победы.

Над новыми произведениями работали и писатели русской секции Союза писателей Татарстана — И. Заботин, Б. Зернит, Е. Верейская и другие.

Писатели Татарстана с честью выдержали суровое испытание военных лет. И штыком, и пером сражались они против врага. Многие писатели не вернулись с полей сражений — 30 писателей и 22 журналиста Татарстана погибли на фронте. Такие потери не понесла ни одна другая писательская организация страны. Отдали свои жизни за свободу Отечества писатели М. Аблеев, А. Аитов, А. Алиш, М. Ахметгалиев, К. Басыров, Н. Баян, М. Вадут, Ш. Гарай, М. Гаязов, М. Джалиль, Р. Ильяс, Х. Кавеев, А. Камал, Ф. Карим, А. Кутуй, В. Мифтахов, Х. Музай, М. Мустафин, Г. Нигмати, Х. Рахман, Р. Саттар, Д. Фатхи и другие. Вечная им память!

ОН ПРИНЯЛ ПЕРВЫЙ БОЙ

Паушкин Геннадий Александрович родился 28 февраля 1921 года в Казани, после окончания школы поступил на историко-филологический факультет Казанского государственного университета, который смог окончить только в 1950 году, так как с первого курса ушёл добровольцем на финскую войну. Однако эшелон, в котором ехал на фронт юный Геннадий, был повернут на юг, и, по воле случая, добровольцы оказались на границе. Паушкин попал на заставу имени Героя Советского Союза Ветчинкина. Эта погранзастава приняла на себя первый удар немецко-румынских войск в первый день Великой Отечественной войны 22 июня 1941 года. В этот день погиб близкий друг поэта Николай Наумов, памяти которого было посвящено стихотворение «Ты смерть презрел». Вот строчки из него:

На рубежах Отчизну защищая,
Друг, смерть презрел ты в подвигах своих.
Вот почему без устали тебя я
Всё до сих пор ищу среди живых.

От первого до последнего дня войны старшина Паушкин был на фронтах, закончил войну в австрийском городе Грац.

После возвращения домой и окончания университета Геннадий Александрович работал в газетах «Комсомолец Татарии», «Комсомольская правда», консультантом Союза писателей ТАССР, председателем секции русской литературы того же Союза писателей, руководителем литобъединения при музее А. М. Горького. Он — автор 20 книг поэзии и прозы, автор самой первой книги о Всесоюзной ударной комсомольской стройке КамАЗ — «На земле челнинской».

Члену Союза советских писателей Геннадию Александровичу Паушкину были присвоены звания «Заслуженный работник культуры РСФСР», «Заслуженный деятель культуры Татарстана», «Лауреат Литературной премии им А. М. Горького» за 2004 год. Имелись, разумеется, у писателя фронтовые ордена и медали — самые дорогие для него.

Примечателен один эпизод из последних лет жизни писателя. Служащий военкомата по фамилии Белоус в старом окопе под Одессой, где проходила линия обороны, нашёл тетрадь в твёрдой обложке со стихами. В ней он насчитал 80 стихотворений и поэму. Рукописи перемежались вырезками из фронтовых газет. Под стихами подписи автора: сначала сержанта, а потом старшины Геннадия Паушкина. Фамилия автора была незнакома Белоусу, только стало ясно, что автор — участник Великой Отечественной войны. Редкая находка была передана в редакцию газеты «Черноморская коммуна», корреспондент которой В. Тарновский поместил 3 января 1987 года статью «Хто він, сержант Паушкин?» и несколько стихотворений фронтовика, где были и такие строки:

Далеко Одесса за тысячевёрстьем.
Лишь мечта, как птица, долетит стрелой
В те края, где море собирает в горсти
Сизый цвет каштанов глыбою волной...

Тарновский предположил, что Паушкин, оборонявший Одессу в 1941 году, потерял свою тетрадь в старом окопе. На статью откликнулся литератор Анатолий Яни. Он из пятого тома литературной энциклопедии узнал, что Паушкин казанец и связался с поэтом, побывал в гостях у него и передал автору тетрадь, найденную в окопе, стихи из которой вошли в последний сборник нашего земляка «Возвращение».

Скончался писатель-фронтовик в родной Казани 15 октября 2007 года. Память об этом красивом и внешне, и внутренне человеке, подлинном интеллигенте, хранят родные, близкие, земляки, а также многочисленные ученики и благодарные читатели.

Михаил ТУЗОВ

ДЕЛО ЧЕСТИ

Рассказ

— Ермаков-Сидоров-Иванов-Чубарь явился по вашему приказанию!
— Я вызывал одного.
— Я и есть один, гражданин начальник... извините... товарищ майор.
Свинцов нахмурился и неприветливо оглядел солдата.
Тот выдержал жёсткий взгляд майора и, усмехнувшись, сказал:

— Не доверяете, начальник?..

Свинцову надо бы скомандовать: «Кругом марш!». Но что-то не позволяло ни прикрикнуть на разбитного солдата, ни выставить его вон.

— Значит четыре паспорта сменил, Чубарь?

— Так точно!

— А настоящая фамилия — Ермаков?

— По отцу — Ермаков Фёдор Иванович.

— Давно воюешь?

— С весны, товарищ начальник.

— Да брось ты это — «начальник», — поморщился майор, — привыкнуть пора.

— Такая уж тирлимбимбумбия.

— Что? — не понял Свинцов.

— Привычка, говорю, такая. Третий месяц отвыкаю, а всё...

— Ладно, — махнул рукой Свинцов, — садись, слушай...

По трезвому размышлению такого солдата посылать на ответственное задание нельзя: недавно из мест заключения, не проверен в бою, дисциплина страдает. Но кто-то словно подсказывал майору: «Рискни, попробуй. Может это как раз то, что надо».

— Так вот, Фёдор Ермаков, — заговорил майор, не спуская глаз с солдата. — Перейдёшь на ту сторону, Ермаков.

— К немцам?

— К ним самым. И не просто перебежчиком, а услужливым предателем. Они таких привечают. Понял?

— Так точно, товарищ майор!

— Этой ночью и перейдёшь...

Утром над рекой, разделяющей фронт, заработал немецкий динамик. К гитлеровским «вещателям» давно уже привыкли, и только улыбались, когда очередной агитатор, коверкая русские слова, обращался к «зоветиш зольдатен» с призывом переходить на сторону немцев, но тут насторожились.

— Внимание! Внимание! — загудело над притихшей рекой. — Будет говорить русский солдат Фёдор Чубарь.

И когда раздался знакомый голос, третья рота, к которой был приписан Чубарь, поднялась, как по тревоге. Солдаты припали к брустверам окопов и застыли в немом оцепенении: «Вот так штука!».

Чубаря в третьей роте знали все: он был свой в доску, играл на гитаре, хрипловатым, но хорошо поставленным голосом пел грустную песню о Колыме, знал массу забавных историй, которые сразу запоминались и пересказывались в каждом отделении. И вдруг...

Третья рота услышала голос Чубаря с «той стороны». К затылкам солдат подползал противный холодок, словно пролетела мина, и першило в горле: позор!

А между тем Чубарь по динамику говорил, как его встретили немцы, усадили за офицерский стол, обошлись с ним как с братом...

Всё-то он врал, этот проклятый Чубарь, и все это хорошо понимали. Но когда он стал призывать бывших своих однополчан последовать его примеру, у солдат третьей роты перехватило дыхание, а кореш Чубаря Венка Кудрявцев бил кулаком о бруствер окопа и клял себя на чём свет стоит за потерю бдительности: с гадом ел из одного котелка, укрывались одной шинелью...

А самое горькое: этот вражий Чубарь так залез в душу, что Венка читал ему при свете карманного фонарика письма от Маринки. Никому до этого о ней не говорил, карточку её никому ни показывал, оберегал от чужих глаз и неосторожного слова, и — на тебе!

Дошло до того, что Чубарь подсказывал, как поскладнее ответить Маринке, стихи душещипательные долбил...

«Эх, и дурак же ты, Кудрявцев! Круглый идиот!»

И комья спекшейся земли отлетали от железного кулака Венки: «Попадись мне под горячую руку!..»

Пал на третью роту позор, и Венка Кудрявцев поклялся снять его первым.

В боевом охранении ефрейтор Кудрявцев не щадил глаз, до едучих слёз всматривался в тот берег, ждал: покажется Чубарь, не выдержит, чтоб не поглядеть на позиции, которые он предательски оставил. Знал Кудрявцев, что преступник рано или поздно явится к месту преступления, припас тот самый «загаданный» патрон, который и снимет с души всю тяжесть...

Чубарь по динамику похвалялся, что ловит в реке рыбу, угощает немецких офицеров русской ухой. Они похлопывают его по плечу, говорят «зер гут».

Проболтался Чубарь, а слово не — воробей: выпустишь — не поймашь. Знает теперь Венка, где искать предателя. Ну, берегись!..

Занимался над землей рассвет, плыл по реке туман, водил русалочки хороводы. Зыбкие фигуры скользили по тихой воде, мешали Кудрявцеву следить за правым берегом, и он с нетерпением ждал, когда заиграет зорька, прогонит призрачных танцовщиц.

Кудрявцев знал, что Чубарь не дурак, не вылезет с удочкой на открытый берег, а схоронится где-нибудь в заводи, в укромном местечке, и выбрал позицию на бугорке, откуда видна была вся излучина реки.

Когда рассеялся туман, Венка подобрался к самому краю откоса и вскинул к глазам бинокль. За тальником, у небольшой заводи, он заметил вроде как «запятую» — рыбак скрючился над водою и чего-то ждет. Вот он взмахнул длинным удилищем, пытаясь забросить лесу как можно подальше...

«Чубарь!» — Венка перестал дышать, всем своим существом прикованный к рыбаку.

У Чубаря клевало. Кудрявцев видел, как несколько раз блеснуло над тихой заводью живое серебро, как Чубарь наклонялся к воде, нанизывая на кукан снятую с крючка рыбу...

Свернув удочку, Чубарь поднялся в полный рост. Рассматривает кукан. Рыбы бьются и сверкают на солнце, как серебряные медали. Хорошая награда за труд! Ещё раз немецкие офицеры похлопают по плечу старательного рыбачка...

— Зер гут, — сказал Кудрявцев и нажал на спусковой крючок.

Выстрел грохнул обвалом, выметнул из осоки стайку чирков, вычертил на воде суматошные рыбы круги, качнул устоявшийся покой утра. Где-то застучал пулемёт, посыпалась мелкая дробь автоматов.

Вскочив на ноги, Кудрявцев выбрался на открытый выступ берега и облёгчённо вздохнул: отбросив кукан, Чубарь лежал у самой кромки воды и не двигался...

Ефрейтор Кудрявцев снял позор с третьей роты. Очищенная от скверны, окопная жизнь пошла своим чередом. Кудрявцев ходил козырем. Каждому, кто его останавливал, рассказывал, как он выследил гада и уложил его на месте одним выстрелом.

Но недолго Венка ходил в героях. Как-то, поздним августовским вечером, когда свободные от наряда бойцы собирались на сон грядущий попить чайку, снова загудел немецкий репродуктор и было объявлено о Федоре Чубаре.

Воскресший из мертвых Федор забубнил на весь свет, как его, раненного в плечо, лечили в немецком госпитале, как выходили его и назначили каптенармусом. И ещё сообщил, что учит немецкий язык и знает уже полторы тысячи иностранных слов.

Никто не притронулся к долгожданному кипятку, солдаты, свободные от наряда, молча укладывались спать, а Венка Кудрявцев упал пластом на лежанку и укрылся с головой шинелью.

Зарядили дожди. Глина приставала к сапогам, цепко хватала за ноги. В темноте было трудно передвигаться по разбитой снарядами земле, но Венку ничего не могло остановить. Он упрямо шагал вдоль берега, забывая о двухпудовой тяжести сапог, облепленных глиной, и изматывал напарника, который постоянно «кланялся», когда вспыхивали над рекой немецкие ракеты.

Они залегли в ложбинке, под раakitником, и всматривались в мутную темень реки.

С задубелой плащ-палатки, как с колокола, стекала вода, кругом было сыро и неприятно, тянуло назад, в землянку, к живому, горячему огоньку, и напарник толкал Венку в бок: «Пора уже!»

Но Кудрявцев тянул время. Ему казалось: ещё минута, ещё одна — и что-то должно произойти...

И предчувствие его не обмануло. Дозорные услышали, как сначала забулькало что-то у берега, потом зачавкали шаги — и прямо перед ними выросла фигура человека.

— Ермаков-Сидоров-Иванов-Чубарь!

— Вот это да! — ахнул напарник Кудрявцева, а Венка сказал: — На ловца и зверь бежит. Руки вверх!

— Брось, кореш! — проговорил Фёдор. — Видишь, я в чём мать родила. Веди скорее в блиндаж.

— А это уж мне знать, куда тебя вести. Руки назад!..

За травяной гривкой они пошлёпали по густой грязи: впереди — напарник Кудрявцева, посредине — Фёдор, сзади — Венка с винтовкой наготове.

— Побыстрей, братва, — взмолился Чубарь, — а не то бегом побегу.

— Беги! — сказал Кудрявцев и задержал шаг.

— Вон что! — догадался Чубарь. — Провоцируешь? А потом доложишь: «убит при попытке к бегству».

— Теперь не промахнусь, — сказал Кудрявцев. — Знай!

— Так это ты меня зацепил, кореш?

— Я, — сказал Венка.

— Хорошо, что не угробил. Всё дело бы пропало...

— Какое такое дело?

— А ну веди на КП батальона! — прикрикнул Фёдор и почувствовал под лопаткой штык Кудрявцева...

В ту же ночь стало известно о передвижении войск в тылу противника. Потрёпанные и поредевшие в боях армейские части немцев оставляли насиженные места, а на позиции выходили свежие силы. Этот удобный для наших войск момент не должен был упустить начальник разведки майор Свинцов, и он его засёк. Заработали рации и телефоны, забегали адъютанты и вестовые: дивизия готовилась к наступлению.

Майор Свинцов потирал руки: «Риск — благородное дело...».

Приговорённый солдатами к смерти, Чубарь словно исчез с лица земли. В третью роту пришёл разведчик Фёдор Ермаков.

На рассвете загремели наши орудия, всё перемешалось в кромешном огне.

Шёл третий год войны.

ТВОЯ КАРТОЧКА

Мы ночью плыли через Дон,
Хлестал волну свинец,
Свистела смерть со всех сторон, —
И думалось: «Конец!..»

Но вот уж берег недалёк,
И, сколько было сил,
В последний я вложил рывок
И смерть опередил.

Как жизни рад я был костру,
Продрогший до костей,
И, согреваясь, вспомнил вдруг
О карточке твоей.
Её носил у сердца я,
Куда б ни шёл, — с собой.
И чудо: карточка твоя
Была совсем сухой.
Гляжу — и снова узнаю
Родной овал лица...
Вот так бы ты любовь свою
Хранила до конца.

*Северный Кавказ,
1942 год*

ВОЛГА

Вторя чайкам звонкоголосым
И захлёбываясь ветерком,
Наше детство по волжским откосам
Пробежало, смеясь, босиком.
Словно первые буквы в тетрадке,
Переписанные с букваря,
На косе отпечатались пятки
Босоногого волгаря.
Но заплакала чайка по-детски
На песчаном сыром косяке:
Сапогом был раздавлен немецким
Тот мальчишеский след на песке.
И тяжёлый нам выдался жребий –
Встретить здесь огневой ураган.
Птицы жалобно вскрикнули в небе
И оставили берега.
Ни за что мы отдать не хотели
Нашим детством согретый песок,
И за то от свинцовой метели
У солдат запорошен висок.
Волга! Волга! На правое дело
От гряды сталинградских руин –
Это ты поднялась, закипела
И волной захлестнула Берлин.

БАЛКАНЫ

Балканы всё ближе и ближе,
всё горше солдатская грусть:
Когда я вернусь и увижу
тебя, моя милая Русь?
Твои кружевные берёзы,
твои вековые дубы,
Твои записные морозы,
твои путевые столбы,
Заветные стёжки-дорожки,
когда не устала бы ждать
Меня у родного окошка
в тоске поседевшая мать.
Сейчас там глубокая осень –
разгул непогожим ветрам,
И клён с головы своей сбросил
шелом заржавевший к ногам.
Милее балканской лазури
мне та непогожая синь
И свист разгулявшейся бури
в бескрайних просторах Руси...

АПРЕЛЬ

В садах пьянящий аромат,
летит на цвет пчела,
Как стража, аисты стоят
над крышами села.
И солнце льёт тепло и свет,
не зная про войну.
Как снег, апрельский первоцвет
ложится в целину.
Мадьяр старинною сохой
взрыхляет полосу,
И граб курчавую листвою
качает звон в лесу.
В тот час я молча вспоминал
о юности своей,
О тех краях, где подрастал
в сиянье вольных дней.
О нивах наших и лесах...
я вспоминал, как сон,

И тихо плыл в моих глазах
 высокий небосклон.
Я в давность милую ушёл
 и целый мир забыл.
Твоих волос волнистый шёлк
 я тихо тербил.
И нежно ты моих ресниц
 касалась рукой.
Разноголосый щебет птиц
 висел над головой.
Мы долгу ратному верны,
 но счастьем назови,
Что мы украли у войны
 короткий миг любви.

ПОЛОНЯНКА

Задумчива, простоволоса,
Сверкающая белизной,
Стоит одиноко берёза
За каменной хмурой стеной.
 Всю ночь её душат туманы,
 Днём солнце альпийское жжёт,
 И, как часовые, платаны
 Стоят у железных ворот...
Когда мы на горные скалы,
Сметая врага, поднялись,
Боев грозовые раскаты
До слуха её донеслись.
 Она в них расслышала звуки,
 Подобные зову друзей,
 И вскинула тонкие руки
 Навстречу идущей грозе.
Шли люди — за ротою рота,
Пропахшие дымом в бою,
И настезь раскрыли ворота,
Увидев землячку свою.
 За эту великую встречу
 В чужом и недобром краю
 Она отдала нам навечно
 Весеннюю душу свою.

Австрия, 1945 год

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Когда грозой отгрохотал
Войны последний звук,
Что раньше я не замечал,
Теперь увидел вдруг:
Увидел я весну и свет
И стало так легко,
Как будто радостью одет
Весь мир до облаков...
Друзья, так не пропал наш труд –
Нелёгкий труд войны,
Хоть был наш путь тернист и крут,
Тревогой дни полны,
Но мы прошли сквозь сто преград
К сегодняшнему дню.
Вот почему я слышать рад

Пернатых щебетню.
И почему я видеть рад,
Как пьёт цветок пчела,
Как смело аисты стоят
Над крышами села.
Кругом нерусские холмы
И всё не наше — пусть,
Я знаю, радуемся мы
За край родной, за Русь.
За наших жён и матерей,
Что встали в воротах
Под гром московских батарей
От радости в слезах.
Встречай же сыновей своих,
Родимая земля!
Ты будешь вечно славить их
Под звёздами Кремля.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Здравствуй, земля родная.
Видишь, солдат живой!
Снова у волн Дуная
Встретились мы с тобой.

Больше б не расставаться
Нам с тобой на веку.
Буйно цветут акации
Белые, точно в снегу.

Как я давно здесь не был, –
Сердце моё, скажи!
Сыплются звонко с неба
Взбалмошные стрижи.

Кланяются берёзы,
Встретившись с земляком.
Мать утирает слёзы
С детства знакомым платком.

1945 г.

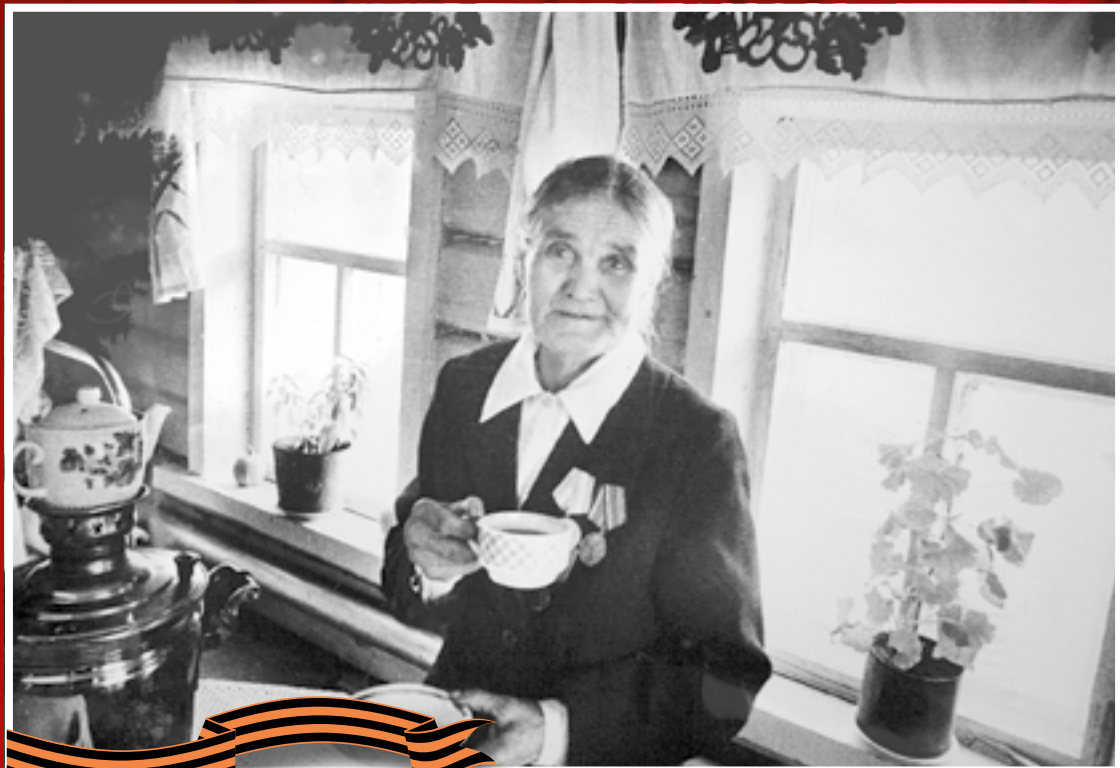
*Они защитили Родину,
они спасли мир*

**Фотохудожник
НИКОЛАЙ ТУГАНОВ**

НА КОРМЕ

Вдоль реки дорожку
Выстелил закат,
На корме гармошка
Собрала девчат.
Здесь народ попроще –
Едут без кают.
Про родные рощи
Девушки поют.
И легко по Каме
Песенка плывёт,
Всё плывёт, покамест
Не уснёт народ.
Лишь двоим не спится
На корме крутой,
Их, как говорится,
Не разлить водой.
В дальней дали зыбкой
Сказку ночь плетёт,
Золотою рыбкой
Месяц к ним плывёт.
Свет струится алый
Бакенов во тьме...
Так и я, бывало,
Ехал на корме.

ПЕРЕКЛИЧКА

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

ГОД РОЖДЕНИЯ

Над тесовою крышей
пели ветры в трубе.
Сын Петра и Мариши,
я родился в избе.
Ветры весело пели
и качали звезду
над моей колыбелью
в сорок пятом году.
И салюта зарницы,
что зажглись над Москвой,
расцвели, как жар-птицы,
над моей головой.
Чуть подрос — засверкали
на груди сорванца
боевые медали
с гимнастёрки отца.
— Батя, вспомни!
— Не надо...
Был отец — молодым.
Из блокадного ада
возвратился седым.
Всё, что в детстве случилось,
я запомню навек...
В нашем классе училось
только семь человек.
Подсекали мы ловко
пескарей на реке.
Нас растила Орловка
на парном молоке.
Деревенские вдовы,
как пригоним коров,
скажут, потчуй вдоволь:
— Будь, сыночек, здоров!
Вытрут влажные веки
уголками платка.

Не забуду вовеки
вкус того молока!
Нас всем миром растили,
пересилив беду.
Я родился в России,
в сорок пятом году.

ХАРАКТЕР

Он крепок ещё, мой сосед-инвалид.
Спроси про жизнь-бытьё,
он сразу ответит: «Протез не болит,
а всё, что при мне — моё!»
Спроси про войну, и начнётся рассказ:
«Был виден уже Берлин.
Накрыл, аж посыпались искры из глаз
осколочным, сукин сын!
И от бинтов, что от крови черны,
от кастелянш
в двадцать два года пришёл я с войны —
на костылях.
Гляжу на девочек. Тяжел мой глаз.
Я — колос, срезанный на корню!
Прижал бы к сердцу любую из вас —
не догоню.
Со мной не расплатятся все ордена
за молодость на войне.
Но вдруг улыбнулась смущённо одна
и подошла ко мне...»

Он крепок ещё, мой сосед-инвалид.
Не злобна его душа.
Он лодку на солнце весеннем смолит
сноровисто, не спеша.
Обедать его приглашает жена.
Глаза у нее ясны.
А на лице постаревшем видна
улыбка из той весны.

г. Набережные Челны

ДМИТРИЙ КАЗАРИН**ТРЕТИЙ ПОЕЗД**

«Пошарь, хозяйка, под заплатою,
да не жалея своих рублей, –
гадалка в мае сорок пятого
гадала бабушке моей. –
Ты заплети косу до пояса
и платье новое надень.
Твой муж вернётся третьим поездом.
А третий поезд – через день».

Под неказистой старой сливою,
что очень кстати расцвела,
стояли бабушка счастливая
и дети – меньше мал мала.
Они стояли, взявшись за руки,
они таращили глаза.
А слива расточала запахи,
и с неба падала слеза...

Вот здесь в семейной нашей повести
я резко открываю дверь:
«Он не вернётся третьим поездом!
Не верь ей, бабушка, не верь!
Нет у гадалки этой совести».
И я кричу через года:
«Он не вернётся третьим поездом!
Он не вернётся никогда!»

«Ну что ты расшумелся, лапушка?
Конечно, не вернётся он.
Но той гадалке ваша бабушка
шлёт самый искренний поклон.
Что смотришь, как на сумасшедшую?
Поклон ей низкий от меня».
И с расстановкою, неспешно так:
«Мы были счастливы три дня».

МОЙ ДЕД

В образование был сплошной пробел.
Крестьянин. Руки, как коряги.
Расписываться даже не умел.
Он просто крест поставил
на рейхстаге.

г. Астрахань

ИВАН МАЛОВ

КИНОМЕХАНИК

У него, у ветерана,
В аппаратной тишина.
Три звонка –
И вот с экрана
В зал врывается война.

Кадры прожитым повеют.
Бой. Фашисты. Вражий клин.
Взвод защитников редееет,
Тает и... в живых один.

— Продержись! — его, родного,
Просит бывший фронтовик
И в карманах ищет снова
Валидол в смертельный миг.

Но подмоге путь неблизкий
В тихий, медленный рассвет.
...Как расстрелянные диски,
Ряд прокрученных кассет.

г. Оренбург

Федя Небозём

Рассказ

До самой полуночи сельский художник и подшивала Федя Небозём сидит у шумной газовой печки в задней избе, режет гравюру на белом липовом обрезке, дерзновенно и осмотрительно проникает в образ любимого поэта. В местных лесах липа почти не растёт, так, временами, вместе с осокорями заготовщики вытащат трактором жердину-другую, распилят на полки в бани, да и растащат втихомолку. Небозём как раз в такой день оказался в столярке, выпросил у прижимистого бригадира досточку для работы. Теперь вот сидит, режет, радуется. Прикладнику иной раз невтерпёж, как хочется косячком в липе поковыряться. А баня, что ж, Небозём и в корытке другой раз помоемся, не гордый; или к брату Вовке сходит, у него баня настоящая, с каменкой. Правда, с братом в последнее время неувязки начались, да с кем не бывает, пройдёт.

Трудится Небозём над образом поэта, находит и в его лице свои черты: ростом невелик, лысоват, разве что без бородки; Федя щурится от папиросного дыма,

мурлычет сквозь зубы знаменитые строки: «Смотрел, задумавшись, и я, печальным взором созерцая зловещий праздник бытия...», потихоньку размышляет о строчках, о своём житье-бытье. Колупнёт раз-другой штихелем податливую липовую белизну, подумает: да разве праздник может быть зловещим? Да, жизнь тяжела, но на то и праздники, чтобы всякое зло прощать и забывать. Вот его, Федина жизнь: свинью заколоть, гаражные ворота лебедями разукрасить, валенки подшить, лисью шкурку выделать — не сыщешь специалиста надёжнее по всей округе. Не больно сытен его хлеб, но зато свой, вольный. Небозёму нравилось в новом порядке то, что теперь никто не стучал в окно спозаранок, не «наряжал» на силосную яму, не «озадачивал» неразрешимыми задачами, не приказывал, не срамил перед обществом, не учил жить. Никто. А что его учить, Небозёма? Он и сам кого хочешь научит. Одни живут в напряжении и вечном труде, и на здоровье, а он — Федя, живёт по-другому, как умеет. И не замай! В этом смысле новое его положение ему нравилось, но совсем не нравились невиданные ранее строгости в оплате электричества, воды, газа. Сколько там у него уже нагорело, сколько намотало? Если отключат — беда. Без света и без газа — караул кричи! Но ничего, Бог не выдаст, свинья не съест. Зря, что ли его мать, тётя Нюра, всю жизнь на колхоз батрачила? Пусть он, Федька Небозём, никудышный работник, но отца и мать, царствие им небесное, разве теперь в счёт не берут? Этот вопрос был непонятен Феде, и такие коммунальные строгости он осуждал.

По ледяному узору на окне было видно — мороз на дворе набирал силу: на тёмное ночное стекло лохматыми матовыми перьями ложились пальмовые ветви. Хоть и зла, и борза была зима, и не минула ещё тягучая пора вторых снегопадов, и скотине на корм хозяин овершье выдавал, зато минула уже середина февраля, Сретенье. А на Сретенье, сам знашь, зима с весной встретились, сошлись в шутейной потасовке, и от той потасовки зиму в пот бросило — сосульки на рыжей Федькиной крыше первый сок дали, приветили чуткое сердце охотника блёсткой капелью. Да что — сосульки? Вчера только был Небозём в лесу, много приметил: заплотнели снега, вот-вот по ровнядям крепкий наст ляжет, закровет, заблестит хрупким наслудом. Там, глядишь, и март подоспеет. Раз уж кафтан с шубой встретились и воробы на припеке заватажились, недалеко до Герасима-грачевника. А там и суслики вылезут, оживёт, зазеленеет степь. Боже мой, вернётся благодать в родные края, станет Феде полегче провиант добывать. В своем дневнике с рисунками природы, пребывая в хорошем настроении, написал Небозём в прошлом году: «К отварному и жареному в лопуховых листьях суслику, добытому на исходе апреля, хорошо подавать зелёный чай, сваренный непременно в отысканной у кострища консервной банке с зазубренными краями, причём воду для чая брать из коровьего копытца где-нибудь в глинистом бережку. По приготовлению чая, его следует накрыть для настоя брезентовой голицей. Только тогда, расположившись близ старого осинового леска,

где токует большой пёстрый дятел, можно в полной мере ощутить всю прелесть изысканного блюда». Прослушав такой рецепт, закадычный Федин дружок Ванька Шуралей, щуря свои азиатские глаза, долго над ним смеялся. А что тут, в самом деле, смеяться? Суслик — это дичь, хоть и с лапкой, а он, Федор, не старовер какой-нибудь.

Ходики на стене показывали второй час ночи. Небозём отложил работу, подошёл к двери в горницу, ухватился за ручку и задвигал дверью, как поршнем, загоняя нагретый воздух из задней комнаты в переднюю. Он проделал это упражнение более пятидесяти раз и решил, что теперь горница прогрелась и в ней можно спать, не боясь озноба. После смерти матери Небозём не готовил дрова на зиму и не топил голландку, оставлять же фитиль газовой печки зажжённым на всю ночь Федя побаивался. Лучше с закрученным вентилем подняться утром в холодной избе, чем быть вынесенным пополудни ногами вперёд. Он спал в закуте между холодной голландкой и стеной, перегораживающей дом на две половины, на жёсткой дощатой кровати, застеленной матрацем и стиранной не так давно простынёй: последний раз стирка была две недели назад, когда он мылся в бане у брата. Две недели — это не два месяца, притом, что сейчас не пыльная летняя пора, а чистое зимнее время. Над головой у Феди горела лампочка с выключателем, что было удобно — не нужно вставать по холоду и выключать свет, покрываясь гусиной кожей. Правда, недавно молодые друзья по пьянке разбили выключатель в куски, и теперь провода приходилось соединять крючочком; ну так что ж, то не великая помеха.

Перед сном Федя любил прочесть страницу-другую из любимой книги. Книг было две: «Старик и море» и «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии». Первая привлекала его трагическим, но несгибаемым стоицизмом. Феде было ясно — не всегда можно поймать большую рыбу, и если даже рыба попадётся, её легко могут сожрать вездесущие акулы, так, что ловцу останется только скелет. Но и тогда, перед ударами судьбы, несущей тяготы, человек обязан сохранить достоинство. Долгое время Федя не понимал, почему в повести нет главок, и почему старику снились львы, но постепенно он в этом разобрался, и чтение продолжало приносить ему открытия.

«Записки» же для Феди были фантастичнее любого вымысла, увлекательнее любого криминального романа, сказочнее всякой волшебной сказки и музыкальнее любой увертюры. Вот он, нацепив на нос мутные матернины очки, достаёт заветную книгу из-под кровати, открывает на первой попавшейся странице и, боже милостивый, какое время, какой неприукрашенный реализм открывается перед ним! А вместе с тем, сколько возвышенного чувства, сколько поэзии, жизни настоящей в каждой фразе, в каждом эпизоде! Вот, пишет мастер: «Обращаюсь назад, чтоб бросить общий взгляд на пролёт и прилёт дичи в Оренбургской губернии, верный только исторически, а теперь уже баснословный. Птицы бывало такое множество,

что все болота, разливы рек, берега прудов, долины и вражки с весенними ручьями, вспаханные поля бывали покрыты ею. Стон стоял в воздухе (как говорят крестьяне) от разнородного птичьего писка, свиста, крика, и от шума их крыльев, во всех направлениях рассекающих воздух; даже ночью, сквозь оконные рамы, не давал он спать горячему охотнику. Птица была везде: в саду, в огородах, на гумнах, на улице. Когда подъедешь, бывало, к болоту или весеннему разливу около реки, то совершенно потеряешься: по краям стоят, ходят и бегают различные породы куликов и куличков. Стаи разноцветных курахтанов снуют между ними во все стороны. Утки, с пёстрыми селезнями своими, от крупной, тяжеловесной кряквы до маленького, проворного чирка, бродят по грязи, плавают по воде, сидят на кочках. Из-под ног с криком, как бешеные, вырываются бекасы, вскакивают дупели и гаршнепы. В то же время, независимо от сидящих, новые стаи всего разноплеменного птичьего царства, кружатся над вашей головой, опускаются, поднимаются, перелётывают с места на место, сопровождая каждое своё движение радостным, весёлым, особенным криком. В большое затруднение приходит охотник — к кому подъезжать? К кому подходить? В кого стрелять?.. Но немногие из охотников помнят такие прилёты птицы в Оренбургской губернии. Всё переменялось! И в десятую долю нет прежнего бесчисленного множества дичи в плодородном Оренбургском крае». Задумается Федя, читая такие строки: вот тебе и зловещий праздник бытия!

Федя закрывает книгу, кладёт её на стоящий под койкой высохший уже дембельский чемодан, трещит папироской, раздумывая о жизни. Когда была жива мать, они держали кое-какую скотинёшку: четыре овечки, пару пуховых коз, с десятков курочек, а когда мать померла, Федя скотину продал, и курочки как-то незаметно перевелись сами собой. Не зря, видно мать наставляла непутёвого сына: «Ты смотри, Федька, влипайся немного в жизнь-то. Вот, меня господь приберёт, и пропадёшь ты. Вроде и не дурак, а всё с выходкой, блудишь по жизни, как борона по целине. Когда мужику за сорок, нехорошо быть подвешенным между небом и землёй. Не мужик вроде, а небозём какой-то». Откуда она достала это словцо? Да, видно, недаром, выйдя на пенсию, в школе уборщицей работала. Потом умные люди говорили, что этим словом Владимир Даль называл горизонт, но кореша, сам знашь, ничего такого и слышать не хотели: в этом слове им виделась копия Фединой жизни, и так эта неслыханная кликуха к нему прикипела — зубилом не отшибёшь. Поначалу неловко было, а потом привык: Небозём так Небозём, ничем не хуже Шуралея. Конечно, было бы хозяйство, Федя как-нибудь да продержался: хозяйство, оно и летом дремать не велит, и зимой от него подспорье. А хозяйства нет, выживай, как знаешь. Да только скуповат нынче народ пошёл, ну, принесут кусок сала за пару бот, яичек другой раз, пачку чая — ладно бы, теперь моду взяли в долг просить: «Сделай, Федя, ради Христа, после рассчитаюсь». Доброта и подкосила, кончились припасы. И с братом разругались. К младшему брату, мужику

хваткому, хозяйственному, Федя нахаживал другой раз на подмогу: скотину напоить, дров наколоть, в базу почистить, получал за то тарелку мясных щей. Да больно уж сварлива у брата жена, подумаешь ещё — идти или нет. Всё корит. Да вот и третьего дня помогал. А мороз сёк, я те дам! Так за рыло-то и хватал. Федя аккурат с ведром воды спешил в базок овец напоить, да как-то оскользнулся на стылой горбатой тропинке — и хрясь, носом в снег, ведро с водой на парнишку братова, вертелся под ногами закутанный, и окатило парнишку-то! Парнишка в крик, из дома жена братова выскочила с пеной на руках, отлаяла последними словами. А чего кричать, парнишка весь сухоньким остался. И брат тоже, нет, чтобы посочувствовать, прошёл мимо с навильником: «Помощнички херовы!» — говорит. Вот такая заминка. В летнее время можно было без труда карасями разжиться, либо на ферме голубей из рогатки набить. Теперь не то. О карасях и думать забудь, в тину зарылись, голуби зимой тоже весьма сторожки, самые крепкие да бойкие остались, вялых морозом выбило.

И теперь, как ни думай, остался у Федя последний помощник — лес. Вчера ходил в Старцеву, нашёл заячью тропу, насторожил поставушку. Сегодня с самого утра надо идти проверять, не то вороны да лисы порвут, растащат по кустам.

Тикают ходики на стене, бежит время. До рассвета ещё часов пять, разве что последнюю думку додумать? О доме. Стар стал дом, совсем ничего не греет, как пальтишко изношенное. Вот как-то по ранней осени сидел у голландки, двуглавого орла соседу на табуретке рисовал. Пришла соседу фантазия на табурете двуглавого державного орла изобразить; его дело, почему не уважить, если магарыч обещал? Сидит, пишет. Вдруг — ба-бах! Показалось, вся крыша внутрь дома провалилась. Федя сидит в облаках пыли, а сверху зола за воротник сыплется. Оказалось, глиняный пласт отстал от потолочных жердей и рухнул. Чуток бы сидел поближе к голландке, насмерть бы пришибло. С полтонны, никак, той глины в горнице оказалось, три дня он её на улицу выносил да потом со двора бульдозером двигал. Что-то припомнилось Небозёму летнее, тёплое: костерок на берегу пруда, караси в камышах шуршат, нерестятся; в небе облака белые плывут, плывут...

Проснулся Федя, та же темь в окнах. Зажёг фитиль в печи, налил из цинкового ведра холодную воду в алюминиевый чайник, старую заварку выкинул в самодельную раковину под раковинником, подумал с неохотой, что пора раковину помыть, почистить основательно, да руки не доходят, неколь. Покурил, засыпал в заварник новой заварки, достал из шкафа-поставца свою зелёную эмалированную кружку с отбитой на доньшке эмалью, песку в пакете, кусочек солёного сала, пару затвердевших кокурок, оценил припасы придирчивым взглядом. Попил крепкого, сильно наслащённого чая, с прихлёбом, со вкусом, как привык, пополоскал рот одной заваркой и принялся одеваться. Одевался всю зиму Небозём легко, его грела быстрая ходьба, и никакие стёганки он не признавал. В холодных тёмных

сенцах взял лыжи, вышел на улицу, накинуд щеколду на кольцо, быстрым шагом прошёл за околицу, там встал на лыжи и заскользил, пересекая мелкие змейки струящегося поперек пути снега. Бежал, ровно дыша, поглядывая на равнодушный к нему, медленно разгорающийся над холмами восход.

Не так уж и далеко, в небольшом отъёмнике, насторожена поставушка, к ней и спешил. Хотя зайцы и хитры ноне пошли, но, чай, и они не устоят против свежей коры загодя сваленной осинки. Снег был твёрд, чуть присыпан мелкой, охочей до скольжения выужной пудрой. Пробежав небольшой степной прудок, Небозём подошел к удулу, ставя лыжи ёлочкой, с прихлопом, полез наверх. Здоровенный, весь в жёлтых кудлах, русак опрометью выскочил из-под снега, саданул головёшкой прямо в лыжу, аж сердце захолонуло, покотил по снежному целику к лесу. Федя высморкался с досадой:

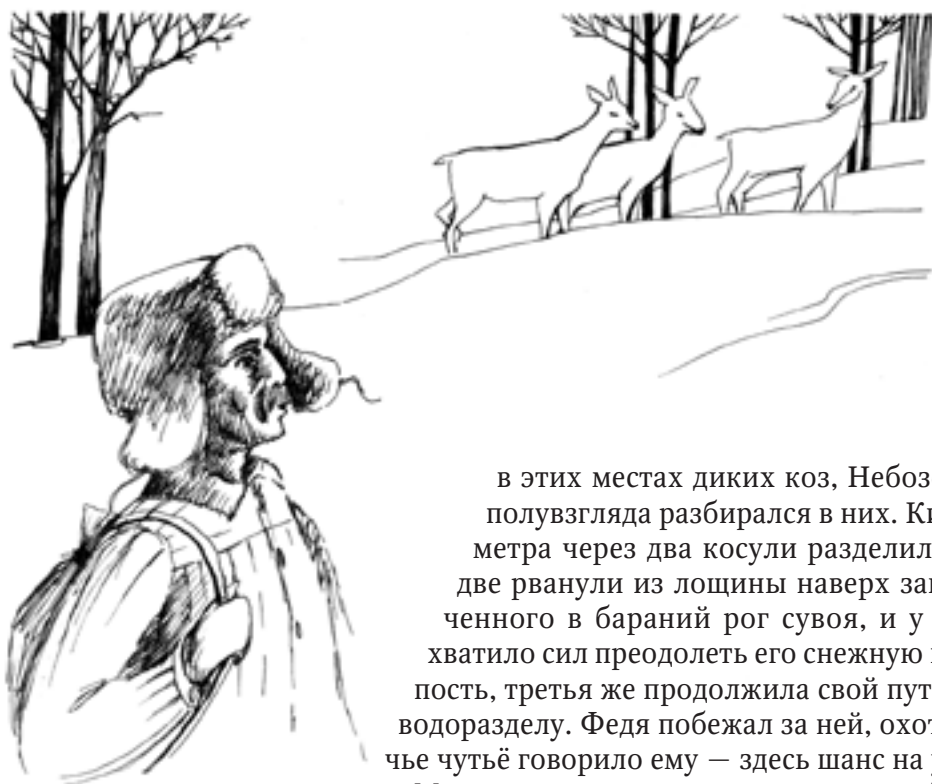
— Ты смотри, что делают! Того гляди, с ног сшибут! А вот доберусь я до вас!

Отводя от лица тонкие ветки, придерживая дыхание, Небозём медленно подходил к заячьей тропе. Капкан был привязан к увесистой берёзовой колоде, так, чтоб заяц не рвался из капкана, а тащил бы деревяшку и, устав, залёг бы в кустах. Федя уже слышал разговоры о негуманности такой охоты, надо, дескать, такие орудия ловли применять, чтоб умерщвляли зверька сразу, не мучая его. Да таких орудий никогда он не видел, пользовался тем, что предки оставили. Снег у тропы был будто перепахан, видно, матёрый, сильный русак угодил в поставушку, за таким придётся помотаться по лесу. Но заяц не ушёл далеко: колода застряла меж двух молодых дубков, якорем держала уставшего зайца. Заяц был велик и чист мехом. Федя выломал палку, ступая лыжами по согнутым кустам, подобрался поближе, примерился и ударил дубинкой русака по голове. Русак закричал, как человек, у Небозёма дрогнули руки, но он собрался и ударил теперь в самый нос, заяц осекся и обмяк. Небозём снял со спины рюкзак, развязал ремешок, высвободил из капкана зайца, осмотрел его и, сказав:

— Извини, брат, — положил добычу в рюкзак.

Насторожив капкан на новой тропе, Небозём вышел из отъёмника, пересёк небольшую ровную поляну, заяц приятно култыхался в мешке, вытянул горку и замер: три косули, бросив копытить снег на взлобке холма, как одна усталились на него. Вожак прыгнул в сторону. Небозём сбросил со спины рюкзак, нащупал складень в кармане. Косули, вскинув головы, бросились в чашу за вожаком, охотник за ними. Было время, Небозём в зимнюю пору добывал козулю-другую и не считал себя браконьером, потому что всё в этой охоте происходило по-честному; кто кого!

Сразу следы повели по сильно засыпанной снегом ложбине между двумя гривками, сплошь обросшими ветвистыми берёзами. Лыжи тонули в рыхлом снегу, тонкие раскидистые ветви хлестали по глазам, но останавливаться было нельзя: косули должны были слышать неутомимое преследование. К свежим следам примешивались старые наброды обитавших

в этих местах диких коз, Небозём с полувзгляда разбирался в них. Километра через два косули разделились: две рванули из лощины наверх закрученного в бараний рог суволя, и у них хватило сил преодолеть его снежную крепость, третья же продолжила свой путь по водоразделу. Федя побежал за ней, охотничье чутьё говорило ему — здесь шанс на удачу. Может случиться и осечка, если коза уйдёт

из леса и выскочит на укатанный тракторами-скирдовозами зимник, там тягаться с ней будет бессмысленно. Перед самым выходом из леса бес его попутал, Небозём спутался следом, залез, дивясь логике твари, в ясеневый трещатник, пока не смекнул — заячий малик смутил его бдительность, увёл в сторону. Чертыхаясь, Небозём выбрался из крепости, отыскал верный след и заскользил с пущим старанием. Опасения его оправдались, козуля, выскочив из леса, встала на отшлифованный соломой зимник, бросилась по нему через открытое поле к чернеющему за прудом ольшанику. Небозём несколько растерялся: коза, если ей хватит смекалки, перебежит плотину и уйдёт в Атаманский лес, после него в Мостовую — и всё! На такие километры Небозёма не хватит. Но помог случай, трактор тянул скирду на кормовой двор, и козуля прыгнула с твёрдой накатанной дороги в рыхлый снег, пошла, сторожась виднеющейся фермы, через голую Матвейкину шишку обратно в Старцеву. Небозём воспрял духом, надвинул шапку плотнее на лоб, веселей побежал за ушедшей далеко вперёд дичью. Небозём был стратегом в любой охоте, давно не считая животное или птицу безмозглыми, он всё же предугадывал их поступки на два-три шага вперёд и редко проигрывал. Охота не была для него баловством, лирическим отступлением со всякими сантиментами, нет уж, коли взялся, то не ради спортивного интереса, а для добычи.

Небозём, наблюдая за козой, снял мокрую шапку, смахнул пот с бровей и перевёл дух; коза, одолев тяжёлый путь без передышки, должна была встать, оглядеться. И если она встанет, оглянется в его сторону, песенка её спета. Так он чувствовал. У подножия шишки коза встала и, опустив голову, посмотрела в его сторону. Небозём кивнул утвердительно...

За шишкой, на раскатилом жёстком настыле, Федю догнал кореш его, долговязый сварщик Ванька Шуралей. Сварной возвращался с дойки в мастерские на лошади, синий и красный баллоны лежали в санях. Шуралей, придерживая лошадку, крикнул:

— Ты чо, Небозём, за козой бежишь?

— За козой, — согласился Федя, — а ты, Шуралей, вот чего, оставь лошадь в мастерских да приходи мне на подмогу. Козу разделаем да снесём вместе.

— Догонишь ты её?

— Атоль не догоню! Иди на Царёво Чудо, где терновник, в самый низ, рюкзак мой с зайцем возьмёшь. Да мешок из дому прихвати, мой-то мал будет. Там меня найдёшь, понял?

— Понял, — крикнул Шуралей.

В Старцевой Небозём шёл за косулей постоянно вузерку, легко преодолевая на своих широких «лесных» снежные заносы. Коза останавливалась всё чаще, и только что не подпускала к себе человека. Небозём, весь превзвешший, подумывал о том, не сбросить ли фуфайку, но скорая развязка удерживала его от опрометчивого поступка (без фуфайки, должно, знобко возвращаться через голое-то поле, не май месяц). У Царева Чуда, заметив, как в рыхлом уброде косуля легла на живот, Федя, сам уже шатаясь от бесилья, отстегнул лыжи и в кустах повалился на козу всем телом. Вывернувшись каким-то чудом, животное сделало ещё пару скачков. Небозём, весь в снегу и слюнях, с открытым ртом пошёл по проделанной козой траншее, рванулся, нагнал и теперь уже крепко лег на её жёсткую остистую спину, зажал ей ноздри левой рукой, правой достал из кармана складень, разложил зубами, сел на козу верхом и, сипя и дыша со свистом, повёл по её хромовому горлу окоченелым лезвием. Когда коза затихла, Небозём, не слезая с туши, достал папироску и закурил.

Долго рассиживаться было нельзя: новый, присланный из района егерь, глазастый и неутомимый, нет-нет, да и проезжал на своем «Бурани» по заснеженным лесистым холмам. Война войной, а обед, хоть и не по расписанию, а должен нынче состояться. Ну и пузырьрёк, ядрена мать, сам знашь, святое дело после таких-то трудов. Небозём не браконьер какой-нибудь, а вольный охотник! Это понимать надо. Должен же быть на всё село хоть один вольный охотник. Обязательно должен быть.

В густеющих сумерках Небозём принялся за разделку дичины, как услышал неподалёку короткий окрик. Небозём ответил. Шуралей с рюкзаком и крепким крапивным мешком в руках, подошёл к нему.

— Умаяла тебя коза?
— Такая кого хочешь умает. Давай мешок.
— Ливер к зайцу можно положить, в рюкзак, — с готовностью сообщил Шуралей, — я и клеёнку припас, завернуть.

— Ну и молодец, на вота, заворачивай, да смотри, чтоб волосом не извозить.

Совсем уж впотьмах тяжело пошли по молчащему лесу в деревню.

— Егеря не видел в селе? — спросил Небозём Шуралея.

Шуралей шёл молчком, потом спросил:

— У тебя деньги есть?
— Какие тебе деньги?
— Да я так спросил. Думаю, мяса Краснятихе отнесть, она бутылку даст.
— Бутылкой теперь не обойдёшься, — устало ответил Небозём, — минимум литр. — Помолчав, оповестил друга: — Видишь, облака против ветра идут? К пурге. Глядишь, уже к завтраму метель-пощельница все следы заметёт.

До дома дошли без приключений. В задней развернули мешки, Шуралей взял заднюю ногу, пластину рёбрышек, завернул в тряпицу, бегом выбежал в ночь.

Федя нарезал крупно печень, лёгкое, поставил чугунок на газ. На другой конфорке раскалил сковородку, растопил ложку барсучьего жира, другого не оказалось, наложил густо мяса с грудинки. По дому загулял запах жаркого. Прибежал с холода притворно непроницаемый Шуралей. Федя, согбенно стоя с веником у дверей, остановился взглядом на нём:

— Ну чего ты, взял?

— Неа. Говорит — нету, — и тут же разулыбался, поставил на стол пару мутноватых пузырей, положил рядом золотистую головку лука да полбуханки белого хлеба. Не дождавшись мяса, сели за стол, разлили по лампадке, нарезали лук, помакали мякишем в горячую сковородку, поглядели весело друг на друга:

— Какой-то ты маленький стал, Небозём, — сказал с улыбкой другу Шуралей, — и старый, что ли?

Федя уже подносил зелье к губам, но задержался, сказал, не поднимая глаз:

— Да, Вань, такой маленький старик и такое большое море.

И здесь прыснул Шуралей со смеху, и зелье, ополоснув соляную руку, расплескалось по газетке, и слеза неизбывной любви к старинному другу пробила его.

АЛЕКСАНДР БОЧКАРЁВ

У НАМОЛЕННОЙ ИКОНЫ

Прохлада, солнце, тишина,
Голубизна небесной сени.
Душа моя растворена
В спокойной нежности осенней.

Любуюсь грустной травой,
Сияньем золотого леса.
Задумавшийся клён кривой,
Репейник сонный — всё прелестно.

Порой осенней мир видней,
И чувства с мыслями едины,
Они в кругу текучих дней —
Итоговая середина.

Былое видим в ней всегда
Через года и расстоянья,
И загорается звезда
Любви, печали, покаянья.

2009 г.

* * *

Уверен материалист,
Что не душа его, а тело,
Затрепетавши, словно лист,
Любовной ласки захотело.

Идёт, наверное, от тел
Любви желание вначале...
А где, узнать бы я хотел,
Источник грусти и печали?

2008г.

* * *

В майской солнечной купели
Нежно вишня зацвела,
Взволновались коростели,
Воробьи, перепела.

От сирени захмелели
Чувственные соловьи.
Эротические трели
Завели они свои.

Жизни новое начало,
Животворный непокой –
Всё запело, зазвучало
Поэтической строкой...

2008г.

* * *

Я вижу небесные звёзды,
Берёзы, дубы, тополя.
Со мною и солнце, и воздух,
Родные леса и поля.

Со мной ненаглядные внуки.
И, думаю, нужен им я.
Зачем же мне поисков муки
И смысла, и тайн бытия.

От дум отрешиться не властен,
Но внуков тревожно любя,
Принять и за них я согласен
Сомнения все на себя.

Боюсь только их обездолить,
Порвав судьбоносную нить.
Душа, существуя без боли,
Не сможет любовь оценить.

2008г.

* * *

У памяти свои законы.
Я набожностью не хвалюсь,
Но у намоленной иконы
За внуков и детей молюсь.

У этой вот иконы самой,
Её лампадного огня
Молилась бабушка за маму,
А после мама за меня.

И по душевному велению
Молюсь за то, чтоб эта связь
Родных по крови поколений
И после нас не прервалась.

2008г.

ВЕЧНОСТЬ

С деревьев спадают за листиком лист
И землю для новых питают собою,
А души целебные их поднялись
На небушко ясное и голубое.

Ушедшая в землю и в небо родня
Явила ко мне судьбоносную милость.
Она ароматом любовным в меня,
Поэзией тихой и нежной вселилась.

За всё благодарен я милой земле,
Хранителю вечности — звёздному небу.
Без них этот белый листок на столе
Пропитанным к предкам любовью бы не был.

2008 г.

* * *

Впитал я с материнским молоком
Наследственную тягу к рукоделью.
Бывает, бью по пальцам молотком,
Но руки всё ж к делам не охладели.

Когда собою мне ласкает глаз
Штуковина какая-то резная,
И видно, что работа удалась, —
Поверьте, большей радости не знаю.

2008 г.

* * *

Куда мне от родной деревни деться.
Ведь только жизни в ней благодаря,
Ежевечерне возвращает в детство
Меня заката алая заря.

Она — исток загадочного света,
С которым рядом я родился, рос,
И в нём, как чудо, вижу силуэты
Родных и милых гурьевских берёз.

Алеют окна в деревенской школе
Румянцем догорающего дня...
Удерживает, словно на приколе,
Деревня тёплой памятью меня.

Над ней витают в небе души близких.
Они отсюда вряд ли улетят.
Родные имена на обелиске
Со мною расставаться не хотят.

Да и моя душа не улетаёт
Из этих мест надолго никуда.
Она у Ромоданки и Актая
Останется с другими навсегда.

2008г.

ПАМЯТИ ГАЛИНЫ

За то, что я живу, прости.
Прости и даже посочувствуй.
Непросто жизни крест нести,
Когда в родимом доме пусто.

Исчезли грёзы и мечты.
И одинокий, и болезный
Я, так же, как когда-то ты,
Желаю внукам быть полезным.

Галина, ты любила их,
И я живу на свете ими.
Они едины в нас двоих,
И в этом мы неразделимы.

2008г.

* * *

Лжецам правдоискатель не по нраву,
Они, желая властвовать, опять
Его, а не разбойника Варавву
Потребуют унижить и распять.

Не всем дорога к истине по силе.
Сжигая к отступлению мосты,

Поэты на Голгофу возносили
Любви и правды тяжкие кресты.

2009 г.

* * *

Подумают: уютный старый дом
Меня покоем в жизни укрывает,
И в нём душа, как речка подо льдом,
Волненьям недоступною бывает.

У этих, повидавших много стен,
С великим миром связь теперь прямая.
Энергией духовной без антенн
Они его сигналы принимают.

И кто-то из космической дали,
Подобно чудодейственному магу,
Мелодии и неба, и земли
Моей рукой положит на бумагу.

2009 г.

* * *

Родная деревенская дорога,
Знакомая с далёких детских дней,
Ведёт к осиротевшему порогу
И потому даётся всё трудней.

Иду, необходимостью ведомый,
В пути цепями памяти звеня,
К себе домой привычно, но и дома
Вспоминанья только ждут меня.

2008 г.

БАХ АХМЕДОВ

НАШИ СНЫ

* * *

Февраль с дождями подружился
И стал учить язык дождей.
А мокрый город превратился
В приют потерянных людей...
Крушение смыслов и стремлений.
Дожить бы только до весны!..
Смывает ливень объявление
О том, что кто-то купит сны.
Смывает краски слов избитых
И обнажает серый цвет.
В нём истин маленьких избыток,
А той, что ищем, снова нет.
Февраль протягивает руку,
Как нищий в поисках тепла.
И жизнь опять идёт по кругу,
И не находит в нём угла.

УТРЕННИЙ ЭКСПРОМТ

Дымится мой утренний кофе –
Я буду на гуще гадать.

Но вновь проступает твой профиль,
Который нельзя не узнать.
Пусть время смывает надежды,
Как тёмную гущу — вода,
Твой образ во мне неизбежен.
Твой профиль во мне — навсегда.

ПИСЬМО ИЗ ДРЕВНЕГО РИМА, ИЛИ НАШЕСТВИЕ ВАРВАРОВ

Историки вновь наврали! Всё было не так совсем.
Варвары штурмом не брали наш город... Да и зачем?..
Ворота давно сломались. Стены — сплошная брешь.
И горожане устали святой охранять рубеж.

Кто-то покинул город в поисках лучших дней.
Другие нашли опору в пространстве своих друзей.
И как-то забыли про варваров. А орды их тут как тут.
Вошли незаметно в город, освоились и живут.

Хозяйски по улицам бродят... И что им былой пейзаж?
И что им любовь к свободе и город старинный наш?
Для них это просто место, где женщины и вино.
И наши высокие споры звучат для них так смешно.

Скоро труды великих великий огонь пожрёт.
И будет в ухмылке дикой кривиться жестокий рот.
И будет дичать наш город под пьяные песни их.
Они нас не брали измором, оставили нас в живых.

Оставили право смеяться над слепотой ума,
Пока догорали книги, и быстро сгущалась тьма.
Оставили горькое право в будущее писать
И отблеск ушедшей славы в глазах стариков искать.

* * *

То ли весна наступает на пятки...
То ли вечность щекочет душу.
А может быть, прошлое играет в прятки
И шепчет ехидно: «О, слушай, слушай...»

Слушай, как растёт древо забвения
С золотыми яблоками, и на каждом штрих-код!..
А если завтра придёт вдохновение,
То за ним и что-то другое придёт.
Так возникает погоня за точностью...
Уход от ночных платежей за ложь.
И разум погаснет, сном обесточенный,
И ты, наконец, в картину войдёшь.
В картину, где тебе оставили место.
Войдёшь, как последний решающий штрих.
А что будет дальше, увы, неизвестно:
То ли бессмертие, то ли крик.
Крик в заоблачное, в сферу возможного –
Где создается голограмма души.
Где выжигают надежду на коже,
Ломая отчаяния карандаши.

* * *

Ночные бдения... Попытка
Найти пропущенное слово.
Душа затихла, как улитка,
Как будто к вечности готова...
Как будто ей нужны пробелы,
А не извечный поиск звука.
И свет, летящий за пределы
Судьбы разорванного круга.

* * *

Наши сны — это тихое эхо
Жизни той, что прошла мимо нас.
Словно музыка грустного смеха
И нетронутой страсти запас.
И всё тише, всё дальше, всё глуше
Это странный пронзительный звук.
Словно плачут уставшие души,
Уходя за положенный круг.

* * *

Мир — это солнечный зайчик,
Неуловимый по сути.

Утренний поезд удачи
Едет с вагонами грусти.
Радость полна ожиданья.
Гордость не видит дорогу.
Нежность уходит в молчанье,
Глядя на прошлое строго.
Неуловимые лица...
Неизреченные мысли.
Мир — это то, что нам снится,
То, что вовек не исчислить.
Где-то качаются звёзды.
Месяц застыл над рекою.
И холодеющий воздух
Полон неясной тоскою.
И повторяется вечность
В снах, утомленных любовью.
Мир — это тонкая свечка,
Между надеждой и болью.

* * *

К чему бы душа не стремилась,
О чём бы не пела она,
В ней спрятана странная сила
И отблеск забытого сна.
Мучительный поиск свободы,
Где что-то откроется ей.
Последняя тайна природы
В потоке изменчивых дней.
А если вдруг песня прервётся
На самом излёте любви.
Как свиток, душа развернётся,
Даря откровенья свои.
Как свиток... Как хрупкий пергамент.
Коснись — и рассыпется в прах
Надежды прозрачное пламя
И вечность в зелёных глазах.

* * *

Мы произносим слово «птица»,
И возникает высота.

Но, может, речь нам только снится,
А сущность мира — немота.
И в ней всё то, что в нас таилось,
Вдруг обретает новый свет.
И птица та, что нам приснилась,
Летит туда, где смерти нет.

* * *

В нас что-то умирает каждый миг.
И каждый миг рождается иное.
Но тот, кто эту связь умом постиг,
Боится постигать её душою...

Он как бы прячет в ракушки минут
Жемчужины своих воспоминаний.
И тихо они к вечности плывут,
Как лодочки в холодном океане.

ЭКСПРОМТ

Человек непрочен.
Человек неясен.
Странен и неточен,
Жалок и опасен.
Человек — попытка
Обрести просвет.
А душа-улитка
Дремлет много лет.
А когда проснётся,
Обретёт себя,
Жизнь её начнётся.
...Только без тебя.

* * *

У каждой боли есть улыбка.
У каждой ночи есть рассвет.
А в каждой встрече скрыта скрипка
И в наше прошлое билет.

Так мы проходим друг за другом
В ворота нашей пустоты.
И в тёмном зеркале испуга
Мы видим времени черты.

И снова ждём прикосновенья
Прозрачной музыки любви,
Где в каждом звуке плачут тени,
Так и не ставшие людьми.

* * *

Всё ещё можно вернуть.
Двери открыты в ночь.
Мы обретаем суть,
Зная — нельзя помочь
Сути совсем иной,
Той, что лежит на дне.
Просто побудь со мной,
Просто вернись ко мне!..

Жить — это быть во всём.
В каждой секунде дня.
Просто приди в мой дом.
Просто спаси меня...

* * *

Как мы хотим последней ясности!..
И забываем, что она
Сродни невидимой опасности
Достичь невидимого дна.
Достичь предела понимания
И вдруг увидеть, что за ним
Лежит не тайна мироздания,
А наш портрет с лицом чужим...

ПАМЯТИ ПОЭТА

Как стремительна поступь событий.
Как пронзительна тема судьбы!

Словно строчки, протянутся нити
От последней до первой любви.

Что молва? Только шелест осенний...
Только горький и тающий дым.
И потерянно мечутся тени
Тех стихов, что ушли вместе с ним.

В них надежда превыше разлуки.
В них всё сказано было уже.
И плывут недопетые звуки
К уходящей в бессмертье душе.

К уходящим в молчание строчкам,
К золотому мерцанию лет,
Где приходит последняя точность,
По которой тоскует поэт.

ТИМУР АЛДОШИН

БРАТ МОЙ, ПУШКИН

РЕБЁНКУ

Покуда существует рай,
и жизнь не взламывает двери,
в шары с планетами играй,
подобен богу или зверю.

Всё мироздание в горсти,
как нераскрывшееся семя,
держи — покуда прорасти
тебя не заставляет Время.

Не торопись, дружок, узнать,
кляня опеки постоянство,
что отличает землю-мать
от вольной мачехи пространства.

ещё придёт твоя пора
в тисках всемирного конвоя
асфальт вселенского двора
пробить безумной головою.

1995

МУДРОСТЬ

Цветы, деревья, трава,
глаза, улыбки, колени...
Лучше мёртвого льва –
живые олени.

Лучше старой любви
новая, ибо
бывшие львы
молчаливей, чем рыбы.

Нету мёртвых вообще –
есть ушедшие. Строго,
жизнь — всего лишь вочеловеченье бога,

смерть — его возвращенье в отчизну небесну.
Нету смерти вообще –
есть разлука. И если

всё кончается здесь,
то конечна и горесть
расставаний. То *есть*
лишь терпение, *то* есть

протяжённость границ
между знанием и верой,
где Меркатора из
становится сферой

Земля, круглясь, как живот
земных, тяжёлых земными:
«Лучше тех, кто живёт, –
те, кто будут живыми».

1995

* * *

Не кока-колу, но колокола
разлей по приготовленным пустотам,
чтоб Та в них, что всё жаждала, ждала,
воскликнула, услышав бронзу: «Кто там?»

Там — голосок затвердевает в Глас,
как дух младенца обрастает телом,
как остывает звёздочка, что жглась,
но вдруг планетой стать захотела.

Природа, ты не терпишь пустоты,
и, значит, для тебя места все святы,
и все координаты суть кресты,
на коих сыновья твои распяты.

Строй всюду жизнь, не оставляя мест,
не тронутых творящими руками,
на небеса перемещая крест,
в его подножье отдавая камень.

На камне храм, а камень на крови,
что не остановилась за чертою,
а вылилась в колокола любви,
притянута святою пустотою.

1995

* * *

Каждая мать зовётся Марией:
сердце жмёт нерождённый Бог,
земля тяжела, и платья малы ей,
и ветер с неба сбивает с ног.

Земное малó: тело, объятья,
имя собственное теснó,
ветер с небес надувает платья,
земли вращенье сбивает с ног.

Кожа мала и нитки крови
на платье земли трещат по швам,
и глаз болезненное, коровье
всё вспоминанье, куда же шла.

Земли вращение, и нехватки:
то воздух кончится вдруг, то мел.
Сквозь время видишь: в его остатке
снег на распятыё ложится, бел.

Смерть повитуха. Окна распяты.
Восходит солнце. Родится Бог.
Небо, небо сдувает платье.
Ветер, ветер сбивает с ног.

1997

ПОЛИНЕ

В волосах твоих да будет свет,
тёплая пушистая звезда, –
переждем, как пробки, «Интер-нет»,
между нами будет «Интер-Да»!

Кончится вчерашняя печаль,
засияет завтрашняя твердь,
будем всюду лазить, выключать
ржавую низложенную смерть.

Раздадим сиротам мам и пап,
дождь — пустыням, сёстрам — женихов,
вдунем в дрожь любви ветвей и лап
разум для писания стихов.

Подползёт собакой континент
к нашему небесну кораблю,
скажешь ему: «Места хоть и нет –
забирайся, я тебя люблю!»

Нам найти написано в роду,
позабыв все прежние места,
чистую-пречистую звезду,
где никто не убивал Христа.

1997

* * *

Что тебе, Мария, в тёмной ночи,
что тебе у светлого костра?
Далматинцы лают, как звоночки,
и рыдает старшая сестра.

Далматинцы, вы — алмаатинцы,
яблоки звонки, легки, круглы,
как у карусельщика Матисса
эльфы вальса, снега и золы.

В наших жилах кровь, а не водица,
наше тело — церковь на крови.
Если уж в империи родиться,
лучше жить в империи любви.

Плачет кошка робкая Джульетта,
смотрит с неба нежная луна,
слепнет сердце от судьбы и света,
задыхаясь, что вот ночь нежна.

Ночь нежна, а день её нежнее,
у собак трепещут языки.
Виснет Анна на отцовской шее,
тёмная от счастья и тоски.

2003

* * *

Не было Спасения,
не было Мессии.
Не было Есенина,
не было России.

Округлясь от ужаса
стеклянистой сути,
что ты хочешь, лужица
зазрачковой ртути?

Что ты хочешь иноком
от игумна текста,
мыслящее инако
проклятое сердце?

Что ты хочешь, Родина,
от моей печали,
в одиночку Одина
звякая ключами?

С кем Ты будешь строиться,
если нет Марии,
мужеская Троица
Божьей индустрии?

Я гулял роддомами,
я ходил в темницы –
видел всё знакомые,
мученые лица.

Им бы душу выпростать
в голубые снега...
«Альфа» шла на приступы –
не было Омеги.

...Тебя не увидели
за двойным засовом –
Русь моя на выданье,
девушка Христова.

2003

* * *

Брат мой Пушкин, что нам слава,
коли жизнь нехороша?
Из подруг — одна лишь клавa,
из скотин — одна мыша!

Хоть теперь иная эра:
не чернила да перо –
электронная химера
ухмыляется хитро,

всё таким же грешным делом
занимается поэт:
на листе обманно-белом
проявляет Божий след.

Заведёт тебя далёко
говорливая строка!..
...Где ни адреса, ни срока,
лишь огромные срока́,

всё без права переписки...
Дальше — только тишина,
вечной славы обелиски –
а на кой тебе она?

Не грусти об этой жизни:
эка радость — мёд с дерьмом!
Так уж принято в Отчизне –
убивать в 37-м.

Сочиняй иную долю
для поэтов в небеси...
Вот приду к тебе на Волю –
потолкуем о Руси!

2009

ЕЛЕНА КОЛЯДИНА

НОВЫЙ РАБЛЕ?..

О романе «Весёлая галиматья» Елены Колядиной

Само название произведения Елены Колядиной предполагает забавные коллизии в сюжете и настраивает на чтение развлекательное. Поначалу так оно и есть. Читая вступление, невозможно удержаться от смеха. Первая же сцена — исповедь отроковицы у начинающего батюшки — та самая забавная путаница, что и прозывается «галиматьёй»...

Предостерегая невинную девицу от разврата, батюшка будит её воображение, да и свои инстинкты заодно. Тут-то и возникает завязка будущей трагедии. Итак, в романе два главных героя — отец Логгин и его прихожанка, пятнадцатилетняя купеческая дочь. Их встреча, сопровождаемая гомерическим смехом читателя, совсем не предполагает трагической развязки. Но нечто «языческое» разлито в самом тексте романа: вспоминается поверье, что громким смехом можно накликать беду. Трагедия при участии амбициозного отца Логгина, действительно, вызревает и доходит до «точки горения».

Основная тема романа — не личная история девицы, согрешившей до брака, не рассказ о её несчастной любви, не бытописание купеческой семьи или всего города Тотьмы конкретного исторического периода, а противостояние двух культур. Невзирая на несколько веков доминирования православной религии, допетровская Русь оставалась полуязыческой. Феодосья, героиня романа, — образ самой Руси — авантюрной, любознательной, легковёрной, бесшабашной в веселье и юродствующей в горе, верной в любви и твёрдой в вере.

Произведение Елены Колядиной получилось глубоким, многослойным и неоднозначным. Нет сомнений, что автор владеет историческим материалом. То есть знаком с документами, отражающими быт и языковую среду северного края кон-

ца семнадцатого века. Уж очень натуральным выглядит описание жизненного уклада тогдашнего общества! Погружение во времена правления Алексея Михайловича Романова происходит при помощи характерного языка героев романа.

Главное для меня, как читателя, не занимательность сюжета и даже не историческая достоверность, а язык произведения. Язык романа так насыщен архаизмами и старинными оборотами речи, что вполне удовлетворяет представлению о времени трёхсотлетней давности. Прелесть повествования заключается в сочетании современного литературного языка с архаико-простонародным. Очарование ещё и в том, что знакомые и обкатанные слова раскрывают свою первоначальную сущность: «почесал пазуху под мышцей...» и тому подобные... В романе существует истинно русский язык — без современных заимствований из многих чужеродных языков. Единственный носитель чужеземных (греческих) терминов, которые считает «божескими» — учёный батюшка Логгин. Из-за непонимания языка священника паствой и происходят «кудесы». Батюшка, как и его прихожане, насквозь язычник. Строго наказывая верующих за приметы и суеверия, сам в них верит.

Наши предки-язычники не знали срама в нынешнем его понимании. Тело и все телесные отправления считались естественными. Вся физиология имела собственные названия, их употребляли в разговорной речи безо всякого стыда. С принятием же христианства на Русь пришло понятие «греха». Ещё употреблявшиеся в предпетровские времена истинные русские названия физиологии за триста последующих лет стали запретными: бранными и матерными. В результате современный русский язык не имеет «пристойных» физиологических терминов. Это или «низменные» слова, дошедшие до нас из язычества как бранные, или медицинские термины, заимствованные у западной цивилизации.

Вот этот «перекос» в современной культуре относительно прародительской, языческой, и обыгран в произведении Елены Колядиной. Эффект — ошеломляющий! Чувствуя неловкость (результат воспитания!) за «непристойности» в печатном тексте, невольно забавляешься анекдотичностью происходящего и получаешь удовольствие от смешных диалогов, нелепых рассказов, изобилия старинных присказок и поговорок.

Замечательны речевые характеристики героев, их портреты, описание повседневной деятельности, подробностей быта. Роман удался благодаря языку, воссозданному автором в народной, старорусской традиции, с его образностью и обилием синонимов. «Неприличным» язык романа выглядит только на первый, поверхностный взгляд. По мере проникновения в суть произведения начинаешь понимать, что автор и не думал скандализировать общество. Таковым был истинный язык наших предков.

По степени откровенности, да и по художественному уровню роман Елены Колядиной можно сравнить с произведениями Рабле или Боккаччо, только на местном, национальном материале. Примеры-то достойные.

Нина ПИСАРЧИК

ВЕСЁЛАЯ ГАЛИМАТЬЯ

Роман-катавасия

Глава третья СКОМОРОШЬЯ

— На лицах у всех хари надеты! Да такие глумливые хари! То ли из дерева вырезаны да раскрашены, бес его знает? На одной нос торчит на версту, что твоя елда! Ой, прости, Господи... На другой такая потешная личина, что в сонме не присонится!..

Мария с самого завтрака украдкой стояла на пороге Феодосьиной горницы, подперев дверной укос. Время от времени она отодвигала кованый заклёп, тишком озидала лестницу и, вновь прикрыв дверь, с жаром продолжала пересказывать новости, принесённые Акулькой.

Акулька давеча таскалась за город, к Божьему дому. Ибо представилась у Акульки мать, и через сродственницу передали ей, что матушку уж отпели, и теперича попрощаться с ней можно будет у Божьего дома, куда свозили со всей Тотьмы до весны покойников. Не то чтобы всех, а голытьбу, холопов и простолюдинов, у кого нет кунов, чтобы нанять могильщиков разгрести снег на погосте и выжечь кострами мерзлоту да выдолбить могилу в окаменевшей земле. Тех упокойников складывали, как дрова, до ледохода, когда земля оттаивала, и тогда уж хоронили. Мать Акулька не сыскала — наложено было уж поверх неё покойников: в Песьих Деньгах случился пожар, и новопреставившихся привезли не менее трёх десятков.

— Старая у Акульки матушка была? — участливо спросила Феодосья.

— Тридцать пять годов, что ли?..

— Не так чтоб старая... — подняла брови Феодосия.

— Уж кто захочет умереть, так елдой не подпереть, — отскороговорила Мария, которой не терпелось перейти к самой завлекательной части новости.

На обратном пути Акулька узрела, что на Государевом лугу встали стойбищем сани-розвальни, кибитки, возы и чудной шатер, из которого валил дым. Оказалось, что в Тотьму прибыли скоморохи! И тогда поганая Акулька (прибить бы её поленом за это!) попёрлася на торжище — зреть скоморошья позоры! Обо всём этом Мария узнала вовсе случайно, заслышав дерзкий хохот и глумы из людской избы. Акулька кинулась в ноги молодой хозяйке и, дабы отвлечь её внимание от полена, в самых ярких красках написала позорное зрелище.

— Поглядеть бы, — закатив глаза, томно прошептала Мария Феодосии и ухватила её за рукав. Но тут же добавила постным голосом: — Ой, нет, грех великий! Тебе, девке вольной, ещё бы и можно повзирать на скоморохов, а мне, мужней жене, и думать грешно.

— Вот ещё! — смелым голосом произнесла Феодосия. — Ныне не старые времена! Чай не при Иване Грозном живём, чтоб жёнам и девицам из дома не выходить. Чего нас стерегут бденно, как царскую казну?! Пойдём на торжище сей же день!

— Ой, нет, Феодосьюшка, — опустил глаза, нарочно принялась отнекиваться Мария, мыслившая в случае неудачи свалить вину за инициативу на молодую сродственницу. — Не пойду я, и не уговаривай. Сяду лучше супругу Путилушке мошну вышивать.

— Да скоморохи, может, к нам, десять лет после не приедут!

— А как уйдём? — притворно повздыхав, рекши Мария.

— Украдом.

— Нет, только не украдом. Лучше скажи матушке, что хотим отстоять обедню не в нашей церкви, а в соборном храме, — деловито предложила Мария, у которой план похода в балаган был разработан ещё с вечера.

— Она нас без холопов не отпустит.

— Холопам поганым дадим четверть копейки, так они из питейного дома до вечера не выйдут. А матушке скажем, мол, нашло на дураков запойство, бросили они нас посреди Тотьмы... Матушка велит их выпороть, всего и дел!

...Сия тайная вещь удалась, как по маслу, словно сам черт Феодосье с Марией помогал!

Скоро выкушав на дорожку — мороз на улице стоял ядрёный — оладьев с горячим мёдом, сродственницы в сопровождении холопов Тимошки и Васьки, вооружённых палками, отправились в Богоявленский собор к обедне... Дорогою Тимошка и Васька для улады молодых хозяек то и дело палками поднимали с кустов и дерев тучи алых снегирей и пёстрых клестов. Перебежала на радость Феодосьюшке дорогу и двоица белочек. Феодосья заливалалась смехом и норовила задержаться, чтоб дать зверькам семечек. Но Мария тянула её прочь. Вскоре послышался диковинный шум...

Торжища в центре Тотьмы, напротив приказной избы и пошлинной мытницы, было не узнать! Словно посреди постных белых хрустящих снегов развела вдруг весёлая баба масленичный огонь да принялась жарить нехожий блин, да класть на него пищу, сытную, пряженую в масле требуху. И от того блина масляными стали у тотьмичей и лица, и перста, и уста, и зенки!.. Издалека оглушил Феодосью с Марией стук бубнов, грохот барабанов, вопли зурны, дудок, рожков, звон гуслей, срамные песни, дикие вопли бражников, возбуждённый гомон толпы, местами уж пустившейся в пляс, — казалось, того и гляди, присоединятся к тотьмичам черти и примут-

ся скакать в коленца! Избавившись от Тимошки с Васькой, сродственницы пробились сквозь толпу.

— Гляди-ка, Феодосья, плясавица! — всплеснула дланями Мария. — Рожато размазана белилами, ланиты красные, а уста-то, уста! Кармином намазаны! Тьфу, как из блудного дома девка! И пуп голый! Ой, срам...

Понося плясавицу поносными словами, Мария, между тем, мысленно примерялась и к кармину на уста, и к белилам, и к наведённым сажей бровям...

Впрочем, черноволосая плясунья в восточных шароварах, хоть и топтались вокруг нея не только пешие мужики, но и конные бояре, была не самым большим дивом.

Тотьмичи азартно толпились вокруг глумилища с акробатами: парни в мягких кожаных каликах и пестротных, расшитых яркими платами, рубахах, подбрасывали друг друга в воздух, ходили колесом, вставали друг дружке на плечи и низвергались вниз, на расстеленный на снег истёртый тёмный ковер.

— А вот игрище о бедном мужике, просто Филе да о богатом князе Блуде Слабосрамном! — раздался из-за спин весёлый вопль. — Подходи, гляди на театр скомороший кукольный!

Мария с Феодосьей перебежали на крик к кукольному игрищу. Посередь него стоял занавес, натянутый на воткнутые в снег колья. Над занавесом глумились деревянные куклы, раскрашенные красками и наряженные в истинно настоящие — на ногах одной из кукол были даже лапти! — только крошечные одежды.

Когда Мария и Феодосья протиснулись к самому занавесу, два скомороха подняли над пологом вырезанную из дерева игрушку навроде богородицкой: на противоположных краях одной досточки сидели бедный крестьянин, очевидно, тот самый Филя, и богато наряженный князь. Невидимые кукловоды дружно двинули деревянными рычагами. И в тот же миг из-под парчового подола Блуды еле-еле, подрагивая, поднялся тоненький бледный срам, и тот же рухнул вниз. А из-под овчинного тулупа мужика извергнулася гигантская елда, с грубо вырезанной лупкой, выкрашенная свеклой в густо-бурый цвет, и застыла колодезным журавлем.

— Богатый тужит, что елда не служит! А бедный плачет, что елду не спрячет! — зычным баритоном прокричал скоморох, стоявший перед занавесом.

Зрители повалились со смеху.

— Гы-гы-гы! — утирали слёзы мужики.

— Ох-ти мне! — тыкали друг дружку в бока бабы. — Хороша елда! Вот бы этакую попробовать.

Мария залилась смехом.

Феодосья в смущении прикрыла лицо краем оголовника. Но тут же украдкой вновь взглянула на могучий мехирь деревянного Фили.

Когда тотьмичи достаточно налюбовались мощью Фили, фигуры опустились вниз.

— Зовут меня Истома, — с театральной приветливостью прокричал тот же самый скоморох, ведущий действие словесами, — а покажу вам, тотьмичи дорогие, чего не увидите дома!

Оказалось, что дома зрители не могли увидеть бабу с огромными деревянными грудями, которые по мановению тех же рычагов вздыбливались над горизонтом.

— Вот Катерина! Лезет на елду, как медведь на рогатину! — рифмуя ударения в словах, весёлым зычным голосом прокричал Истома. — Катерина не сводница, а сама охотница! Катерина — девка на выданье! А приданого у нея — веник, да алтын денег, да две мельницы, ветряная да водяная, одна с пухом, другая с духом! Титьки у Катерины по пуду...

Рычаги немедленно пришли в движение, дабы тотьмичи могли убедиться в словесах Истома.

Мария колыхалась от смеха. Феодосья же не знала, что и делать. Глумы потешные, но уж зело срамные... Впрочем, следующая история уже и у Феодосьи вызвала смех, идущий, казалось, из самого нутра, из самой утробы.

Ну как было не хохотать над скоморошиной о нерастленной монашке, бесшабашно пропетой Истомой под аккомпанемент гуслей? Решила монашка, что поселился у нея в естестве чертёнок — уж больно чесалось и щекотало между ног. Пожаловалась нерастленная монашка попу. А тот рекши, мол, нужно проверить! И до того доизгоняли они из лядвий чертенят, что упал поп замертво. И похоронили его с похвальбой, дескать, принял святой отец смерть в ратном бою с чертями.

Феодосья исподтишка глядела на Истому. Глаза Истомы были синими, как шёлк, на котором Феодосья вышивала золотом карту мироздания. И сияли его очеса, словно в синеву просыпались крошечные сколки золота. И льдинки весенние крошились в его зеницах. И осколки хрусталя рассыпали бесшабашные многоцветные искры. Борода Истомы вилась хмельными кольцами цвета гречишного меда. Кудри его выбивались из-под низко надвинутой шапки тугим руном и пахли, мыслилось Феодосье, имбирным узваром.

Олей-о! Феодосья! Зачем ты глядишь на Истому? Не весенний лёд крошится в его глазах... И не имбирным узваром пахнут его власы. Смердным огнём горящих селищ пропах его меховой охабень. И крест его огромный, украшающий голую шею, пылал огнём за тысячу верст от Тотьмы, на той великой реке, до которой плавали тотемские гости через Белоозеро. Впадает в Белоозеро 360 рек, а вытекает одна лишь, Шексна. И течёт Шексна, ласкаемая тучами белорыбицы, до той самой могучей русской реки, где до был свой дорогой охабень скоморох Истома. И губы его были горькими от бесовского табака. И шрамы покрывали его злое тело. И шрамы были на яром его сердце.

Поглядывая на скомороха, Феодосья узрела, что, декламируя глумы и распевая скоморошины, Истома зорко обшаривает глазами поверх толпы. Вдруг глаза его из бесшабашных на мгновение стали злыми, словно набежала на очеса тёмная туча. Истома зыркнул незаметно зеницами товарищам. И вновь лучезарно улыбнулся. Феодосья оглянулась. Толпа расступалась, пропуская едущих верхом воеводу и его слуг. Воевода, Орефа Васильевич, дородный, с пухлым лицом в окладистой бороде, помахивал плетёным из разноцветной кожи кнутом. Впрочем, тотьмичи и без кнута дружно опускали головы, стараясь не встречаться с Орефой Васильевичем взглядом. Бабы и мужики кланялись да жались к заборам. Лишь особы купеческого звания при поклоне смели украдкой приветливо взглянуть если не в лицо воеводы, то в морду его коня. Впрочем, находясь в толпе, уже изрядно растленной срамными и вольнодумными скоморошинами, тотьмичи чувствовали себя смелее и поклоны клали, словно из-под палки. Воевода встал возле Феодосьи с Марией, которые дружно приветливо поклонились. Государев верный наместник в сухонской земле, Орефа Васильевич признал дочь самого крупного тотемского солепромышленника.

— Что, Феодосия, брат твой Путила не вернулся ещё с обозом? — сняв расшитую меховую рукавицу, с приветливостью спросил Орефа Васильевич.

— Нет ещё, — не поднимая главы, ответствовала Феодосья.

Перед глазами её сиял серебряной обивкой носка и каблука алый сафьяновый сапог воеводы.

— Супруг мой Путила рекши, что, как вернётся, так, не заезжая домой, первым делом к вам с поклоном, мыслил поднести нашему воеводе товары из Москвы, — ловко встряла Мария.

— Ну, ну... — размаслился воевода. — Передай мужу, пушай сперва жену одарит, чем она захочет, ха-ха, а уж потом и ко мне на поклон.

Сопровождающие засмеялись шутке.

Мария зарделась.

Истома ненавидяще сверкнул из-под шапки глазами.

Но тут же весело закричал:

— А вот игрище про дрищавого польского пана!

Кукловоды бойко приподняли над занавесом куклу карикатурно исполненного полячка, готовясь разыграть глуму самого патриотического содержания. Тотьмичи дружно признали в пане Лжедимитрия и предвкушали зело потешное позорище с его участием.

— Не хвались, едучи на рати, а хвались, едучи ср-р-ати! — театрально прокричал Истома и заговорщески подмигнул зрителям.

— Ох-ти мне! — хохотала публика.

Остальные сценки с участием дрищавого пана были столь же двусмысленны и уничижительны, чем умаслили сердца тотьмичей. На ура были приняты сцены Божьего наказания Лжедимитрия за то, что с блудницей своей женой Марией любодействовали они, не закрыв икон, в присутствии креста, Господних книг и прочих Божественных атрибутов.

— Ловите, шуты гороховые, — высокомерно рек воевода, кинув, по исчезновении польского пана, под ноги скомороху горсть мелких кун.

Один из актеров с поклонами и весёлыми шутками принялся собирать из грязного снега деньги.

Истома сузил глаза, чтобы ярость сердечная не излилась из зениц. Бросил взгляд на голую бычью шею воеводы, овитую самоцветными камнями в три перста.

— На чужие кучи глаз не пучи, а свою навороти, отойди да погляди! — дерзко продекламировал Истома дьякам приказным. Сердечко Феодосьи замерло. Воевода взирал, не меняясь в лице. Лишь очеса его пожелтели.

Ещё вчера воеводе донесли, что прибыли скоморохи, встали табором на Государевом лугу. И числом тех скоморохов в ватаге не менее полусотни! И есть при них медведи в цепях и притравленные на люд собаки. А также блудные девки, похожие на турчанок либо персиянок. Зело лепые!.. Один ушлый из воеводиных людей донёс даже, что груди у тех девок смуглые, со-

ски их коричневые, и мажутся они для сладострастия вяще пряным маслом. И так умеют те девки обвить скользкими своими чёрными косами мужскую подпушную жилу, что проистигает любострастие, какого и свет не видывал... А ещё разнохали верные люди, что вроде как продают тайком скоморохи бесовскую траву табак, нарекая её для тайны сушёным яблочным листом либо свекольной скруткой. Но — не пойман не вор! Изловить торговцев либо покупателей табака не удалось. Так что, может, и брешут люди про табак! Кривду лгут!

Дьяки испуганно отворотили рожи от воеводы, смекнув намёк скомороха. Но тут же вышли из положения: грохнули хохотом, указывая перстом то на кукольного пана, то на скачущего тотемского дурачка Ваньку, делая вид, что шутка относится только к нему одному.

Воевода налился чёрной кровью, сжал кнут... Но вот ведь в чём сила лицедейства театрального... «Аллегория!» — сказал бы книжный отец Логгин. И не ударишь ту аллессию кнутом, и не отправишь на правёж, и не вздыбишь на дыбе. Произнесены словеса глумливые, но поди узнай, о воеводе али об дурачке Ваньке? Орефа Васильевич усмехнулся сквозь зубы, оглядел зрителей. Все дружно, открыв рты, взирали в сторону деревянной куклы.

— Господин Орефа Васильевич, — поклонился один из сопровождающих. — Зри, какова там плясавица пляшет!..

Завидев голый пуп и насурьмлённые брови плясуньи, воевода двинул коня в сторону.

А Истома ловко разыграл изрядную шутку. Забаву эту знали уж по всей Московии, но до сиверских краев она ещё не дошла, так что неискушённые тотьмичи приняли её внове и всерьёз. А глума была презабавная! Подбежал к ИстOME подсадной человек, свой же скоморох, и завопил об украденном кошеле.

— Обокрали, люди добрые! Как есть обчистили!

— А много ли кун было в мошне? — театрально кричал Истома.

Тотьмичи дружно завистливо охнули, услышав, какая сумма досталась неведомому татю.

— На воре шапка горит! — вдруг истошно, как на пожаре завопил Истома.

И в тот же миг один из зрителей схватился за высокую меховую шапку на своей главе.

— Держи вора! — зашумели тотьмичи.

И быть бы несчастному с вырванным пупом, да Истома, хохоча, признался в шутке.

Ухватившегося за шапку побили было немного, но он отбоярился, мол, блоха в голову попала, видать от дурачка Ваньки, потому и схватился за шапку.

Когда всеобщее возбуждение улеглось, и малый из акробатов обошёл публику с разношенным колпаком, в который полетели медные куны и сла-

сти, началось новое представление. Над занавесом поднялись зело пёстро намалёванные виды Иерусалима. Готовилось самое драматическое представление в репертуаре Истоминого театра: распятие Христа. Тотьмичи, с колыбели знавшие об событиях на Святой горе, тем не менее внимали, как дети. Бабы зашмыгали носами, когда с деревянного Христа сорваны были холщовые одежды, а на главу его воздет колючий венец. Рёбра Христа были подведены коричневой краской, отчего худоба Его была ещё более щемящей. Когда на голове сына Божьего оказался венец, из-под волос его вдруг потекла кровь! Толпа охнула. Все принялись креститься. Несколько человек рухнули на колени. В голос заплакал какой-то мальчонка. Феодосья раскрыла уста и вдохнула морозный воздух. В голове её зашумело, перед зеницами поплыли кровавые пятна... Молотки, которыми прибивали гвоздями Христа, били Феодосью в виски. В сердце словно веретено воткнулось, пришили его к становой жиле, так что не могла Феодосья ни вздохнуть ни охнуть. Она повела руками, ища опоры...

Крест с распятым Иисусом начал медленно подниматься над занавесом.

И внезапно Феодосья оттолкнула Марию и бросилась к балагану. Она вытянула руку с перстнем из-под шубы и вырвала тело Господне с креста! Посыпались облупившиеся деревянные гвозди. Над пологом появились две кудлатые головы с растрёпанными рыжими бородами и конопатыми носами. Кабы не выдавшие виды шапки, головы те можно было принять за две миски горохового киселя, в который неведомо как попала солома. Это кукольники тянули шеи, недоумевая, куда делся из их рук распятый сын Божий?! Прижав Христа к груди, Феодосья развернулась к зрителям. Тотьмичи дружно выдохнули разинутыми ртами. Истома от неожиданности оторопел, но через мгновение охавил Феодосью вместе с деревянным Иисусом. Голубые, словно небесный аквамарин Феодосьины глаза оказались впряме от Истоминого лица. Он вдохнул запах заушин, пахнувших оладьями и елеем, и ретивое его наполнилось горячей кровью.

— Пусти, дерзостник, — опавнув лицо Истома тёплым дыханием, произнесла Феодосья.

Истома ослабил хватку. Феодосья, пылая, вырвалась из рук скомороха и ринулась к толпе. Зрители очнулись и радостно загомонили. Забыв об Истоте, Феодосья с ликованием подняла Господа над головой, краем отметив, что под повязкой Иисуса нет никакого срама, и передала его в чьи-то руки. Иисус плыл над толпой, окропляя тотьмичей кровью.

Истома удивленно и жадно глядел на Феодосью.

Переполюх, поднявшийся на торжище, был не менее вящ, чем случившийся сто лет назад, когда Тотьму подпалили казанцы.

— Спасли! Спасли Христа-то с Божьей помощью! — кричали счастливые тотьмичи. — Не дали пролить святую Его кровушку!

— Феодосья Христа с креста сняла! — вопил дурачок Ванька. — Не дала мучиться! Жив Христос! Жив!

— Господь ожил! — высоким от переполнивших чувств голосом возопил тотьмич в зипуне из коровьей шкуры.

Акробаты посыпались на снег.

Снизошёл!

Оборвались звуки гуслей.

— Воскрес! — подхватила баба с рогожьей сумой. — Ужо, накажет теперь кровопийц!

Воевода Орефа Васильевич повернулся в седле, исподлобья глянул на толпу.

Над ней, рыжей, бурой, клочковатой, как шкура отощавшего медведя, но ликующей, плыл голый Господь. И каждый норовил дотронуться до фигуры хотя бы кончиком перста, дабы почувствовать себя участником спасения Господа.

Внезапу полёт Христа замер. Чей-то тонкий мучительный вопль пронёсся над толпой. Тотьмичи принялись тянуть шеи. И вдруг возле ковра акробатов зрители отпрянули и расступились. В круге снежного месива стоял отец Логгин. Взор его пылал. Длинные волосы, обычно закинутае за уши, выпрастались на рясу. Овчинный тулуп распоясался, открыв крест на груди. Взмахнув посохом, отец Логгин вырвал из чьих-то рук деревянную фигуру, краем отметив, что под повязкой на чреслах Христовых нет никакого срама. Впрочем, на этом акте изъятия задор отца Логгина поутих: он не знал, что деять далее?! Пребывая на теологическом распутье, отец Логгин, на всякий случай, истошно вознёс над толпой первый попавшийся тропарь, одновременно спешно размышляя, как разрешить сей казус? С одной стороны, вырезанная из дерева фигура — суть идол, и переломить бы его об колено! Однако, идолище сие — сиречь образ Христа, и об колено его ломать, возможно, и неуместно. Эх, свериться бы с Иоанном Постником! Но не побежишь же с Господом под мышкой по сугробам в виталище на Волчановской улице, дабы отыскать в книге ответ на ситуацию?! Продолжая судорожно сжимать раскрашенную фигуру, отец Логгин возмущённо возопил:

— Куклу позорную сделать из Мученика?! На колени!

Толпа дружно рухнула ниц с той же страстной верой в необходимость валяться в снегу, с какой только что верила в богоугодность таскания Иисуса над головами.

Удачно найденное слово — «кукла», к вящей радости отца Логгина, дало толчок его размыслам, и гневное нравоучение зело жарко и изящно полилось из уст святого отца. Огнестрельно обводя взглядом тотьмичей, отец Логгин узрел Феодосию. Её присутствие прибавило духовной особе красноречия. Зрители слышали и разъяснение сути заповеди «не сотвори себе кумира», и яркую речь о богомерзких идолах, и жаркие молитвы, и имена сонма святых, обличавших весьма прозорливо идолопоклонство. Разойдясь, святой отец даже прошёлся по паре спин тотьмичей посохом. Отец Логгин то саркастически смеялся, то с плачем молился, боясь прервать речь,

после которой неминуемо пришлось бы разрешать загвоздку: что делать с фигурой?! Неизвестно, как долго продолжалась бы сия импровизированная обедня, но внезапно к отцу Логгину подошёл Истома и со словами: «Дай-кось куклу-то, святой отец, чего вцепился», завладел инвентарём.

— Гореть тебе в огне!.. — на всякий случай сказал отец Логгин, дабы сохранить подобающий вид.

Но Истома уже шёл к кудлатым рыжебородым товарищам, чьи головы с разинутыми ртами всё ещё торчали над занавесом.

Толпа загомонила, поднялась с колен и принялась расходиться.

Феодосья стояла идиолом. Растерянность её происходила из двоения размыслов: она спасла Господа от мучительного правёжа на кресте — разве сие не богоугодный подвиг?! Но спасла, оказывается, языческую куклу. А ежели бы — икону! Тогда другое дело? На иконе, значит, образ Христа богоугоден, а на фигуре — богомерзок? Феодосья хотела было спросить Марию, но та в тревоге потянула сродственницу прочь, не давая и рта раскрыть. Они, запыхавшись, пересекли торжище, свернули в узенький проулок и молча поплыли по тропе, то и дело взмахивая дланями, чтоб не повалиться в сугроб. Мария сердито пыхтела. Далось же Федоське таскать глумливую куклу! А ну как теперича новина об этом событии дойдёт до ушей свекрови или свёкра?! И Мария принялась мыслить, что бы сказать родне, ежели происшествие вскроется? Феодосья же молчала по своим причинам: мысли её путались, перескакивая с деревянного Христа, у которого не оказалось срама, на скоморошьи глумы; с пылкой речи отца Логгина на горький хмельной запах, исходивший от Истома; с голопупой плясавицы на дерзкое обьятие скомороха...

Внезапу пёстрая крепкая фигура кинулась через сугроб, и на узкой тропинке, перегородив путь сродственницам, встал Истома.

— О-ох! — гаркнула Мария и схватилась за живот. — Тьфу, бес!

Впрочем, Мария тут же убрала руку с утробы. Была она благолепно полна и дородна, да к тому же в широкой душегрее и суконной шубе на белищем меху, так что признать в ней очадевшую жену было затруднительно, чем слабая на передок Мария и не замедлила воспользоваться.

— Чего встал? — бойко спросила Мария Истома.

— У кого? У меня? — не полез за словом в карман скоморох, но тут же, приветливо глянув на Феодосью, широко рассмеялся, давая понять, что дерзкие словеса — лишь шутка, не имевшая намерения оскорбить почтенных жён.

Мария, растрепанная душой, усмехнулась и повела разговор, который Феодосья назвала бы срамным, а книжный отец Логгин — циничным.

— Пропусти-ка! — скомандовала Мария.

— Постой, красавица, не спеши, ещё будешь на плеши, — отвечив дерзостью Истома и дал-таки «молодым княгинюшкам» дорогу, но пошёл рядом.

— Уж не на твоей ли? — упирала руки в бока Мария. — Мало щей хлебал!

— Мало, — подтвердил Истома. — Аж так голоден, что не знаю, коли много надо мне досыта? Хватит ли твоих щей моей ложке?

— Ишь ты, жадный какой до чужой миски!

— Да уж больно ложка моя велика, зачерпнет, так до дна!

При этих словах Истома откинул полу охабня, продемонстрировав висающие на чреслах нож, ложку и коровий рожок.

— Не стражай девку мудьями, она и елду видала, — визгливо засмеялась Мария. — Рог-то тебе зачем? В носу ковырять?

— Мозги прочищать.

— Кому?

— А любому, кто рожок мой в уста возьмёт.

— Фу, бес!

Феодосья семенила, не поднимая очей, вспыхивая то от срамных приговорок Истома, то от блудливых словесов золовки. Истома сыпал шуточками Марие, но не сводил глаз с её родственницы, любуясь её тёмно-русыми бровями, густыми ресницами, пухлыми ланитами.

— И чего же ты такой голодный? Жена редко кормит? Ты, скоморох, женат? — поинтересовалась Мария.

— На что жениться, когда чужая ложится?

— И много ли таких чужих было?

— Считать не считал, а горошины в карман клал, да на сотой карман оборвался, — не раздумывая, ответил Истома и действительно продемонстрировал дыру под поллой охабня.

— Ха-ха-ха! — заливалась Мария.

— Ты не думай худого, молодая княгинюшка, это только глумы для вашего веселья, — тут же проникновенно обратился Истома к Феодосье. — Один я на всем белом свете.

— А плясавица что же? Али отказывает такому красавцу? — исподтишка ревниво допросила Мария.

— Да её только ленивый не етит, — с деланной печалью произнёс Истома. — А хочется любви чистой, светозарной.

— Кому же её, светозарной, не хочется? — согласилась Мария. — И я бы не отказалась.

— Была бы охота, найдём доброхота, — тут же с усмешкой рекши Истома.

— Уж не ты ли охотник? Всякому давать, так края заболят! — не смутясь, сыпала приговорами Мария, чем бросала в краску Феодосью, и не подозревавшую в золовке такого срамного красноречия.

— А ты сядь на край да ногами болтай.

Феодосьюшка уж несколько раз украдом дёргала сродственницу то за полу, то за рукав. Но Мария то незаметно отмахивалась, то громко вопрошала, чего Феодосьюшке надобно, чем исключала всякое объяснение. Впрочем, тяготясь двусмысленными шуточками скомороха, простодушная

Феодосья мысленно восхищалась его умением эдак ловко отвечать — всё стихами да прибаутками! Феодосьюшка, которой общаться с чужими мужами доводилось весьма редко, полагала за бойкостью словесов блистательный ум Истомы. Она и не подозревала, что кочующий с ватагой актёров скоморох своё мастерство дерзких возбуждающих бесед оттачивал в каждом селище. Но и то было правдой, что блудодей Истома заинтересовался Феодосьей со всей искренностью, на какую способен привыкший надевать хари и личины актёр.

Некоторое время шли молча — уж очень запыхались жёны, преодолевая сугробы.

— А ты что же всё молчишь, прелепая княгинюшка? — грудным вибрирующим голосом тихо спросил Истома Феодосью, ненароком оказавшись возле неё.

Но Мария, из ревности не желая допустить беседы между скоморохом и сродственницей, ловко взмахнула десницами, изображая скользкую дорогу.

— Ох, ноженьки устали, — пожаловалась она, обращаясь к скомороху.

— А ты сядь на мой, да поезжай домой! — В своей привычной манере прикрывать дерзкие слова видимостью озорной шутливой игры, споро откликнулся Истома.

— Села бы, да боюсь — обломится, — подливала масла в огонь Мария. — Али силен?

— Было бы во что, а то есть чем, — отвечал Истома Марии, но мысли его были возле Феодосьи, в пазухах согретой её телом шубы, в заушинах, пахнущих елеем и мёдом, в жарких лядвиях...

— У тебя, что ли? — не переставала празднословить Мария. — Да на тебя дунь да плюнь — так нежив будешь. Гляди, худой какой. Али черти на тебе воду возили, что так издрищал?

— Хороший петух никогда жирен не бывает, — молвил Истома, поглядывая на Феодосью. — А заездили меня не черти, а чертовки... Вроде тебя такие, бойкие.

— Ха-ха! — польщёно хохотала Мария.

Напустив презрительный вид, Мария нарочно расспрашивала Истому о плясунях, и крестилась, и охала, деланно ужасаясь богомерзкому сладострастью и скопищу грехов актрис. Она страсть как любила послушать худое о других женах, тем самым ставя себя по другую сторону греха. Феодосью же странствующие актрисы искренне заинтересовали.

— Вот бы постранствовать, как они... — мечтательно произнесла Феодосья.

— В уме повредиласть?! — громко осудила Мария родственницу. — По свету только блудодей блудят.

— А Христос? — логично спросила Феодосья. — Он ведь по свету ходил?

— Так то Христос! — аргументированно ответила Мария и на всякий случай перекрестилась.

Жены остановились.

Истома вопросительно взглянул на них. Потом, смекнув, зорко оглядел улицу. В конце улицы виднелись богатые крепкие хоромы за высоким чашеколом. «Значит, здесь Феодосья моя живёт», — размыслил скоморох. И простодушным голосом спросил:

— А чего же вы остановились, молодые княгинюшки?

— Родня наша на этой улице живёт, зайдём к ним повидаться, — толкнув Феодосью в ляжку, придумала Мария, опасавшаяся быть увиденной из окон мужниного дома.

— А сами вы где обитаете? — равнодушным голосом спросил Истома, исподтишка приглядывая за Феодосьей.

Феодосьюшка бросила скорый взгляд на горницу под крышей хором и тут же отвела очеса.

«Значит, ея светёлка под кровлей», — промыслил скоморох, простодушным взглядом блуждая по сугробам.

— Живём мы в том конце Тотьмы, — заверила Мария. — За нами опосля холопы приедут и отвезут к матушке да батюшке.

— А что как я к вам в светёлки заявлюсь? Мёдом напоите? Пирогам накормите?

— Пирогам! — заколыхалась Мария. — Как бы муж мой дубинкой тебя не накормил досыта!

— Так ты замужня мужатица? — с напускным сожалением спросил Истома и тяжело вздохнул.

— А ты как мыслил? — горделиво ответила Мария.

— Думал — непорочная ты девица, — ломал комедию Истома.

И смотрел на Феодосию хмельными глазами. И видела она его шальной взгляд, и понимала, что смеётся он над золовкой ея, и не Мария ему нужна, а она, Феодосья, и для неё он рёк глумы и играл позоры.

— Разве девица лучше? — ревниво произнесла Мария. — Жена-то слаще...

— Так-то оно так... Умная жена мудьями потешается, елдой забавляется. Да только с чужой женой колотиться — грех. А с девицей — без греха. Потому что жена мужу принадлежит, а девица ещё ничья, а значит — чья хочешь.

Феодосья вспыхнула:

— Ты дерзостник! Мерзости речешь! Противен ты мне!

— Феодосья у нас ещё девства не растлила, так серчает, — засмеялась Мария.

— А ты променяла лимонный цвет на алую плешь? — шутил Истома.

Он нарочно сыпал словесами, чтоб задержалась Феодосья ещё хоть на миг возле него, скомороха... «Противен!» Ох, как любил Истома непокорных жён! Надоели ему покладистые жены, и жаждал он колотьбы яркой, ратной.

— Значит, не скажете, где живёте? — спросил Истома.

— Нет! — решительно повела рукой Мария.

— Ну, делать нечего, — вздохнул Истома. — Надо идти до своего шатра, там уж мои плясавицы, наверное, вечерять меня ждут. Прощайте, молодые княгинюшки. Жаль, не свидимся больше.

Ущипнув напоследок Марию за бок, Истома повернулся и, не оглядываясь, зашагал по улице, ометая снег длинным диковинным охабнем.

Крадучись заведя Феодосью под навес двора, Мария остановилась под стеной и сладострастно потянулась.

— Вот, дурак, навязался, — с едва скрытым удовольствием произнесла золовка. — Шагу не ступить порядочной жене, чтоб блудодей не охалил зенками! Жаль, Путилушки нет, а то бы я ему пожаловалась, так висел бы сейчас поганый скоморох с вырванным срамом!..

Феодосья рассеянно слушала и кивала, а мысли ея летели вослед ИстOME, идущем по их улице широким и разбитным шагом любострастца, уверенного, что ему вослед жадно глядят жёны. Душа Феодосьи волновалась при воспоминании о бороде, вьющейся хмельными кольцами, о волосах дикого мёда, о синих глазах со сколками золота, о низко надвинутой на лоб шапке, о крепких руках, о запахе тела... Но разум ея мучился виной за то, что приворожил её человек срамословный и дерзостный. И, как это чаще всего бывает, Феодосья перенесла вину за богомерзкие слова скомороха на золовку: «Истома муж добрый, это Мария его на срамословие искушала, она виновата!»

— Зачем ты мерзости рекла? — нахмурившись, спросила Феодосья. — Такой срам произносила, стыд! Что ни слово, то елда, прости Господи!

— Да ты что, Феодосьюшка? — ухватила её за рукав Мария. — Это же я нарочно! Али ты не поняла? Чтоб не думал скоморох, что мы его, лиходея, боимся. Аз нарочно ему грубила, чтоб худого он нам не сделал. Кто его знает, что за человек? Может вор лихой али разбойник? Да если бы мы испуг выказали, он бы нас точно зарезал. Видала, какой у него нож за поясом? О, Господи! Лежали бы сейчас под проезжей дорогой, псов бродячих кишками кормили. Спаси и сохрани!.. Феодосьюшка, подруженька любимая, ты не проговорись матушке с батюшкой про скомороха, добро?

— Ладно, — согласилась Феодосья. И радостно засмеялась. — А хорошо мы сей день на торжище сходили?

— Ой, хорошо! Славную обедню отстояли... — Мария подмигнула сродственнице. — Только подлые холопы Васька с Тимошкой ту обедню испортили своим запойством. Ну, ничего, батюшка их, лиходеёв, выпорот примерно!

Девицы стояли на дворе и не чувствовали мороза. И не хотелось им уходить, а хотелось снова и снова околичными незначащими словами вспоминать дерзкого скомороха.

— Нашлася пропажа у дедушки в портках! — раздался неожиданно истошный крик Василисы. — Вот они где! Вы чего стоите-то возле овина? Али умом повредились? Васька с Тимошкой где? В дом идите!

Мария сразу сделала постное лицо, схватилась одной рукой за брюхо, а другой — за поясницу и едва живым голосом заканючила:

— Ох, устали на обедне! Да через торжище ели пробрались потом — тьма тьмущая народу толкалась, каких-то скоморохов ждали. Насилу домой добрались...

Перед лестницей Василиса подтолкнула Феодосью в спину:

— Иди скорее, отец с обеда тебя ждет, про жениха хочет объявить.

— П-п-ро какого жениха? — заикаясь, спросила Феодосья.

— Про твоего, не про моего же!

ВСЛЕД ЗА ПЕТРАРКОЙ И ШЕКСПИРОМ

В литературных кругах бытует такая шутка: не всё, написанное столбиком, можно считать стихами. К сожалению, людей, претендующих на звание поэта, в России всегда было чересчур много. Почему? Трудно сказать. Глубинные причины, скорее всего иррациональны, как иррациональна, скажем, не поддающаяся объяснению «загадка русской души». О вреде, наносимом родному языку километражом необязательных строк, кто только не писал! А воз и ныне там. В советское время поэтическое слово, являющееся безусловной редкостью, девальвировалось чрезмерным изобилием стихотворных сборников, издаваемых за государственный счёт. В наши дни напечатать в типографии каким угодно тиражом любой графоманский опус доступно всякому, кто способен заплатить. Тем не менее, в шестидесятые годы прошлого столетия мы переживали поэтический бум, которому бурно радовались, а ныне переживаем едва ли не абсолютное отсутствие читательского интереса к стихам. Казалось бы, эти перепады не поддаются объяснению. И всё же...

Наконец-то мы стали понимать — поэзия создаётся не для стадионов (это не футбол), а для души, ищущей откровения и очищения. Наверное, таково подлинное предназначение поэзии. И доступна она немногим — так же, как классическая музыка, например...

С Евгением Поспеловым и его стихами я знаком более тридцати лет. Меня всегда интриговала его творческая замкнутость, пренебрежение тем, что Па-

стернак называл «быть притчей на устах у всех». Это вызывало уважение, но была заметна и некоторая поза — дескать, я сам определяю цену того, что делаю. Помню, что на стихи, всё-таки принесённые Евгением в елабужское лит-объединение «Творяне», у меня родилась тогда то ли эпиграмма, то ли мини-рецензия:

*Слишком много в стихах отражённого света:
Пастернак и Цветаева, Блок и Бодлер...
Самому обжигаться дыханием сфер –
быть не может другого пути у поэта.*

Прав я был или неправ? Все стихотворцы вынуждены учиться у предшественников. Свободным от влияний, возможно, был только Гомер. Внутренняя культура, осведомлённость, приятие или неприятие той или иной сложившейся традиции — это атмосфера, без которой поэт не может развиваться. Увидеть свою тропинку, услышать свой звук, найти свою интонацию, выработать свой стиль в мире искусства — вот что самое сложное в деле поэта. Такую необходимую эволюцию Михаил Исаковский, например, называл подвигом.

Сегодня я не сомневаюсь, что Евгений Пospelов свой подвиг совершил. Его путь — это и Дар, и Крест. Он никогда не был баловнем фортуны, в отличие от нас, грешных, не приглашался на фестивали поэзии, не участвовал во Всесоюзных совещаниях молодых писателей... Предпочитал елабужское затворничество, окружив себя книгами, хорошей музыкой и самыми близкими людьми. Затворничество не мешало ему однако цепко вглядываться в мир (не случайно Евгений — профессиональный фотограф), откликаться на все перипетии личной судьбы и, если хотите, судьбы России уже не заимствованными мотивами, а зрелыми стихами, имеющими самостоятельный творческий почерк.

Пишу про шторм, предпочитая заводь...

— одна строка, а говорит о многом. Лаконизм и полифоничность — свидетельство и таланта, и мастерства.

Даже с утвердившимися поэтическими декларациями иногда происходят курьёзы. Ну, например: «До тридцати поэтом быть почётно//И стыд кромешный после тридцати». Эту цитату затёрли до дыр. К месту и не к месту. Между тем, её банальность и дурная категоричность становятся очевидными, стоит только оглянуться на недосягаемые фигуры Тютчева или Фета, создавших несомненные поэтические шедевры в самом что ни на есть зрелом возрасте. Кстати говоря, объём написанного и тем, и другим невелик, а вклад в русскую поэзию неоценим. И если современный поэт ориентируется на такие судьбы, то перед ним надо снять шляпу. Таков Евгений Пospelов в своей второй, выпускаемой к шестидесяти годам, поэтической книге.

Самое драматичное, самое исповедальное, самое интимное и в то же время самое необходимое живой человеческой душе в стихах Пospelова, на мой взгляд, — сонеты о любви. В моём читательском восприятии они выстроились в следующую цепочку: Петрарка, Шекспир, Пospelов. Прочтите, и вы поймёте, что лесть тут не при чём. Автор сумел и меня обжечь «дыханием сфер». Этот огонь — очистительный.

Николай АЛЕШКОВ

СУЛАМИФЬ

* * *

До сотворенья мира ты жила.
Тебя Господь явил себе на радость.
Одной тебе Он отдавал всю сладость
Со своего цветущего стола...

Как дух любви, ты на траве спала.
А рядом Бог, твою лелея младость,
Негромко пел, скрывая хрипловатость,
Чтоб сладкий сон увидеть ты могла.

Твои мечты предвосхитили рай:
И пышный август, и цветущий май
Ему открылись у твоей постели.

Войдя в твой сон, Бог создал двух людей
И чудеса цветов, стихов, страстей,
И флейты звук, и жаворонка трели!

* * *

Ты жажду утолить мне не даёшь –
Чуть губы смочишь и меня бросаешь.
Как дождь, придёшь и, как туман, растаешь,
И расставаньем, как морозом, жжёшь.

Ты рану залечить мне не даёшь.
Ты взглядом, словно лезвием, пронзаешь,

Но до конца меня не убиваешь,
Своей жестокости не признаёшь!..

И всё равно тебя боготворю.
Как волю высшую, благодарю.
Мне капля от тебя дождей влажнее.

Пронзи насквозь — не бойся, не жалей!
Боль от тебя сторонних ласк нежней,
Вниманье — преклонения важнее.

* * *

Придумай мне занятие на века!
Что ни прикажешь — всё исполню точно:
В Оксфорд и Кембридж поступлю заочно
И новые открою берега.

Лишь пожелай, и в дыме кабака
Я стану самым пьяным и порочным —
Грозою девственниц и жён!.. А впрочем,
Заслуга быть таким невелика.

Достану для тебя из тайников
Всё золото воров, царей, богов!..
Придумай же хоть что-то для начала.

Боишься, что не справлюсь?!.. Ну и что ж,
В стихах, как в сказке, прячется не ложь,
А правда сердца. Это чтоб ты знала.

* * *

Ах ты притворщица! В тебе живёт
Простушка и пастушка! Видят боги,
Скромнее ты и строже недотроги,
А твой каприз точнее, чем расчёт.

Как у девчонки — ровен твой живот,
А шаг спортсменки, а не лежебоки...
И только взгляд с прищуром, темноокий
Не хочет видеть далеко вперёд.

Не притворяйся! Если надо, плачь,
Красней, бледней!.. кто духом чист и зряч,
Оценит по достоинству все плюсы!

А коли притворишься — будь смела!
Я знать хочу, какой бы ты была
Не в качестве возлюбленной, а музыки!

* * *

Я, словно в ссылку, возвратился в сны.
А что ещё мне делать остаётся?!
И хоть Луна не заменяет Солнца,
Живу под покровительством Луны.

Во сне сырой песок и валуны
Вытаскиваю я со дна колодца.
И кровь стучит в висках, и сердце бьётся,
И страх от темноты и глубины...

Верни меня туда, где мы могли
Лежать в траве, как на краю земли,
И бездну созерцать почти беспечно!

Верни бессонницу и подари свой взгляд!
Пусть в нём все сновидения сгорят,
Как листья, что упали с ветки Млечной!..

* * *

Ты всё взяла. Я словно в пустоте.
Нет времени во мне. Я вне пространства.
Бесплотное тело и душа бесстрастна,
Как птица, отражённая в воде.

Мне невдомёк, что значит быть в беде,
Я не хочу быть занятым и праздным,
Смеюсь над самым чистым и прекрасным
И утверждаю: нет его нигде!

Ты всё взяла. Я нищ и гол, как осень.
Я словно крест на брошенном погосте —
Ни имени, ни дат не разобрать...

Ещё немного, и густой травой
Течение лет упавший крест прикроет,
А новый будет некому вкопать.

* * *

Едва приближусь — и спешу обнять.
Лишь обниму — одежда как кольчуга!
Одежды нет! И происходит чудо:
Душа не в силах с телом совладать!

Душа сама губами хочет стать —
Сейчас она раздета и разута:
Телесные одолевая путы,
Твоей душой мечтает обладать!..

Но и она здесь больше не нужна.
Когда любовью плоть обнажена,
Ладонь преображает обладанье!

Наш диалог, как двух немых дуэт:
Душа и кожа, темнота и свет
И жадное друг друга узнавание...

* * *

Не уходи... Ты лучше не найдёшь!
Любовь моя верней любой собаки,
Забавней дрессированной макаки!..
Кошак нежнейший и колючий ёж

Быстрее меня не смогут вызвать дрожь
И сердца трепет при ночной атаке!
И даже в бочке самой лучшей браги
Такого хмеля ты не зачерпнёшь!

Не уходи же и себе не лги,
Что страсть, как разноцветные мелки,
Стирается от времени и быта.

Ведь пара пустяков мне доказать,
Что наше чувство шире, чем кровать,
Загадочней, чем знаки алфавита!

* * *

Всё, как у всех. Шептание и крик,
Прикосновенья и проникновенья,
И поиски опоры, и паденья
В огонь и тьму, и завершенья пик.

Но странно, что я так и не постиг
Метаморфозу нежного стесненья,
Что вдруг так бурно ищет единенья,
Как будто жить нам остаётся миг!..

Волной горячей пробегает дрожь
И трепет на агонию похож:
Душа свою природу осознала

И на свободу отпустила плоть!
И, может быть, раскаялся Господь,
Назвав грехом то, что любовью стало.

* * *

Ты рядом. Ты свежа и горяча,
Как солнышко, уставшее скрываться.
Мне за объятия сполна воздастся,
За каждый поцелуй отвечу я.

Господь открыл нам ключиком луча
Глаза — уже пора бы просыпаться...
Пора во что попало одеваться
И пить, не торопясь, горячий чай...

Смотри, как оживают и зовут
Метаморфозы утренних минут:
Движенья, краски, звуки пробужденья!

Чист небосвод, безоблачен твой сон...
А если и услышу тихий стон,
Так то лишь эхо. Эхо наслажденья!

* * *

Рассвет задумал нас врасплох застать.
Прозрачней стала сумерек завеса,

И бахрома пылающего леса
Не позволяет наготу скрывать.

Тебе давно пора бы крепко спать!
Но снова тлеет в сумраке белесом
Разбуженный ветхозаветным бесом
Огонь, в котором сладостно сгорать!

Как ты прекрасна, как ты хороша,
Когда за телом следует душа,
Меня увлечь с собой не забывая!

Рассвет врасплох застал нас, но стыда
В помине нет!.. Последняя звезда
Блестит, как капля пота золотая...

* * *

Не торопись, я так хочу продлить
Игру касаний лёгких и скольжений,
Науку вычитаний и сложений,
Чтобы ответ искомый получить...

О, не спеши! Я должен изучить
Всё то многообразие положений,
Переплетений странных и смешений,
Когда познать, и означает жить...

Продли игру, открой глаза и стань,
Как утром открывается тюльпан –
Он влажен и прекрасен без наряда!

Ещё минуту дай мне! Или час.
Ты чувствуешь, ещё я не угас
И дух любви ещё витает рядом!

* * *

Хочу тебя любить сто дней подряд
И спать, как пёс, в ногах, дыша в колени.
А поутру, не предаваясь лени,
Нести в постель нектар и виноград.

Как в 48, так и в 60,
Хочу тебя желать, как хочет пленник
Достигнуть наконец-то избавленья,
Любви отдавшись с головы до пят.

Чтоб я забыл про ночь и день, чтоб ты
Не знала, где реальность, где мечты,
Чтоб кухня нам казалась заграницей...

Душой дрожать и плотью трепетать,
Пресытиться и снова испытать
Всё, из чего бессмертие творится!

* * *

Ревнуй меня к звезде или к росе –
Я так люблю их зыбкое мерцанье!
Ревнуй же и прими, как наказание,
Мое внимание к тающей красе.

Непостоянен в жизни я, как все:
Люблю и вьюги белое восстанье,
И с осенью-распутницей свиданье,
И поле в полдень с васильком в косе!..

Я перед мыслью дерзновенной слаб.
И музыки прекрасной верный раб!
Ревнуй же и, поверь, не прогадаешь.

Ревнуй, но помни: всё, что я назвал, —
Иллюзия, калейдоскоп — кристалл,
Который ты, как свет, преображаешь!

Середина цветка цикория

Рассказ

— Златка! — кричит мать на весь дом.

Злата молчит. Она третий день живёт у родителей, а выспаться никак не может. Мать поднимает её рано, потому что рано встаёт отец, за которым надо следить, мать устала этим заниматься, и дёргает Злату ни свет, ни заря. Мать толстая, старая, уставшая от жизни, а Злата — молодая, чего же её не подергать? Но Злата делает вид, что ещё не проснулась. По дому распространяется запах жареной рыбы и лука. Мать с утра жарит рыбу, которую вчера принёс сосед Васька Широков. По дому распространяется запах подгорающего лука. Хочется чихать, а вставать не хочется. Но если она чихнёт, мать поймёт, что дочь проснулась и завалит её делами и обязанностями. Злата не отказывается от дел, но она любит во всём порядок, а мать привыкла жить в хаосе, поэтому у них совершенно разная природа и организация нервной системы и — разный подход к одной проблеме.

Месяц назад с отцом Златы случилось несчастье — инсульт. Мать это событие потрясло до глубины души. Она в один миг лишилась жизненной опоры, так как была человеком несамостоятельным. Сорок лет она была той самой шеей, которая крутила голову мужа во все стороны. Вправо, влево, на 180 градусов! И вдруг этому пришёл конец. Крутить оказалось нечем, потому что муж лежал в сельской больнице, плохо ориентировался во времени и пространстве, говорил только две фразы: утвердительную «Дай Бог!» и вопросительную «Всё хорошо?» Иногда он начинал говорить на польском языке, который никогда не изучал, но это был язык его предков. Мать тоже была из семьи ссыльных поляков, но у них говорили только по-русски, поэтому она не понимала отца. Как, впрочем, и всегда. Злате было не ясно, каким образом столь разные люди прожили вместе много лет? Видимо, единственным объединяющим моментом была их национальность. Злата очень гордилась тем, что её имя, отчество и фамилия соответствуют друг другу. Она была Злата Юзефовна Маньковская. А в их классе, например, учился мальчик Себастьян, по фамилии Козлов. Его милостиво никто не дразнил, но как сложилась его взрослая жизнь, Злата не знала. Говорили, он поменял в конце концов то ли имя на Севастьян, то ли фамилию на Козловский. В их селе потомков поляков было немало, хотя с началом перестройки уехала не одна семья. Но её мать и отец не думали трогаться с места.

Сейчас мать пребывала в жутком замешательстве и растерянности. Злата, приехавшая примерно через неделю после случившегося, посоветовала матери во всём с отцом соглашаться — так проще для него. Но это было не просто для матери, потому что она всегда была «против». А тут должна была быть «за». Она постоянно забывала, что отец болен, и начинала насеждать на него, как на здорового. А отец твердил одно и то же: «Всё хорошо?». Мать думала, что он издевается. Зажигалась, как спичка о коробок. Злата крутила пальцем у виска — дескать, и ты, мама, с приветом, лучше скажи ему, что всё хорошо.

Когда Злата впервые зашла в мрачное здание кирпичной больницы, её поразило, что отец смотрит как бы мимо неё. Он не обрадовался, не удивился. Смотрел бледно-голубыми глазами перед собой и при этом говорил: «Дай Бог!». И ещё было совершенно непонятно — узнаёт он дочку или нет. Но в какие-то секунды наступало просветление, и он оживлялся, однако, просветление было настолько мимолётным, что он не успевал его зафиксировать в мозгу, в котором неизвестно что произошло — либо тромб разорвал сосуд, либо высокое давление сыграло злую шутку и что-то сместилось у него в голове. В общем, мать была в панике, а Злата должна была вселять в неё надежду, что всё восстановится. Она этим и занималась каждые выходные, на которые сейчас исправно приезжала из города домой. И действительно, прогресс был налицо. Отца выписали из больницы и через месяц после случившегося он взял лопату и пошёл в огород. Окучил всю картош-

ку, причём окучил даже то, что Злата и мать сделали раньше. Их работа не удовлетворила отца. Физически он всегда был силён настолько, что подвыпивших хулиганов останавливал один его вид. А если он показывал кулак или поднимал руку! Всех сдувало, как ветром! Сейчас он мог только копать и обихаживать себя, что, в сущности, было счастьем, но матери нужен был прежний Юзеф, а его не существовало. Он забыл, как держать в руках косу и как косить. А именно косьба была его любимым летним занятием. Мать сказала Злате, что у неё сердце оборвалось, когда она увидела, что отец не понимает, что делать с косой.

На бездеятельного и удручённого отца Злата смотреть без слёз не могла. Приходилось слёзы сдерживать, чтобы мать не утратила веру в выздоровление. Злата уходила плакать в огород или в баню. В огороде она усердно полола грядки, поливая их слезами, а в бане подкладывала в печку дрова и смахивала слёзы ладошкой. Громко плакать было нельзя. Могли услышать соседи, а потом обсуждать это с её матерью.

Злата с детства не любила, когда в её дела кто-то вмешивался. Она долго могла терпеть только общество отца, потому что он был молчалив и сдержан. Злата садилась к нему на колени, упиралась лбом в его переносицу и смотрела в голубые глаза близко-близко. Два глаза сливались в один, это было очень забавно. У них были глаза одного цвета — цвета нежно-голубого цикория. Потом Злата становилась перед зеркалом и придирчиво изучала своё лицо. Ей очень нравилось, что она похожа на отца. Хотя бы цветом глаз. Если дело было зимой, в воображении Златы возникали цветы цикория, которые она любила за то, что они того же цвета, что и их с отцом глаза. И её всегда мучил вопрос — почему цикорий вянет в вазе с водой? А как было бы красиво иметь такой букет на столе! Приходила мать, её отражение в зеркале было таким же недовольным, как и она сама. А Злате хотелось, чтобы было так — мама злая, а отражение — весёлое. И чтобы мать, увидев разницу, изменилась бы в сторону отражения...

А между тем на дворе стоял май. Такого мая ещё не бывало! Казалось, что уже середина лета, так было тепло и зелено. Однако цвела черёмуха, потом сирень, потом рябина, за ними — калина, что бывает только в мае. Злата нашла в сирени цветок не с пятью лепестками, а с шестью! Мать, глядя, как дочь поедает заветный цветок, жаловалась — она никогда в жизни не находила даже пятилистника... Злата же была убеждена, что мамин пятилистник — это отец, но, так как он достался ей без каких-либо усилий, мать не поняла своей удачи.

Днём и ночью пели соловьи, но почему-то не так заливисто, как в Златином детстве. И тогда, и сейчас Злата считала, что красивее всех цветёт калина. Её соцветия похожи на искусственные украшения в причёске невесты. Поэтому, глядя на калину, Злата мечтала о любви. Она любила два раза — в 1991 году и в 1996. Сейчас шёл 2004, Злата пребывала в возрасте тридцати семи лет, а мужчин около неё не было. Мужчины были вдалеке.

На них пока разрешалось только смотреть. Кем? Наверное, судьбой. А от чего же или от кого всё зависит в этом мире? Кто распорядился именно так, что Злата, став первоклассной портнихой, имея прекрасный вкус, мастера одежду для себя и для знакомых и незнакомых женщин, находилась в одиночестве? Вдобавок ко всему, Злата была непорочной девушкой. Мужчины, узнав об этом обстоятельстве, очень симпатично линияли от неё. Сама Злата о своей невинности мужчинам не сообщала. Об этом как бы мимоходом говорили знакомым мужчинам её клиентки, желавшие во что бы то ни стало выдать любимую портниху замуж. Мужчины делали испуганные глаза и исчезали с горизонта. А все её увлечения были платонического свойства. Мать долгое время не придавала значения одиночеству дочери. Она думала, что у Златы существует какая-то тайная параллельная жизнь, где есть поклонники, любовники, подарки.... Но шли годы, а дочь не делилась ничем личным. Тогда мать решила, что Златка — человек скрытный и хитрый. А надо-то было всего лишь проявить заинтересованность к жизни дочери, что мать делала крайне редко. Центром жизни и вселенной она считала себя, и сама себе была интересна. Всё остальное было фоном её жизни. В том числе и дочкины любви, в которых мать не ориентировалась совершенно.

Первым увлечением был сосед Виктор, старший брат Златиной подружки Беаты. У Беаты было ещё три сестры, и все они были красивы настолько, что глаз от их утончённых лиц было не отвести. Они и замуж повыходили рано. А их единственному брату Виктору красоты не досталось совсем, но он имел отличный рост и стать, а ещё — голубые глаза. Злата каждый вечер выходила на крылечко, свистела тонко и призывно, и его лицо возникало в окошке дома напротив. Злата стояла на крылечке минут пять, неотрывно глядя на Виктора. И он точно так же смотрел на неё, как будто они играли в детскую игру «кто кого пересмотрит и не моргнёт». Кажется, они действительно старались не моргать. Но вот кто-то из них не выдерживал, и Злата, вздохнув, покидала свой пост. При этом в груди у неё что-то сладко щемило. Эта любовь вприглядку длилась месяц. Весь её отпуск. Но ни один из них не решился выйти на улицу со своей территории. А потом Виктор с семьёй уехал в Белоруссию, где обосновалась одна из сестёр. Он приехал через год с толстой круглолицей женой и месячным ребёнком. Злата по привычке свистнула, вызывая Виктора к окну, но он неожиданно вышел на улицу с младенцем на руках и поманил Злату к себе. Она подошла, не зная, к чему готовиться. Виктор откинул с лица ребёнка кружевной уголок, дал Злате полюбоваться на розовое личико маленького Вацлава и сказал, что они завтра продают дом и больше сюда никогда не вернуться. Его глаза уже не были такими яркими, как прежде. Сейчас они походили на выцветшую серединку цветка цикория, который никогда не хотел существовать в вазе с водой. Он там погибал, потому что мог жить только на склоне горы или в поле. Злата проглотила слёзы обиды и разочарования. К родителям

она не приезжала после этого целый год. Дом её возлюбленного купила женщина по имени Лида и поселилась здесь со своим взрослым разведённым сыном Васькой — заядлым рыбаком и пьяницей. Между выпивками и рыбалкой он работал на различных строительных объектах в райцентре. В селе говорили, что сделанное Васькой никогда не нуждается в переделке или исправлении. Он был нарасхват, потому что добросовестных и умелых работников ценили во все времена. Заказчики терпеливо ждали, если Васька вдруг запивал или уезжал на рыбалку недели на две. Он говорил, что время, проведённое на рыбалке, Богом не засчитывается, поэтому к работе и личной жизни возвращаться не спешил. А личная жизнь Васьки бурлила. К нему постоянно прибывались одинокие женщины, мечтающие о семье. Но его требования к ним оказывались слишком завышены. Они не справлялись с поставленными задачами. Им только денег подавай. Денег было не жаль, было обидно за несоответствие желаемого и действительного. Когда около возникала новая женщина, Васька поначалу проявлял интерес. Старался понять её. Интерес угасал быстро, потому что устремления женщин сводились к сексу и выпивке. Они были удивительно голодны до того и до другого. Чувствуя, что Васька ускользает из рук, подружки не находили ничего лучшего, как заманивать его в постель при помощи бутылки. Им казалось, что это самый простой способ получить любовь. Пьяный кураж быстро улетучивался. Подружки одна за другой изгонялись из дома. Обида на Ваську долго не отпускала женщин, и они распускали по селу невероятные слухи о его жестокости, чем только подогревали интерес других одиночек. Васька при своём небольшом росте любил женщин высоких и упитанных, а такие все были при мужиках, и в его объятия идти не хотели. Он казался им маленьким и незначительным. Эх, знали бы они!.. В последнее время около него пребывала женщина в рваных кроссовках, сильно поношенной юбке и светлой вязаной кофте с вытянутыми локтями. Она приходила каждый день ближе к обеду, садилась на траву около Васькиных ног и плела венки из одуванчиков. Потом водружала венки на кудлатую голову своего возлюбленного. Он венки скидывал, упрямо мотнув головой. В это время ему мечталось о соседке Злате. Её пышные формы засели в Васькином мозгу. Его подружка каким-то образом догадывалась о мыслях Васьки. Она ругалась последними словами и грозилась выцарапать глаза ни в чём не повинной Злате. Васька в очередной раз поражался женской интуиции — чем он себя выдал? Женщина время от времени приносила выпивку в каких-то подозрительных бутылочках с белыми отвинчивающимися пробками. Васька пить отказывался, но та, видимо, знала нужные слова и через некоторое время они оба были веселы и адекватны хорошей погоде. Васька надевал на голову скинутый было жёлтый венок и увлекал свою подружку в дом. Злата наблюдала эти сцены со своего крыльца. Она слегка завидовала их отношениям и вспоминала своих возлюбленных — высоких голубоглазых мужчин. А Васька, завладев своей подружкой в очередной раз, ощущал ужасное по-

слевкусие их секса, потому что, открыв зажмуренные глаза, видел рядом с собой совсем не ту женщину....

Любовь, случившаяся в 1996 году, ограничилась для Златы и её нового мужчины только кивками головы, что заменяло слова «здравствуй» и «прощай». Они встречались в столовой во время обеденного перерыва, и Злата не знала имени предмета своей любви. Каждый раз её пленяли беспечные голубые глаза высокого светловолосого мужчины. Она смущалась, краснела, его это забавляло. И он даже не подозревал о чувствах девушки. А она всякий раз почти теряла сознание. Ей казалось, что она становится маленькой-маленькой и попадает в середину цветка цикория, утопая в мягкости его голубых лепестков...

Запах жареной рыбы распространяется по всему дому. Злата чихает, откидывает одеяло, смотрит на свои стройные длинные ноги и встаёт. Ночная рубашка сшита с большим вкусом. Злата любит исключительно ткани в мелкий цветочек, именно из таких ситцев у неё нашито рубашек шесть. И столько же пижам разных фасонов. Девушка накидывает халат и выходит во двор. Отца поблизости нет. Значит, надо идти на улицу под взгляды соседей из дома напротив. Под взгляды Васьки и его полоумной подруги, которая плела новый венок и всегда смотрела в сторону Златы с каким-то остервенением. «Завидует моим нарядам», — думала девушка. Поправив на талии пышный бант, Злата открывает ворота и слышит звук пилы. Отец, как и три дня назад, пилит. Причём он пилит всё, что попадает под руку — старые жерди, до этого мирно лежавшие в огороде годами, сломанные ветром деревья, которые тоже годами лежали в придорожной канаве. Он всё это приносит к козлам около бани и пилит, пилит, пока пот не польётся градом по лицу. Злата его останавливает и ведёт в дом завтракать. Он послушно проглатывает приготовленные матерью таблетки, чайной ложкой ест кашу и идёт отдыхать. А Злата и мать начинают ругаться. Тема ссор одна — неорганизованность матери. Таблетки надо приготовить с вечера, а не метаться в их поисках на глазах у отца, считает дочь. Точно так же, с вечера, надо готовить и еду на следующий день. Но мать так жить не умеет. Она умеет делать всё только здесь и сейчас. Таково устройство её жизни. И она заставляет так жить и Злату, а та может делать всё лишь последовательно — чтобы одно вытекало из другого, и никакой спонтанности. Как бы она кроила и шила одежду при таком подходе к жизни, как у матери? Она бы точно не стала одной из лучших портних города, и к ней не стояла бы очередь из первых модниц, которые время от времени плетут интриги только для того, чтобы уменьшить количество конкуренток на подходе к Злате. Переплачивают за готовые вещи, лишь бы быть в первых рядах. И она не заработала бы своими золотыми руками денег на квартиру и на дорогие лекарства отцу! Примерно с этих разговоров начинается утро. В общем — дочь умна, талантлива и богата, а мать — глупа, бездеятельна и жадна до всего чужого. И как у такой матери могла родиться такая дочь?

Всё дело в отце. Злата — вся в отца. И внешне на него похожа. Когда кто-либо заикался, что Злата — копия матери, она на такого человека очень обижалась и говорила, что похожа на папу! Но совершенно не знакомые ей люди, знавшие её бабушку, мать мамы, утверждают, что у Златы с ней портретное сходство. Это девушке льстит, потому что бабушка была истинной красавицей, чего о матери не скажешь, та пошла в деда, в его породу — высокие скулы, узкие глаза. И Злата подозревает, что в ней много кровей намешано, кроме польской. Когда она задумывалась о своём происхождении, ей становилось страшно оттого, что кто-то в её цепочке, от кого зависело именно её рождение, мог погибнуть или умереть в юном возрасте. И тогда её бы не было. Не было вообще! В такие минуты ей становилось обидно за то, что она до сих пор не замужем, ребёнка нет, цепочка не продолжена.

В прошлые выходные мать затеяла с дочерью разговор о замужестве. Тема эта ею поднималась редко, потому что Злата начинала злиться и топтать ногами — не смей вмешиваться в мою жизнь! Но тут на удивление дочь была тиха и спокойна. Предметом разговора оказался бывший одноклассник Златы — Дима Якушевич. Он уехал из села давно, работал в администрации одного из райцентров, был не женат, имел квартиру, в общем, жених хоть куда! Почему не был женат? Учился, делал карьеру. Это ничего, что мы давно не виделись и никогда не интересовались друг другом? Ничего! Мать уже имела разговор с Димиными родителями, те сочли Злату подходящей партией.

Мать и дочь, принарядившись, вечером пошли в гости на соседнюю улицу. Злату поразили Димкины габариты, его дорогой костюм и полное к ней безразличие. Посидев немного за накрытым для чая столом, все разбрелись по своим интересам — матери пошли в огород любоваться рассадой цветов, а Димка повёл Злату в кино. Было забавно зайти в здание клуба, прохладное в жаркий майский вечер. Злата ощутила себя вдруг восьмиклассницей, которая непременно хочет остаться после фильма на танцы. Но Димка к этой её фантазии отнёсся скептически. Фильм на него впечатления не произвёл и вообще он показал себя брюзгой и занудой. Хотя старательно держал руку Златы в своей. Но её это не возбуждало. Только ладошка вспотела, что было весьма неприятно. Проводив девушку до дома, Дима попытался её поцеловать в губы. Но, видимо, тоже совершенно не имел никакого опыта на этот счёт, рассчитывал на Злату, не подозревая о её невинности. Вместо поцелуя получилось какое-то клацанье зубами. Что было неприятно и на вкус, и на звук. Нервы парня сдали, он убежал, даже не попрощавшись.

На следующее утро Злата стояла посреди двора совершенно голая и поливала себя тёплой водой из ведра. Баню топить было рано, а освежиться хотелось. И в этот самый момент во двор вошёл сосед Васька Широков. Он увидел Злату, светящуюся в брызгах воды и солнца, и потерял сознание. То есть темнота накрыла его с головой, он не мог шевелиться и говорить. А на самом деле, он просто очень сильно зажмурил глаза от неожиданности.

Когда он их открыл, то увидел Злату, завернутую в простыню, в её глазах стоял дикий испуг: «Чего тебе?» Он начисто забыл, зачем до этого шёл к соседям. И сейчас, стоило ему закрыть глаза, он видел Злату во всей красе, и земля уходила у него из-под ног. То есть, хотелось взлететь! Бросить пить! Стать необходимым именно ей! Васька опять и опять вспоминал свою непутёвую жизнь, бывшую жену и сына, для которых не смог стать самым главным человеком на земле. А ведь старался поначалу. Водка проклятая подвела! Не стоило, конечно, всё списывать на зелёного змия, надо бы и на себя посмотреть со стороны. Он вставал перед зеркалом и смотрел. Ничего хорошего! Только Злата может помочь, почему-то решал он в очередной раз. Но в этот момент заходила в дом его подруга с венком из одуванчиков, сдирала с него одежду, царапала спину, норовила оставить засос на шее. Как не напиться после этого? «Злата», — стоном проносилось в мозгу. Потом он трезвел. А что Злата? У неё в городе мужиков миллион. А хочется быть единственным.

Злата всё же идёт в баню, которая стоит через дорогу от дома, как раз рядом с Васькиным огородом. Она открывает крошечный замочек, висящий на дверях бани, таким же крошечным ключиком. Берёт ведра, чтобы принести воды в котёл. Но подоспевший отец выхватывает ведро из её рук и произносит вполне разумную фразу: «Что я, сам не сделаю?» Идёт к колонке, и очень быстро котёл полон, так же полны и фляги для холодной воды. Вчера Злата занималась устройством предбанника. Застелила топчан старым персидским ковром, а сверху — белоснежной простыней, принесла под ноги плетёные круглые коврики. В довершение всего к стене прибила расписной войлочный ковёр, на котором была изображена жанровая картинка с поющими под гитару мужчинами и танцующими около них женщинами. Где вообще женщины берут себе мужчин? Неужели только по воле родителей происходит соединение? Вопрос для тридцатисемилетней Златы звучит даже неприлично. Это положено знать, а она не знает. Может, незнание происходит от её страстной любви к шитью? Сидит всю жизнь, уткнувшись в чужие ткани, — кроит, смётывает. От её умения зависит чья-то судьба. Ведь хорошо сшитое платье или костюм показывают человека с выгодной стороны. Не зря же говорят — встречают по одежке.... Не раз ходила к бабкам и гадалкам, все они в один голос утверждали, что Злата одна не будет. Вот-вот появится возле неё мужчина.... А может, и два одновременно. С неба, что ли, свалятся? Девушка хочет развести в печке огонь, но то спичка ломается, то, береста, вспыхнув, гаснет, и всё дело идёт насмарку. Злата досадливо ругается и идёт в дом за старыми газетами для растопки. Дома видит отца, сидящего перед отключенным телевизором в ожидании очередного футбольного матча, и в её душу вселяется смятение — вернётся ли к нему прежнее сознание? Отец замечает дочку, спрашивает: «Всё хорошо?» «Всё хорошо», — отзывается та и уходит. Слёзы душат Злату. Она не может сдержаться и рыдает в голос. Дверь предбанника бесшумно открывается, и

она сквозь слёзную пелену узнаёт Ваську Широкова. Его имя очень к нему подходит, потому что и фигурой и лицом Васька похож на кота, но не на взрослого, а на такого кота-подростка с непослушными чёрными кудрями на круглой голове. Васька давно в разводе со своей женой, которая живёт на другом конце села с их взрослым сыном, красивым, но всегда плохо одетым парнем. Он зимой и летом ходит в одном и том же драном свитере.

— Чего ревёшь? — деловито интересуется Васька.

— Отца жалко.

— А себя? Себя не жалко?

— И себя жалко! — Злата захлёбывается в рыданиях.

Васька садится рядом, гладит её по плечу, потом нежно обнимает и уверенно склоняет девушку на постель, на белоснежную простыню. И тут с удивлением Злата понимает, что они уже целуют друг друга в губы, а Васька нежен и силен в одно и то же время. Поцелуй сводит её с ума, мягкие губы его чутки и горячи. При этом она осознаёт, что не любит этого человека и более того, он никогда ей не нравился, и почему он уже лежит на ней — совершенно непонятно. Но дело сделано. Вернее, оно только начато. Злата глаза не зажмурила, как это обычно показывают в кино, и увидела удивление на плутовской Васькиной морде. Но не отступать же ему! Девушка смыкает руки у него на спине, чтобы не сбежал. При этом она вдруг понимает, что они каким-то образом оказались совершенно голыми. Васькино тело её удивляет гибкостью и подвижностью. В то же время оно крепкое, как орех фундук. И коричневым загаром этот самый фундук напоминает. И, напряжённая до этого момента, Злата расслабляется, чтобы хорошо было не только Ваське, но и ей. А ей действительно вдруг становится хорошо. Она наполняется теплом, горят щёки, в висках стучат серебряные молоточки. От Васьки вкусно пахнет табачком и свежескошенной травой. Она поняла, что до сегодняшнего дня была натянута, как струна, и именно это мешало жить. А сейчас — хорошо! Очень, о-о-очень хорошо! Злата видит Васькины глаза близко-близко. Они голубые, как у отца! Два глаза сливаются в один, она смеётся тихонько, Васька не понимает причины смеха, не знает, как себя вести. А Злата говорит совершенно непонятную для него фразу: «Ты — мой цикорий». Через какое-то время он уже лежит рядом, дует на её локон на виске, который подскакивает от струи воздуха и щекочет щёку. Злата видит свою белизну и Васькину смуглость. Этот контраст ей нравится. Она несмело задевает Васькино плечо и отдёргивает руку. Куда исчезла её решительность?

— Ты пахнешь яблоками и морозом, — говорит он хрипло.

Девушка подносит руку к лицу, принюхивается, но собственный запах оказывается совершенно неуловим. Она с удивлением смотрит на Ваську, каким образом он учуял яблочный мороз посреди майской жары?

— Спасибо, — Злата на время превращается в мурлыкающую кошку. Она проводит рукой по мягким чёрным кудрям своего голубоглазого кота.

— Да ладно, — бурчит Васька, — если что — обращайся. Всё же я твой первый мужчина, как оказалось.

Злата почему-то вспоминает про Васькиного деда Егора, который дожил чуть ли не до ста лет и до последнего имел любовниц вдвое и втрое моложе себя. Он учил соседских мальчишек: «Вы с девками не церемоньтесь. Раз — и на матрас!» Это самое и проделал с ней Васька.

Злата, вытащив из-под Васьки простыню, зашла в баню, привела себя в порядок, тем самым совершенно сознательно давая Ваське возможность уйти от ответственности и ненужных разговоров. Но, вернувшись в предбанник, она застаёт там своего случайного соблазнителя. Он лежит на топчане и грызёт травинку. Злата отмечает, что Васька одет хотя и бедно, но чисто и аккуратно.

— И что дальше? — задаёт она вопрос.

— Что хочешь, — отвечает Васька.

— Замуж хочу за тебя, — Злата не верит, что именно она произносит эти слова.

— Здорово! — Васька ожидал слёз, скандала, а никак не предложения.

— Чего уж здоровей, — отзывается Злата, — вставай, надо с тебя мерки снять.

— Для гроба? — Васька смотрит испуганными круглыми глазами.

— Для костюма. Для гроба отец снимет, когда поправится.

— Тогда уже поздно будет, — Васька облегчённо вздыхает.

— Это почему?

— Потому что мы будем далеко отсюда.

— Я ещё не решила ничего.

— Врёшь, вруша. Вруша-завируша! — Васька щекочет её по шее травинкой. Потом ему становится обидно, что травинка касается драгоценной Златкиной кожи, и он губами трогает её белизну. Злата не хочет прерывать чудесной ласки, но всё же подбирает с пола какую-то верёвочку, измеряет длину и ширину жениха, с запоздалой тоской отмечая, что он ниже её на десять сантиметров. А Васька — напротив, чувствует себя героем-любовником, как в кино! Он ласково отводит от себя Златкины руки, обнимает, целует, и всё начинается сначала. Злата осознаёт, что счастлива с этим шибзиком, как никогда. Ни в одном сне ей такого и привидеться не могло. Они слишком беспечны. Они даже не накинули крючок на дверь предбанника. Но наслаждение, длящееся на этот раз бесконечно, не прерывает даже случайный скрип дерева, шорох ветра или крик соседского петуха. Во всём мире стоят тишина и покой. Улица утопает в майской зелени и солнце. Его лучи просачиваются сквозь тонкие дверные щели. Васька целует каждый пальчик на Златкиных ногах, гладит её розовые ступни.... И тут к ним возвращается слух, они слышат разговор Димы Якушевича и Златиной мамы, которые стоят напротив двери, загородив дорогу солнечным лучам.

— Тётя Лиза, я уезжаю сегодня, передайте Злате номер моего телефона.

— Хорошо, Дима.

— Тётя Лиза, у меня отпуск в июле, мы сможем поехать с ней куда-нибудь отдохнуть.

— Хорошо, Дима.

В голосе матери Злата не слышит радости или готовности помочь парню. Видимо, и она видит в нём не жениха, а только толстого мужика, не интересного её дочери. Злата благодарна матери за понимание её настроения относительно Димки. А Ваську вдруг обуревают ревность, он грозит девушке кулаком и угрожающе шепчет: «Если ещё когда-нибудь он появится возле тебя.... Убью насмерть!» Злата едва сдерживает смех.

Обвивает Васькину шею тонкими белоснежными руками, целует в обе щёки, в губы, в нос. Он лежит тихо-тихо, боится дышать, чтобы не спугнуть нежность, по которой тосковал много лет. И тут слух к ним обоим возвращается окончательно — они слышат нежное шиканье косы, они даже слышат, как трава падает на землю!

— Отец косит! — Злата счастлива во второй раз за один день. Такого, пожалуй, давно не было. Разве что в детстве.

Дома Злата старается не смотреть матери в глаза, чтобы та раньше времени не поняла, что произошло.

— Печку растопить не могла? — участливо спрашивает мать.

— Да.

— Значит, муж непослушный будет. Примета такая.

— Никогда не слышала о такой примете, — если честно, она верила только в чёрную кошку. Всё остальное казалось ерундой. Если чёрная кошка перебежала ей дорогу, Злата старательно три раза плевала через левое плечо, бралась правой рукой за пуговицу на платье или пальто и, слегка зажмурив глаза, шла вперёд. Это всегда помогало.

— Верная примета, — настаивает мать. Про Димкины просьбы — ни слова.

Злата роется в комод, она помнит, что там лежал когда-то отрез на костюм для отца. Отец наряжаться не любил, ходил исключительно в рабочей одежде и в сапогах. Зимой и летом.

Злата — швея от Бога. Она родилась с умением кроить и шить. Причём она никогда не строила выкроек. У неё глаз — алмаз. Она посмотрит на че-

ловека, делает в уме какие-то вычисления и тут же начинает вырезать из ткани нужную модель одежды. Человек, не знающий об этой её способности, пугается, когда впервые наблюдает этот «цирк». Потом он видит результат, его обуревают восторг — как можно так запросто выкроить платье или костюм?! А вот можно! Она кроит на столе костюм для Васьки, время от времени отрывается от работы, выбегает подбросить дров в баню, где уже кипит в котле вода и становится довольно жарко. Васькина фигура маячит поблизости. Злате это нравится, она не может скрыть довольной улыбки.

Наконец баня готова. Первой мыться идёт Злата. Она смотрит на своё тело по-новому. И оно ей очень нравится — длинные ноги с нежными ступнями, большая грудь, плоский живот, узкие плечи. Всё это готово, чтобы продолжить цепочку жизни. Злата вспоминает Васькиного сына, отмечает, что он очень симпатичный, и мечтает о своём ребенке, который будет ещё краше и умнее.

После в баню идёт отец, он не желает мыться под контролем матери, закрывает дверь перед её носом. Она терпеливо поджидает его на застеленном персидским ковром топчане. Потом подаёт ему полотенце, чистое бельё. «Всё хорошо?» — интересуется отец. «Всё хорошо», — угрюмо отвечает мать и идёт мыться последней.

За время, пока нет никого, Злата сметала костюм для своего новоявленного жениха. Мать, придя домой красная и распаренная, тут же ложится на кровать в своей комнате и не замечает дел дочери.

На следующий день в предбаннике Злата делает примерку костюма. Васька сияет. Отблагодарить он может пока только хорошим сексом, который длится и длится, потому что уже появились уверенность и вкус не только у него, но и у Златы. Она понимает, что совершенно не смущается под Васькиным взглядом, ей нравится его обожание, которого тот не скрывает. Он ласкает девушку долго и страстно, а она отвечает неумело, но старательно. Они почти не разговаривают, им всё ясно на уровне интуиции, им не нужны слова, достаточно жестов и взглядов.

Ни мать, ни отец, не замечают, что происходит, и приготовлений дочери к отъезду не замечают, они заняты своими проблемами. Мать готовит еду. Отец научился складывать слова из разрезной азбуки, которую привезла из города дочь. А перед этим она провела с ним несколько уроков, как с первоклассником, повторив алфавит, который отец вспомнил почти весь.

Поздним вечером Злата стоит на крылечке и видит Васькину подругу, решительным шагом идущую к его дому. В руке, спрятанной за спину, она несёт бутылку портвейна «Три семёрки». Обида и ревность закипают в Златиной душе. Ей хочется пойти следом и устроить Ваське скандал, погрозыть ему кулаком, как он грозил ей совсем недавно, предупреждая о Димке. Но она боится. Ведь скандал — это всегда громко и неприлично, зачем показывать себя с этой стороны? Однако, проходит минут десять, ревность нарастает, Злата спускается с крыльца, открывает ворота.

— Куда? — спрашивает неизвестно откуда взявшийся отец.

— Посмотрю — закрыла ли баню.

— Всё хорошо?

— Всё хорошо.

В этот момент из дома напротив выбегает Васькина подруга. Она громко матерится и кричит на всю улицу, что приведёт сюда участкового. При этом Злата видит, что одежда на ней вся мокрая от вылитого на неё портвейна. На крыльце возникает мать, осуждающе качает головой:

— Видать, не получилось сегодня купить Васькину любовь за выпивку. Говорят, женщины, с которыми он когда-то спал, любят его до полусмерти.

— Почему до полусмерти?

— Потом что ещё ни одна не умерла, все живы.

К этим словам матери у Златы ревности не возникает, а появляется какое-то подобие гордости — мой-то лучше всех!

— Лида говорит, он пить бросил, достал свой диплом об окончании техникума. Боится, как бы не уехал.

— Почему боится? — сердце Златы замирает.

— Да с ним-то ей лучше, чем без него.

— И я скоро уеду.

— Хотя бы на денёк ещё задержись.

— Мама, я в городе не в игрушки играю, я там работаю. Ясно?

— Ясно, — мать тяжело вздыхает. — Может, и замуж выйти повезёт наконец-то....

— Дай Бог, — произносит отец.

Злата, как в детстве, приближает свой лоб к переносице отца, видит голубизну его глаз и успокаивается.

Она уходит из дома рано утром, когда все спят. Василий в новом костюме и неизвестно где добытой белой рубашке похож на коммерсанта средней руки. Вещей у него нет никаких. Он с серьёзным видом берёт Злату под руку, она даже не сопротивляется. Для неё он значителен и красив.

Город встречает их пылью и чадом. Васька смотрит на него круглыми глазами и впадает в уныние — как жить дальше? Ему хочется сбежать в тишину и зелень своей улицы, но Злата придерживает его плечом, подталкивает вперёд. «Мы будем жить хорошо», — заверяет она, поворачивая ключ в двери квартиры. И он ей верит. А уже через полгода, когда превращение Васьки в Василия действительно произошло, Злата сообщила родителям, что ждёт ребёнка. Те были в курсе происходящего, но всё ещё находились в лёгком шоке от поступка дочери — выйти замуж за Ваську Широкова! Что за родню Златка приобрела на их голову! Особенно переживал отец, к которому вернулись память и способность говорить длинными предложениями. Хотя всё его негодование укладывалось в короткие и смачные ругательства. Однако, Васькина мать Лида — маленькая кривоногая глуховатая старушка с большим уважением стала здороваться с новыми родственниками каждое утро,

и мать смирилась, тем более, что надо было готовиться к рождению внука или внучки. А Лида была превосходной нянькой. Не дышать же ребёнку загазованным городским воздухом! Надо будет его везти сюда, где чистые воздух и вода, и где даже большинство звуков, не считая приглушённого рёва проезжающих машин, экологичны. Полное примирение наступило, когда в обоих домах появились одинаковые фотографии — большая цветущая Злата с голубоглазой толстенькой дочкой на руках, а рядом — Василий в отличном костюме. Он стоял как бы в Златкиной тени. Так на самом деле и было. Он подчинялся жене беспрекословно, его это устраивало, так легче было жить и ему, и ей. Васька устал бороться с жизнью, он решил сдаться. А так как борьба происходила при помощи водки, он бросил пить совсем. На дух не переносил даже вида бутылки. Но глаза его не поблёкли, они засияли новой городской голубизной. В хорошие минуты жена гладила его по голове, смотрела пристально в глаза, приговаривая: «Ты — мой цикорий». И Василий независимо от настроения и совершенно неожиданно для себя погружался в атмосферу первой близости со Златой. И ей уже было не улизнуть от него. По этой причине срочно пришлось покупать двухкомнатную квартиру, чтобы маленькая Анюта пребывала в собственной детской.

Злата быстро усвоила поговорку: муж — голова, жена — шея, куда хочу, туда верчу.

Иногда Злата пристально смотрела в глаза дочери, и ей казалось, что она постигает тайну цветка цикория — понимает, почему он не может жить в неволе. Но это знание быстро улетучивалось, потому что наваливались дела, не терпящие отлагательств. И самое интересное дело — шитьё новых нарядов для дочери. Анюта была красива и нарядна, как фарфоровая кукла.

Ещё до рождения дочери несколько раз появлялся у дверей их квартиры Дима Якушевич, на что он надеялся — непонятно. Он умолял беременную Злату бросить Ваську и уйти к нему. Злата недоумевала — найди себе свободную женщину и женись! Но Дима настаивал. Может, он думал, что Злата забеременела от их единственного неудачного поцелуя? Васька решил всё по-деревенски просто: изловчился и дал Диме в глаз, когда тот стоял посреди их кухни и нёс чушь несусветную. При Васькином росте это было не просто. Но Дима покинул их территорию с синяком под глазом.

Сейчас, изредка приезжая домой и отправляясь в баню, Злата всегда брала много бересты на растопку, чтобы огонь занимался с первой спички. Хотя с тех пор, как она стала замужней женщиной, перестала верить в приметы, даже в чёрную кошку.

Гибельный пожар

Рассказ

НЕВЕРОЯТНО, ОНА нашла меня! Каким образом? Заказала услугу в частном агентстве. Стоило сделать звонок — убежище обнаружили.

Убежище — деревня. Деревня ли? Четыре старухи, одна корова, одна коза, да петух с курами. И света нет. Столбы повалены, провода оборваны, трансформатора след простыл. На руку! Никаких культурных революций. Стук-стук на машинке, как в dowordovские времена.

Она ехала на такси. Дорога кончилась — пешком. Не промахнулась. Вдоль реки, через лес — с огромной сумкой да скрипкой. Старухи указали: там он, в крайней избе.

Изба — ничья. Навёл знакомый художник, рисовал в этих краях.

Увидел её в окне. Подумал, мерещится. Выско-чил — стоит!

- У тебя же сессия!
- Сдала досрочно.
- Но я в работе.
- Не буду мешать.
- Не смей.

Взял у неё сумку, снял с плеча скрипку.

- Пойдём.

Ей двадцать, мне пятьдесят. Столкнулись в консерватории. Огромные глаза, вьющиеся волосы. Боттичелли, Дюрер, Рафаэль посостязались бы за такой лик.

Позже призналась. Мой взгляд обжёг, ночь не спала, а, увидев меня на другой день, не смогла играть. Клялась, не знала ещё, кто я. Когда представили — ахнула! Известный режиссёр!

Кому известный, кому не очень. Снимал халтуру. Фильм о консерватории — очередная. Нет, к работе относился ответственно. Искал ходы, придумывал «фишки». И лез из кожи вон, чтобы одушевить заказ.

О девочке целый эпизод. Как же! В лучах славы с детства. Америка! Япония! Европа! Её профессор: «Идеальная постановка рук!». Снял со всех точек.

Внезапно — звонок.

- Это я.
- Царевна-лягушка?
- Скрипачка.
- Ах, скрипачка! И которая?
- Забыли? — иронично. — С идеальной постановкой рук.
- С идеальной? — её же тоном. — Кто дал телефон?
- Ваш партнёр по преферансу.

Прикинулся незнающим.

- Назовите.
- Мой профессор.
- Очень нехорошо поступил.
- Знаете, что?
- Что?
- Со мной так ещё не разговаривали.
- Как именно?
- Холодно. Мужчины поют соловьём.
- Правда? О чём же?
- О моём таланте.
- И я должен петь?
- Непременно!
- Но я не соловей.
- Compliments можно и прокаркать.
- Какие, например?
- Я помню чудное мгновение, передо мной играла ты!

- А вы скромны.
- Скромность к лицу девушке, я — женщина.
- Это звучит гордо, — развеселился. — Так чем обязан?
- Начиталась про ваш хвалёный фильм.
- Где начитались?
- В Интернете.
- О!
- Хочу увидеть.
- Не получится.
- Почему?
- Фильм на плёнке.
- И нет на видео?
- Не то качество.
- Меня устроит.
- А меня — нет.
- Не смотрите.

Остра!

- Картина сложная.
- Сложней четырёхголосной фуги Баха?
- Вот не скажу!
- Мой телефон определился?
- Да.
- Определитесь с фугой, звоните.

Не звонил. В сорок два потерял голову — роман с актрисой. Прозрел, раскаялся. Жена простила. Знала, что люблю.

Звонок. Опять скрипачка.

- Покажешь фильм?
- Мы перешли на «ты»?
- Так проще.
- Будь по-твоему.
- Когда прийти?
- Не высидишь.
- А ты проверь.
- Подумаю.
- Завтра!
- Завтра занят.
- А ночью?

Рассмеялся.

- Родители отпустят?
- Я иногородняя.
- Это меняет дело.
- Правда?!
- Завтра в семь.

- В семь?!
- И не опаздывать.
- Приду!
- Пиши адрес.

По этому адресу работал, по этому адресу принимал гостей. Квартира-студия. Приобрёл, сняв комедию. Не хотел братья, уговорили. В кинотеатрах аншлаги, но фильм так себе. Почти забыл о нём — вдруг кассеты. На рынках, в переходах. Потом картина попала на ТВ. До сих пор в обойме.

К приёму женщин готовился. Фрукты, сладости, вино. Ритуальный кофе! Пока варил, гостя — к книгам. Стеллажи от пола до потолка. Античная классика, зарубежная, русская; кино, театр, искусство; философия, психология, религия. Вносил джеззу — восхищённый взгляд.

Девочка нарушила процесс.

- Давай трахнемся.
- Что?! — опешил.
- Обстановка располагает, чего тянуть?

Собрался с мыслями.

- Тебя не привлекли книги?

Повела взглядом.

- В каждом приличном доме должен быть Гамсун.
- Есть, — усмехнулся. — Любимый писатель?
- Нет, — села в кресло. — Я бестактна?
- Скорее, забавна.
- Забавны шуты. Ты это хотел сказать?
- Не это, — показал на виноград. — Бери.
- А грушу можно?
- Можно всё.

Подняла за хвостик.

- Не вижу ножа?
- Разрезать?
- Не кусать же.
- Сейчас, — пошёл на кухню.

Ну, девочка! Вернувшись с ножом, разрезал грушу.

- Устраивает?

Кусочек в рот.

- Что звучит?
- «Июльское утро».
- Не слышала.

Ансамбль «Юрай Хип», появился до твоего рождения, — сел напротив. — Сказать, о чём поётся?

- Не глухая.
- В смысле?

- Знаю английский.
- Похвально.
- Ещё норвежский.
- Да!?
- Я поморка, в Норвегии родственники.
- Теперь понятно, почему Гамсун.
- Сам-то читал?
- Давно. Но «Голод» помню. И «Мистерии», и «Розу».
- Удивляешь.
- Я?! — рассмеялся.

Кивнула на стеллажи.

- Прочёл всё?
 - Это малая часть.
 - Проверим! — вскочила. — С «Энеидой» как? — достала Вергилия.
- Почувствовал неловкость. Вдруг поймает на ерунде.
- Я не из «Умников», за орденом не стремлюсь.
 - Что скажешь о Дидоне?

Отлегло.

— Царица Карфагена. Полюбила Энея. Но он её бросил. Не выдержав разлуки, Дидона взошла на костёр.

— Верно, — поставила том на место. — Соната о Дидоне в моём репертуаре.

— Ты говоришь о «Покинутой Дидоне» Тартини?

Усмехнулась.

- И композиторов знаешь?
- Далеко не всех. Просто вещь известная.
- Скромничаешь, «Дидона» не «Лунная соната», — пошла вдоль стеллажей, ведя пальцем по корешкам книг. — Читала, читала, читала, не читала, слышала, читала, не читала, — остановилась.

— Я сказки люблю.

— Две полки.

— Почитай на ночь.

Вздохнул.

— Ты зачем пришла?

— Фильм смотреть.

— Не передумала?

— Нет.

— Есть запись пресс-конференции после столичной премьеры. Интересно?

— Конечно.

— Присаживайся, — кивнул на диван.

Уселась.

— Твой звёздный час?

- Момент истины.
- И какая она?
- Услышишь, — запустил диск. — Ты смотри, я пока сварю кофе.

Войдя на кухню, облегчённо вздохнул. Ну, гостя! «В каждом доме должен быть Гамсун», «Не вижу ножа», «Кто такая Дидона?». И «трахнемся!» Подвох? Судя по интонации — нет. Думала поразить? Или желала воскликнуть: «И этот у ног!».

Пена вздулась — джезву с огня. Разлил по чашкам. Осторожно понёс.

- Кофе готов, — подал девочке.
- Слушай! — глаза горели. — Тебя здесь превозносят.

Взяв пульт, остановил диск.

- Пей спокойно, — сел рядом.

Сделала глоток.

- Крепкий, — поставила чашку.
- Разбавить?
- Не надо.
- Тогда смотрим фильм?
- Да.

Включил.

- Надоест, скажешь.

Промолчала. И ни слова до конца. Глянул на девочку — слёзы.

- Мало что поняла, но много что почувствовала.
- Правда, почувствовала?
- Почувствовала тебя, — взяла за руку. — Ты одинок и очень несчастен.
- Я?!
- И весь из страданий.
- Не путай с героем фильма.
- Не путаю. В твоих глазах ночь. Увидела её сразу, в первый же день.

Однако ночь просветлённая, как у Шёнберга. Ты слышал эту вещь?

Заморочила голову. Собирался сказать одно, теперь нужно отвечать на другое.

- Слушал Шёнберга, не помню что.
- Бог с ним, — не отпускала руку. — Я заблудилась в этой ночи, зажги свет.

Её интонация говорила — это не просто метафора, это признание в любви. Не мог поверить.

- Как зажечь?
- Поцелуй.

Из её руки в мою потекла энергия, парализующая волю. Обнял девочку. Потом лёжа на моём плече, она рассказывала.

Ей было семнадцать. Гостила у бабушки. И как в песне поётся, «на побывку прибыл молодой моряк». И не просто моряк, а вылитый мачо. Познакомилась. Девственность — вон. Взяв скрипку, заиграла. Но мачо не

замер — закурил. Мало того, стал хвалить попку. Ушла опечаленная. Ему нужна была не она, ему нужна была обложка «Плейбоя». Через год увлеклась однокурсником. Этот, наоборот, обожал скрипку и сторонился тела. Наскучил. Потом сошлась с художником. Как художник, он так себе, но с манией величия. Выпивший — невыносим. Сбежала. Её любимый сериал «Секс в большом городе». А лучшее развлечение — шопинг. Откуда деньги? От папы. Кто он? Владелец сети рыболовецких судов. Папа горд доченькой. Скрипку, которая у неё сейчас, выторговал на «Сотбисе». Два Мерседеса! Поинтересовался мамой. Аккордеонистка. Но и бизнес леди. В её собственности развлекательный центр. Потом девочка говорила — о Норвегии, потом снова о моём фильме, потом уснула.

Затекла рука. Осторожно высвободил. Встав, подобрал одежду. Услышал: «Ты где?». «Тут». «Не пойду завтра в консу». «Как хочешь».

Она приезжала каждый день, шла в ванную, затем, приблизившись, роняла полотенце.

Недавно издал книгу. О временах юности. И была там девушка с романтической душой и грацией гетеры. Любила героя только за то, что он это он. Чудеса! Эта девушка материализовалась. Но в отличие от Пигмалиона, я не влюбился в своё творение. И подобно герою «Соловьёного сада» находился в той изматывающей полудрёме, когда невозможно ни окончательно заснуть, ни окончательно проснуться.

«И во мгле, благовонной и знойной, обвиваясь горячей рукой, повторяет она беспокойно — что с тобою, возлюбленный мой?».

Деревня поразила девочку, особенно старухи. Как можно здесь жить? Войдя в избу, она с тоской посмотрела на законопаченные стены. Нагнулась к сумке. Открыв её, стала переодеваться. Сняла джинсы, сняла блузку, надела красный хитон.

— Купаться хочу!

— Пожалуйста.

Плавала голый. Выскочив на берег, обняла меня.

— Знаешь, как по тебе соскучилась.

Почувствовал податливое тело.

— Я тоже.

Потом девочка захотела есть. Вернулись в дом. Накормил супом.

Удивилась керогазу. Поведав его историю, сообщил, что керосин поставляет конюх. Жалеет старушек. Зачем лишний раз топить.

Девочка приблизилась к печи.

— Дым в трубу уходит?

— Будто не знаешь.

— Весь?

— Весь.

— И угарный газ? — споткнулась о сумку.

— А ты грамотная.

— Слышала, как угорают.

Отнесла сумку к кровати. Присев, расстегнула боковую молнию. Достала косметику. Выпала пачка сигарет.

— Куришь?! — удивился.

— Курила. Бросила, когда узнала, что не куришь ты.

— Какой подвиг.

— Не иронизируй, было тяжело.

Девочка стояла на колене вполоборота ко мне. Падавший из окна луч, прострелив натянутый хитон, растекался кровавым сиянием.

— Сиди так!

— Что случилось?

— Секунду, — достал камеру.

— Хочешь снять?

— Угадала.

— Зачем?

— Девушка в хитоне! И не где-нибудь — в избе! — включил запись. — Привёз камеру, чтобы запечатлеть деревню, теперь добавится «пятый элемент».

— Не хочу быть Йовович!

— Хорошо, будь Ванессой Мэй.

— Тем более, не хочу!

— Кем тогда?

— Сама собой!

— Согласен, — опустил камеру. — А сейчас возьми скрипку.

— Уже снял?!

— Да.

Поставил девочку у печи.

— Играй.

— Что?

— Что хочешь.

— «Чакону» Баха.

— Давай. Или, стоп, Дидону!

— Она длинная.

— Ну и что?

— Ладно, — заиграла.

Сняв несколько планов, поставил камеру. Когда девочка закончила, похлопал.

— Знаешь, о чём подумал?

— О чём?

— На тему Дидоны можно снять ролик. Её любовь, её страдание, её смерть.

— Не представляю.

— А постарайся! — пустился показывать. — Вот река! — провёл над лавкой рукой. — Заходит солнце, — изобразил ладонями шар. — Ты на бере-

гу! — повернулся к лавке спиной. — Играешь! — стал водить невидимым смычком.

- Ты такой смешной, — рассмеялась.
- Слушай дальше!
- Слушаю.
- Закат — это костёр. Твой хитон — пламя. Дидона сгорает! Представила?
- Смутно.
- Обязательно сниму!
- Лучше заканчивай роман.
- С тобой закончишь, — вздохнул.
- Зачем вообще пишешь?
- Пытаюсь упорядочить внутренний хаос.
- Фильма было недостаточно?
- Нет. В фильме я разбирался с мирозданием, в романе разбираюсь с самим собой.
- Столько живёшь, и не разобрался?
- А ты разобралась?
- Давно.
- Хвалю.
- И знаю, чего хочу.
- Чего, если не секрет?
- Хочу за тебя замуж, хочу от тебя ребёнка, хочу любить тебя до конца жизни.
- А потом?
- Что потом?

- После жизни?
- Попадём в Царство небесное.
- Это — что?
- Не знаешь?
- Нет.
- Отвечу поэтически: вечное пристанище души.
- А вечность — что?
- Вечность — это вечность!
- Отвечу прозаически: вечность — это комната с пауками.
- С пауками?!
- Так у Достоевского.
- Боюсь пауков.
- А я боюсь вечности.
- Почему?
- Что мне там делать?
- Блаженствовать.
- Как блаженствовать?
- Когда ничего не волнует.
- Умру от скуки.
- Во второй раз? — засмеялась.
- В третий.
- Почему — в третий?
- Я погибший.
- Ну тебя!
- Послушай Блока. «Как тяжело ходить среди людей и притворяться непогибшим». Это обо мне. А вот дальше. «И об игре трагической страстей повествовать ещё не жившим. И вглядываясь в свой ночной кошмар, строй находить в нестройном вихре чувства, чтобы по бледным заревам искусства узнали жизни гибельный пожар». Всё, всё обо мне! — воскликнул. — Каждая строчка, каждое слово. Ты спрашивала, зачем пишу? Виной — гибельный пожар!
- Хочу ещё играть, — подняла скрипку.
- Но мысль поняла?
- Нет.
- Знаешь, что!
- Не знаю.
- Поиграешь на берегу.
- На берегу?
- Займёмся Дидоной.
- Сейчас?!
- А что мешает?
- Но я не готова, — растерялась.
- И я не готов, — взялся за камеру. — Будем импровизировать.

- Говорю про внешний вид.
- Вид нормальный.
- Хитон мятый.
- Сойдёт.
- Я так не считаю.
- Кто режиссёр?!
- Снимай! — обиделась. — Но мне не показывай.
- Договорились, — усмехнулся.

Девочка подошла к шкафу. Глянула в потускневшее зеркало.

- Краситься надо.
- Не надо.
- Сейчас заплачу.
- Заплачешь, когда бросит Эней.
- Изверг! — направилась к сумке. Присев, достала украшения. —

Что надеть?

- Спрячь.
- Почему?
- Достаточно волос.

Выдернула шарфик.

- Возьму под хитон!
- Бери.

Пришли на песчаный остров. Небесный простор, вода с бликами.

- Как тебе вид?
- Не знаю, режиссёр ты.
- Без капризов.
- Разве не ты режиссёр?
- Я, — снял с плеча кофр. — А ты Дидона.
- Давно поняла.
- Это радует.
- И какой ей быть?
- Царственной.
- Я всегда такая.
- Отлично.
- И что делать?
- Пока ничего.
- Понятно, — положила скрипку.

Распаковал камеру.

- Расскажи о Дидоне.
- Что именно?
- Как ей достался Карфаген.
- Сама и основала.
- Подробно и от первого лица.
- Зачем?

- Чтобы войти в образ.
- Смотри, как серьёзно.
- А ты думала.
- Всё рассказывать?
- Что знаешь, — камеру на плечо. — Я поколдую над ракурсами.
- Говорить?
- Конечно.

— Я — дочь царя Тира. Когда моего мужа убили, я сбежала в Африку. Там купила землю у берберского царя. По условию я могла взять столько земли, сколько покроет бычья шкура. Но я была не только красива, но и умна. Разрезав шкуру на тонкие ремни, окружила ими огромный участок. Достаточно?

- Продолжай, продолжай, — вглядывался в лицо.
- После взятия Трои Эней попал в Карфаген. Мы стали любовниками, — сделала паузу. — А потом он уплыл.
- Очень хорошо.
- Ничего хорошего.
- Говорю, смотришься хорошо, — опустил камеру. — Вот теперь слушай.

- Царице не указывают.
- Простите, ваше величество, можно доложить?
- Можно.
- Изображение будет строиться на контрапункте. Безмятежность Дидоны — раз, страдание Дидоны — два. Задача Вашего Величества — передать эти состояния.

- Каким образом?
- Через музыку и действие.
- С музыкой понятно, а действие?
- Придумаем. Но начнёшь вот с чего. Сядь у воды, намочи волосы и поиграй с бликами.

- Что это даст?
- Многое! — произнёс твёрдо.

Больше она вопросов не задавала. Указания выполняла старательно, но вдруг, загоревшись, начинала импровизировать. Не останавливал её. Наоборот, снимал с разных точек, то приближаясь, то отступая. Удачной находкой послужил шарфик. Развешиваемый ветерком, он нежил и очаровывал, придавая облику непорочность. Убедительно получилось страдание. Девочка, и вправду, походила на великомученицу, когда, обхватив голову руками, закатывала глаза, и затем, разводя ладони, пропускала сквозь пальцы волосы. Отдельно снимал воду, небо, облака. Садившееся солнце превратило реку в золото. Взяв скрипку, девочка заиграла. Отойдя как можно дальше, запечатлел её на сверкающем блюде. Вспыхнул горизонт. Приблизившись, поймал в объектив скрипку. Та словно качалась на раскалённых волнах. Попросил девочку

играть, сколько хватит сил. И она играла. Играла так самозабвенно, что я забыл, зачем вообще здесь. Камера будто снимала сама. Управляла моими руками, заставляла наклоняться, присаживаться, выбирала ракурсы. Музыка лилась, будто с неба, заполняя собой всё пространство и уносясь вдаль по реке. Вдруг я увидел лодку. Потом другую, третью. Привлечённые музыкой, к берегу съезжались рыбаки. Девочка будто не замечала их, а я продолжал снимать. Обдуваемое ветерком платье пламенело на фоне багрового заката. Мало того, казалось языком костра. Неистовствовала скрипка. Охваченный трепетом, я старался не упустить ни одной детали. Снял бегающие пальцы, ломкие руки, остановившиеся глаза. Ужаснулся их боли и отчаянию. Давно кончилась кассета, солнце зашло, а девочка всё играла. Наконец, вздрогнув, глянула на почерневший горизонт. Смутившись, опустила смычок. Внезапно аплодисменты. Рыбаки, встав в лодках, аплодировали с невероятной силой. Девочка вопросительно посмотрела на меня — всё? Кивнул — всё. Сложив вещи, мы пошли. Аплодисменты не смолкали. Прекратились только тогда, когда нас поглотила ночь.

Давно не любовался звёздами. И сто лет не пёк картошку. К чёрту цивилизацию! Хотя и керосиновую лампу изобрели.

Девочка, глядя на костёр, говорила, что никогда не была в походе. И печёной картошки не ела.

— Да?! — достал из углей картофелину, — Сейчас попробуешь, — разломил пополам. — Держи!

Взяла. Обжигаясь, стала есть.

— Подожди, посолю.

— И так вкусно.

Засмеялся.

— Глянула бы на свой нос.

— Измазала?

— Сажа — не грязь.

— Смотри! — показала пальцем.

Обернулся — коза.

— Не бойся.

— Не боюсь.

Коза приблизилась.

— Картошечки захотела.

— Почему не спит?

— Такая вот гуляющая, — погладил по шерсти. — Утром молока выпьем.

— Не люблю молоко.

— Козье!

— Никакое не пью.

Коза, словно услышав, пошла восвояси.

Потянулся к сумке. Выложил огурцы, помидоры, хлеб. Достал кружки. Вынул литровую бутылку.

- Самогон.
- Откуда?!
- Презент от бабуль.
- Сколько градусов?
- Не меньше семидесяти.
- Крепкий!

Вытащив пробку, плеснул в кружки.

- Забирай, — поставил бутылку.

Подняли. Посмотрел на девочку.

- Хочу выпить за твою игру.
- Не надо за игру.
- Почему?
- Давай просто за музыку.
- Ну, давай.
- А тостом пусть будут твои слова.
- Какие?
- Прозвучавшие в финале фильма о консерватории.
- Неужели запомнила?!
- Мгновенно.
- Ну, говори.
- Какой бы ни была высокой гора, музыка выше. Какой бы ни была

глубокой река, музыка глубже. И в этом тайна её. И тайна эта в самом человеке.

Кружкой о кружку.

- За музыку!
- И за человека.

Выпили. Откусил огурец.

- Когда рыбаки захлопали, еле сдержал слёзы.
- Я тоже.
- Ты была божественна.
- Правда?
- Правда.
- Я так никогда не играла.
- Понимаю.
- Любишь меня?

Вот не ожидал!

- Вопрос серьёзный.
- Именно, — подняла глаза. — И ты на него ещё не отвечал.
- Отвечал.
- Когда?
- Говорил, что я погибший.
- Пусть погибший. Но любишь меня?
- А ты?

— Люблю и буду любить всегда.
— Этого знать невозможно.
— Возможно!
— Было время, я снимал свадьбы. Клятвы, клятвы, но через время — фьють!

— Фьють — у бездарностей и серых мышек. Я сохраню любовь.
— Сохранишь? Открой тайну.
— Стану твоей музой.
— Красиво звучит.
— Мы уедем в Испанию.
— Почему именно туда?
— Мне папа подарил дом.
— Вот как!
— Там допишешь роман.
— Не успею.
— Почему?
— Выгонишь раньше.
— Я знаю себя.
— А я — себя.
— Ответь прямо, — вцепилась в плечо, — любишь меня?!
— Тебя нельзя не любить.
— Да или нет?!
— Нет, — сказал тихо.
— Не любишь? — уронила руку. — Правда?
— Правда.

Уставилась на догорающий костёр. Вдруг встрепенулась.

— Хочу поиграть!
— Сейчас?
— Да! Сыграю «Трель дьявола»! Принеси скрипку.
— Пожалуйста, — встал.

Пошёл по тропинке, поднялся на крыльцо, открыл дверь. В доме зажгёт лампу. Отрегулировав фитиль, услышал шаги. Вбежала девочка.

— Поиграю одна!
— Мне выйти?
— Нет, — схватила скрипку. — Сыграю у костра.
— Надеюсь, без глупостей?
— Заволновался? — усмехнулась. — Не бойся, я не Дидона, — выскочила.

Сел на табурет. Фитилёк вздрагивал. В такт ему прыгали тени. «Трель дьявола» тоже Тартини. Когда-то слушал. Не думал, что дьяволом признают меня.

Встал, прошёлся. Вспомнился Печорин. Мне всегда казалось, что, отказывая княжне, он себя обманывал. Лишь теперь осознал — нет.

Прислушался. Почему тихо? Вышел на крыльцо. Глазам не поверил. Девочка тыкала смычком в полыхавшую скрипку.

— Ты что наделала! — крикнул.

Оглянулась.

— Вот она, дьявольская трель!

Подошёл к костру.

— Не жалко?

— Нет.

— Почему?

— Зачем мне музыка без любви?

Не знал, что сказать. Наконец, нашёлся.

— Появится новая скрипка, появится новая любовь.

— Не буду больше играть! — отбросила смычок.

— Не будешь?

— Никогда!

— И чем займёшься?

— Уеду к мачо, он до сих пор эсэмэски шлёт.

— Ты серьёзно?

— Рожу ему сыночка и лапочку дочку.

— А консерватория?

— Бросила её.

— Как бросила?!

— Легко.

— Ты же сказала, сдала сессию.

— Солгала.

— Не верю.

— Привести доказательства?

— Приведи.

— Мой профессор, а твой дружок, разбирал со мной ноты. Внезапно стал лапать. Вскочила. И что слышу. Называет твоё имя, потом говорит: «С ним, значит, ты спишь, а меня, родного человека, игнорируешь!».

— Так и сказал?

— Нет, придумала!

Стиснул кулаки.

— От него не ожидал.

— Я тоже. Хотела возмутиться, вдруг стало смешно. Поехали, говорю. Он опешил: «Куда?!». «Ко мне». Видел бы, что с ним стало.

— Молодец.

— И мы поехали.

— Как?!

— Ты ведь сбежал от меня, а, значит, я свободна.

— Разыгрываешь?

— Нисколько.

— Но если всё так удачно, — до сих пор не верил, — причём тут консерватория?

— Не выношу козлов! — повернувшись, зашагала к дому.

Посмотрел на скрипку. Догорала. Сел. Плеснул в кружку самогон. Выпил. Опять коза.

— О! — надел на рог кружку. — Только ты козлов переносишь. Или нет? Козлы ведь тоже разные. И если плох, мекаешь — не козёл, не козёл! Эврика! Козлы не пишут. Зато петь, поют. Козлиными голосами. Что скажешь? Молчишь...

Встал. Зашагал по тропинке. Поднялся на крыльцо. Толкнул дверь — темно.

— Ты где? — крикнул.

Тишина. Прошёл в комнату. Зажёг лампу.

Сумка на месте. Открыт футляр. Не увидел сумочки.

Утром эсэмэска: «Пью чай под перестук колёс. Объяснимся в комнате с пауками».

Гора с плеч.

АЛЛА ОРЕХОВА

«Дорогая моя Рускиня...»

Рассказ

ОБРАТНЫЙ билет в Россию был взят загодя, и каждый свой новый день я начинала с выволочки самой себя за то, что не спланировала отъезд хотя бы двумя неделями раньше. Но ругай себя не ругай, а ковра-самолета на горизонте не просматривалось, поэтому мне оставалось одно: как можно меньше времени проводить в той атмосфере, которая меня, мягко говоря, угнетала. Моя семейная жизнь, из четырёхлетнего стажа которой едва-едва наберутся полгода совместного проживания, сложившихся из моих «приезжаний и прилётаний», не просто дала трещину. Сейчас я ходила по её весьма неэстетичным обломкам, как капитан по палубе своего потерпевшего крушение корабля, и находила это занятие малопривлекательным.

Конечно, можно было наморщить лоб и порассуждать на тему незадавшейся семейной жизни, найти здесь причинно-следственные связи и сделать для себя какие-нибудь важные оргвыводы. А может, даже выве-

сти эти выводы на принтер и повесить на стенд под рубрикой «Мой горький опыт». Но я по своему обыкновению поступила легкомысленно: никаких умозаключений делать не стала, а оставила этот случай на откуп семейным психологам и умникам-доброхотам, которые ничтоже сумняшеся всегда смогут подробно объяснить вам, откуда в сыре дырки и кто под землёй редиску красит. Мой неистребимый оптимизм, как всегда, узурпировал право голоса, заявив, что худа без добра не бывает, и я решила максимально близко познакомиться с Белградом — городом, находящимся в самом сердце Европы, удивительным и своей богатейшей семитысячелетней историей, и своим «лица необщим выраженьем», не похожим ни на одну европейскую столицу.

Благо, ещё с самого первого моего приезда у нас завязались приятельские отношения с живущей по соседству женщиной-сербийкой, общаться с которой мне было настолько комфортно, как если бы это происходило в родной России. Моя замечательная Добрила, или Дада, как я её называла, охотно согласилась стать спутницей и бескорыстным экскурсоводом в моих ежедневных отвлекательно-познавательных прогулках. Опуская подробности наших путешествий, скажу, что проходили они весело, сопровождались маленькими забавными приключениями, связанными по большей части с моим не совсем идеальным сербским, порой и вовсе напоминающим волапюк, и моим же непоколебимым желанием непринуждённо общаться на этом удобном для меня языке с местными жителями.

Даде, с которой я поделилась своей семейной ситуацией, зашедшей в глухой тупик, невероятно хотелось сыграть роль наперсницы в какой-нибудь моей любовной аванюре, которая, как она считала, стала бы ложкой мёда в бочке бьяки, «великодушно» уготованной мне судьбой. Поэтому она всячески культивировала мои немислимые достоинства, называя меня секс-бомбой и пристально обращая моё внимание на те заинтересованные взгляды, которыми обжигали меня представители мужского пола, что, надо признать, в принципе, соответствовало действительности. Я неизменно отвечала, что пусть их замечательные сербские дяденьки остаются после моего отъезда с вывернутыми шеями и с сербскими тётеньками, а мне для ярких впечатлений с лихвой хватило одного. Но, как в очередной раз подтвердила жизнь, зарекаться никогда и не от чего не следует.

Девятого сентября мы отправились на мою прощальную с Белградом встречу — следующий день был днём моего отъезда. У Дады были намечены кое-какие личные дела — она решила навестить своего знакомого, который лежал в то время в городской клинической больнице, и я, чтобы не мешать, заявила, что замечательно прогуляюсь одна, а она, как освободится, пусть мне позвонит. Когда мы подошли к клиническому центру, я, по уже укоренившейся привычке, пристала к первому попавшемуся прохожему с вопросом о том, где находится такая-то улица. «Vi ste ruskinja?»¹ — спросил он и улыбнулся так широко и открыто, что не ответить на эту улыбку

1 Вы русская?

было невозможно. Я подтвердила, что действительно из России, помахала Даде рукой и пошла по выбранному мной маршруту. Когда он догнал меня и предложил составить компанию, я вдруг с удивлением обнаружила, что не испытываю ни малейшего желания отказываться.

За нашу получасовую прогулку — от клинического центра по улице Князя Милоша и обратно по улице Ресавской — узнала о том, что он работает врачом в клиническом центре; что его русский прадед служил в гражданскую царю и отечеству и был заброшен в Сербию, в ту пору — Королевство сербов, хорватов и словенцев, первой, белоэмигрантской, волной, которая унесла с берегов родной отчизны на Балканы 40 тысяч беженцев, спасавшихся от неминуемой расправы большевиков; что рядом с домом, где он вырос и живёт сейчас, располагается Русский дом культуры, куда он в детстве бегал смотреть русские фильмы и слушать русские песни... Правда, его семья, как и большинство потомков наших бывших соотечественников, абсолютно ассимилировалась, и хотя он носит фамилию, доставшуюся ему в наследство от восточнославянских предков, является уже стопроцентным сербом и совершенно не знает русского языка. Я что-то рассказала о себе. Благо, у меня имелся некоторый запас сербского, который позволил нам общаться хоть и не без некоторых недопониманий с обеих сторон, но всё же вполне живо, и даже эти маленькие остановки в пути разговора придавали ему ещё большую непринужденность — отсутствие нужных слов заменялось смехом. А смех, как известно, на всех языках звучит одинаково.

Мой добровольный спутник пригласил меня посидеть в каком-нибудь кафе и был явно обескуражен тем, что я отказалась: я собираюсь улететь, даже не выпив с ним по чашечке кофе? Надо знать истинно сербское радушие, чтобы в полной мере оценить всю степень вероломства такого отказа. Я объяснила, что охотно приняла бы его приглашение, но мне уже позволила моя приятельница, а нам предстоит добираться в пригород и поэтому нужно спешить на автобус. Мы обменялись телефонами и электронными адресами и попрощались...

Дада смотрела на меня радостно и торжествующе: мол, и на старуху всё же нашлась проруха, и я даже не пыталась это опровергнуть. По уже заведённой нами традиции возвращения из Белграда, я зашла к ней «на кафу». А в этот раз меня и вовсе переполняли впечатления, которыми хотелось поделиться с подругой — пусть теперь выслушивает, коль по собственному почину взвалила на себя миссию дуэньи. Но, отхлебнув глоток крепчайшего дымящегося кофе из крошечной, почти игрушечной посуды, я вдруг поняла, что рассказывать-то мне, по большому счёту, нечего. Выпустить наружу свои эмоции пулемётной очередью коротких междометий? Так они, судя, по заговорщицким дадиным взглядам, были чётко прописаны на моём лбу большими печатными буквами. Рассказать о том, как мой случайный знакомый взял меня за руку, когда мы переходили улицу, и я вдруг почувствовала, как время неожиданно умерило свой нескончаемый

бег, а потом медленно потекло в обратном направлении? А может, поведать о том, что, когда мы прощались на автобусной остановке, я подумала: наверное, соло моего бухающего набатом сердца сейчас перекроет шумную полифонию бурлящей потоком людей и машин улицы? Несмотря на мои протесты — ведь не исключено, что у него семья — Дада настояла на том, чтобы я хотя бы отправила SMS. Он мне тут же перезвонил, спросил, во сколько мой рейс, а я пообещала, что позвоню ему перед отлётом...

Перед тем, как отправиться в расположенный в семи километрах от Белграда аэропорт Никола Тесла, набрала его номер. Он сказал, что работает сегодня с обеда, и пожелал мне счастливого пути...

Я прошла паспортный контроль и поднялась на второй этаж в зал вылета. Традиционный таможенный досмотр, зал ожидания. Последние перед отлётом звонки людям, которых отрываешь от сердца, благодаря которым мне не было одиноко в этой тёплой, дружелюбной, но всё же чужой стране. Увижу ли я их вновь?

Звонок мобильного, из которого доносится уже знакомый мягкий голос, окончательно перевернувший мою и без того взбудораженную душу:

— Где ты?

— Я? Конечно же, в аэропорту, жду посадки, которую объявят с минуты на минуту.

— Я тоже в аэропорту, приехал тебя проводить. Я не могу представить, что сейчас ты улетишь, а потом неизвестно когда мы увидимся.

— Но я уже прошла и пограничников, и таможеню. Меня просто не выпустят обратно. Но сейчас я попытаюсь...

Через зал ожидания мчусь в пункт досмотра:

— Вы знаете, я забыла очень важную вещь, без которой не могу улететь!

— Да, но ведь уже объявляют посадку...

— Я успею!

Лечу по лестнице вниз, рискуя оставить шпильки своих босоножек на её крутых ступенях, но вторая преграда оказывается непреодолимой: блюстители границы, как и полагается им по определению, стоят несокрушимой стеной: «Вы прошли паспортный контроль, не положено». Вот она, державная мощь!

Набираю номер:

— Я здесь, на первом этаже, но меня не пропускают...

— Я вижу тебя, смотри, я машу тебе рукой.

И я вижу его через застеклённые кабинки пограничников и тоже машу с расстояния десяти-пятнадцати метров, и что-то говорю в трубку телефона, и снова машу...

Включаются двигатели, и я достаю мобильный, чтобы по установленным правилам отключить его перед полётом. «Sretan ti put i da se vidimo uskoro... Ljubim te...»^{**1} — летит на борт самолёта.

1 Счастливого тебе пути и до скорой встречи. Целую тебя.

«Ala to ne valja sto si mi sve dale i dalje a taman smo se nasli... Pozdrav...¹ — читаю я под перестук вагонных колёс...

Я дома. Диапазон нашего общения расширился — к телефону добавилась электронная почта. Интернет каждый день заботливо доставляет мне письма, неизменно начинающиеся словами: «Draga moja Ruskinja...². Он хочет приехать, правда, пока точно не знает, когда у него появится такая возможность. Я понимаю: он не финансовый олигарх, который может сесть в собственный авиалайнер и в считанные часы очутиться хоть на другом континенте, — он самый обыкновенный врач. Нас разделяют три тысячи километров, между нами пролегли два государства — Украина и Венгрия. Слава Богу, с недавнего времени между нашими с ним странами введён безвизовый режим. И если два человека, живущие в разных державах и говорящие на разных языках, шли навстречу друг другу не просто для того, чтобы один указал другому требуемую ему улицу, тогда я знаю: он обязательно приедет.

1 Это несправедливо, что ты от меня всё дальше и дальше, ведь мы только нашлись

2 Дорогая моя Руския

Батники Галины Аннотиной

Под небом голубым. 2005 г. Шёлк, батик. 143×130

Весна. 2000 г. Шёлк, батик. 62×75.

Восточная мелодия. 1996 г. Шёлк, батик. 75×70.

Весенние цветы. 2000 г. Шёлк, батик. 58×52.

Старая Казань. Утро. 1997 г. Шёлк, батик. 49×55.

Вечер. 2001 г. Шёлк, батик. 76×70.

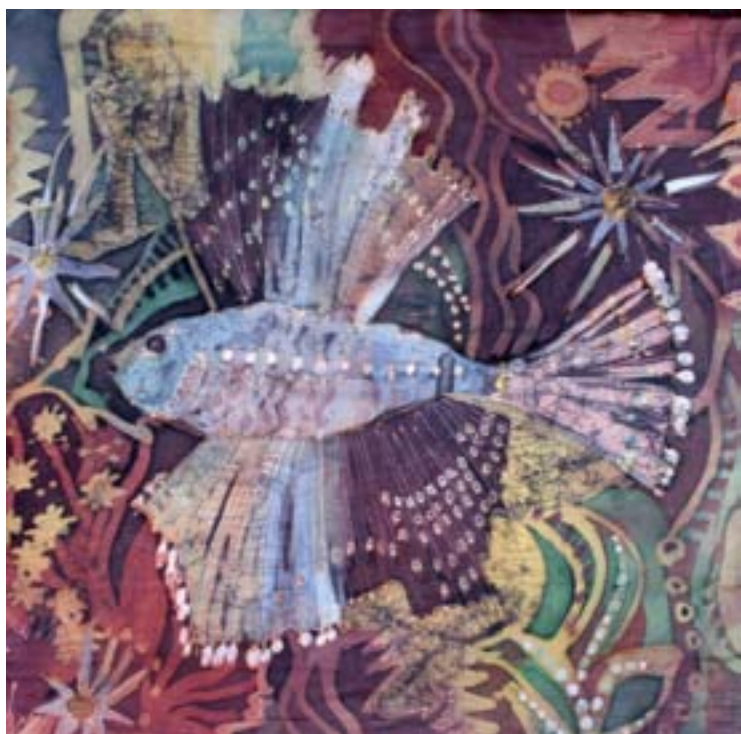
Дикий шиповник. 1993 г. Хлопок, батик. 60×80.

Июль. 2001 г. Шёлк, батик. 30×40.

Зимний сон. 1996 г. Шёлк, батик. 76×70.

Рыбка. 1992 г. Шифон, батик. 90×92.

Осенний свет. 2005 г.
Шерсть, ручное ткачество.
240×60.

Светлое утро. 2005 г. Шёлк, батик. 62×45.

Полёт. 1995 г. Шёлк, батик. 40×40.

Подсолнухи. 1999 г. Шёлк, батик. 55×38.

Утро. 2002 г. Шёлк, батик. 80×60.

ДОРОГА, ВЕДУЩАЯ В НЕБО...

Батики Галины Анютиной склоняют к неторопливому размышлению. В них что-то знакомое и близкое: утренняя роса, осенний букет, жар-птица, дикий шиповник...

В выразительных линиях, в уверенном обобщении крупной формы, в устойчивости композиций ощутимы черты, присущие профессиональной живописи. Лирическая гармония тонких нюансов, смелые драматические контрасты открытого типа — всё это огромная экспериментальная творческая работа, которую Г. Анютина ведёт неустанно.

Свободная, широкая манера исполнения — свидетельство работы профессионала-виртуоза. Под её руками, повинаясь органическому чувству красоты, краска перетекает в одухотворённо-поэтическую пластику сюжетно-орнаментальных образов. Поиски подлинной декоративности, присущей прикладному искусству, причудливое разнообразие текстильных структур обогащаются природным колористическим даром живописца, рождая изысканную красочность, порой пиршественный колорит. Каждая работа Галины оригинальна, неповторима.

Темы и образы своих батиков Галина Анютина находит в природе, творчески перерабатывая натуру, внося элемент фантазийности, ассоциативности, обогащая её поэтикой собственного восприятия, неповторимой эмоциональной окраской. Вглядываясь в её композиции, словно узнаёшь свои давно забытые ощущения, переживания, вспоминаешь запахи и краски детства... И поражаешься поэтической тонкости и чуткости художницы, её умению охватить окружающую повседневность особым вдохновенным взором, искренне изумлённым и восхищённым красотой жизни.

Живость, порывистость, трепетность проведённых рукой художницы линий и сложный, богатый, гармоничный колорит составляют прелесть и притягательность её работ.

Спокойная, милая, нежная женщина, человек, обладающий врождённой внутренней культурой, искренний художник, Галина Анютина разнообразна в диапазоне эмоционального настроения своих декоративных композиций — от нежнейших лирических до возвышенно-философских, разнообразна в выборе тем и сюжетов. Она непредсказуема в своём творчестве и всегда интересна.

*Пауза СУЛТАНОВА,
Маргарита ПАШКОВА*

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

РОБЕРТ ВИНОНЕН

НЕБО ПОЭТА

(о книге Роберта Винонена «Дым над именем»)

**Вывод отсюда, конечно:
Что же ещё, если не
Обетованная вечность
Вся уместилась во мне?**

Р. Винонен

У любого состоявшегося поэта, как известно, есть какая-то одна «генеральная дума», «одной лишь думы власть, одна, но пламенная страсть». Так вот, таковой, на мой взгляд, генеральной и пламенной думой-страстью поэта Роберта Винонена является Идея Жизни, её вечности.

В поэзии автора достаточно много слов с семантикой вечности: «вечнозелёная» ель, «из века в век», «на века Вы живы», «Ожиданью нет предела» — вот лишь некоторые примеры из его стихов. (Набирая последний стих, я невольно допустил опечатку: не «ожиданью», а «оживанью». В отношении Винонена это тоже очень верно.) Поэт, говоря его же словами, «по вечности томится».

Мысль о вечности жизни поддержана идеей многократного рождения, многократной жизни. Особенно убедительно она дана в стихотворении «Пренебрегая видом из окна...», посвящённом художнику и поэту Т. Ряннелю. В этом произведении есть строки, которые можно применить к поэтическим картинам самого

Винонена: «каждая не просто полотно,/А вид на мир, который возлюбили...». И не просто на мир, а на многие миры.

Итак, жизнь у Винонена — в постоянном продолжении, остановки нет. Сейчас невольно на память пришли стихи не помню какого европейского поэта, переведённого в своё время Владимиром Шевченко: «остановка в любое мгновенье — только паденье». Это вполне и по Винонену, у которого даже крест «воспринимается как плюс» жизни («Простая математика»). Такое миропонимание настраивает душу поэта на оптимистическую волну — при всём трезвом сознании, что время, точнее — личное время отдельного человека, идёт на убыль, что ничуть не снижает высокой веры в благость жизни: «каждый шаг не без надежды/На то, что будет хорошо». Восприятие жизни как «очевидного дива», «чуда главного», очарование ею — в этом основной пафос поэзии Винонена. Жизнь — дар Божий, потому и чудо. И в том, что «чудо будет на века мне», заключена самая крепкая вера поэта.

С высоты своего возраста, или, по-житейски говоря, жизненного опыта, он всеми своими стихами делится мыслью о том, что основным, главным «заованием» жизни является понимание, убеждение в её абсолютной ценности. В утверждении этой мысли Винонен чуть ли не «маниакален». Он буквально одержим Идеей Жизни. Подобных примеров в поэзии ещё поискать. В этом плане Винонен равен, пожалуй, только Пастернаку — автору книги «Сестра моя — жизнь». Не случайно поэтому обращение поэта к строкам великого предшественника: к его переводному из Бараташвили, взятому в качестве эпиграфа («Это сизый, зимний дым/Мглы над именем моим»), или к строке из знаменитого «Февраль. Достать чернил и плакать...», завершающей стихотворение Винонена «Снимали смолоду мансарду...». Кстати, в этом стихотворении, как, например, в пастернаковских «Единственных днях», все времена года сошлись одновременно в едином хронопическом сгустке, образуя время Вечности.

Ещё при прочтении книги Винонена «Оглядка» я отметил, сколь «разнообразны» лики лирического субъекта его поэзии. Душа поэта находит воплощение в образах камня, облака, зеркала, айсберга... И в каждой «ипостаси» — новое рождение поэта. Ради этого он даже готов (в шутку, конечно!) податься в буддисты, чтобы изведать «Чувства рыбы, зверя, птицы/В череде перерождений», потому что «какая радость —/Приобщиться крови предка». В другом стихотворении поэт пишет: «Станешь камнем — будешь знать». И этому веришь, так как и такое возможно в жизнеутверждающей поэзии Винонена.

Намечая штрихи к творческому портрету художника, нельзя не сказать о *драматургичности* его стихов. Его небольшие по объёму стихи создают целые сцены, в них разворачиваются нешуточные по своей драматичности сюжеты. Считаю, что эта особенность поэзии Винонена есть прямое отражение её «жизненности» — в том самом смысле, о чём велась речь выше.

То же самое можно сказать о фонике произведений поэта, имя и фамилия которого, замечу, вкупе с названием рассматриваемой книги сливаются в двустишие: «Роберт Винонен./Дым над именем». Слышите? Да и в самом названии

чётко слышится внутренняя рифма: *дым-надым*. Звуки перетекают из слова в слово, связывая всё в единую целостность и тем самым выражая гармонию бытия, что в свою очередь есть свойство и залог непрестанности жизни.

Рифмы Винонена — не просто созвучия; это *процесс*, зримое и слышимое воплощение потока бытия, некое известие, новость, равная *благой вести* о явленности какой-то Высшей Тайны в мире, Бога в его творениях. Прочитирую в связи со сказанным лишь один пример:

*Некое известие
Послано с ветвей,
Будто клёну дело есть
До судьбы моей...*

Не могу не обратить внимания и на ритм стихов Винонена, особенно на такую бьющую в глаза особенность, как то, что в них много анжамбеманов. Стихи «подгоняют» друг друга. Они очень энергичны. Жизнь в них хлещет через край. О них можно было бы сказать — «кровь с молоком». Читая их, ощущаешь мощное сердцебиение автора, словно ему не хватает дыхания, чтобы выразить своё восхищение перед чудом жизни. Причём очень часто строка заканчивается словом служебной части речи (предлогом, союзом, частицей), что лишь усиливает эффект предельной напряжённости души поэта, вызванной ощущением полноты жизни. Причём, даже в стихах о смерти, как, например, в стихотворениях «Радуга над кладбищем», «Берёза матери» или «Отцу». Винонен убеждён, что и после смерти человек продолжает жить среди живых. В стихотворении «Мать не давала отцу покоя...» погибший отец «Стал невидимкою жить при нас». Та же мысль — в стихотворении-обращении «Отцу». Оно воскрешает в памяти «Его зарыли в шар земной...» Сергея Орлова и стихи об убитом на фронте отце Юрия Кузнецова («Столб клубящейся пыли бредёт, одинокий и страшный»). У Винонена образ отца более планетарен, глобален, в том смысле, что он является наиболее веским доказательством вечности Жизни, целостности бытия, непрекращающейся связи времён, поколений.

Заворожённость Винонена «глобальной», «общечеловеческой» (да простит меня поэт за эти избитые критикой и литературоведением определения!) Идеей Жизни ничуть не уводит его взгляда от лицезрения её красоты-чуда в маломальских проявлениях, деталях, которые при всей своей кажущейся «мелочности» тоже призваны утверждать мысль о неповторимости жизни в её непрекращающейся извечности. Это же можно сказать и о ключевых образах-метафорах поэта: дыме, берёзе, ветре, радуге.

Есть у Винонена в книге «Дым над именем» стихотворение, которое можно было бы назвать программным, хотя, к слову, таковым здесь является чуть ли не каждое — так уж она задумана. Вот оно:

*Хорошо на склоне лет,
Ибо склон — такое дело,
Что к подножью спуска нет
И обзору нет предела.*

*На последний шаг пути
Вековой привал дозволен –
Время дух перевести
На потустороннем склоне.*

Здесь поэт как бы спорит с самим собой и вместе с тем с самой смертью. Читая книгу «Дым над именем», едва ли хоть на мгновение задумаешься о «последнем шаге пути», ведь всегда есть надежда «на потусторонний склон». Поэту и стихи поэта ни на секунду не дают «дух перевести». Он уже переведён — в Небо Поэта, в пространство Вечности.

*Рамиль САРЧИН
(из «Записок со своей колокольни»)*

ИЗ КНИГИ «ДЫМ НАД ИМЕНЕМ»

ДЫМ

С годами глубже в детство забираясь,
Найду костёр под пологом лесным.
О радость, о щекочущая сладость –
Тот, от ноздрей не отлетавший дым!

За Гатчиной леса прифронтовые.
Мы беженцы. Пристанища — нигде...
Соображаю кое-что впервые:
Пахнуло дымом — стало быть к еде.

Приблизившись, пошумливали ели,
Скатёрку тени ветер шевелил...
Поди припомни, что уж мы там ели,
Но после дыма голод проходил.

ОТЦУ

Хотел бы ещё положить цветы,
Искал и могилу — нету!
Куда не ступлю, под ногами — ты,
Закопанный во планету.

У судей твоих вороха похвал,
Надгробия величавы.
Но ты как будто не пожелал
Соседствовать с палачами.

Землёю ты принят в полёт планет
По безднам тысячелетий.
Я тоже, единственный твой след,
Сотрусь, как стихи вот эти.

Пока же держу дорогой портрет,
Заглядываю, как в омут.
Очей твоих и огни комет
Перечеркнуть не могут.

НА СНОС ПАМЯТНИКА

Смещён с поста Железный Феликс,
Освободился пьедестал.
Но истукан в каких-то целях
Не переплавлен на металл.

Он только скинут с постамента,
Он только убран с глаз долой,
Но в суд не вызван, ибо где-то
Жив не последней головой.

Да, площадь якобы пустует,
Да, постояльца как бы нет,
Но тень, и тень весьма густую
Кладёт незримый силуэт.

Малютой слыл непримиримым,
Пуская граждан на распыл
Во дни, когда у нас Владимир
Ильич — Иван Грозным был.

По мере сил служил народу –
Как нынче сказано, «мочил».
Он увеличивал свободу
Приумножением могил.

Цел монумент — гадайте, люди:
Кому на площади торчать?
Тому Скуратову Малюте
Или Эдмундичу опять.

* * *

Погиб человек, для чего мы
Свели к равновесию мир:
Один человек — заключённый,
Другой человек — конвоир.

Колючая держит ограда
Обоих.

Но, срок отмотав,
Невольник посмертно оправдан,
Охранник пожизненно прав.

* * *

Одна из форм загробной жизни –
Во сновидениях чужих.
Приснюсь кому-то, скажет:
— *Ишь ты,*
Не успокоился за жизнь.

В своих же снах себя утратив,
Проникну в чей-нибудь опять –
И уж тогда моих объятий
Красавице не миновать.

И сам плачу такую дань я:
Дивлюсь на сызнова живых,
Продляю их существованье
Во снах достаточно земных.

Для них нечаянные эти
Свиданья — разве не бессмертье?
В кругу обыденных забот
Держу, держу на этом свете
Немало знающих про тот.

* * *

Разлитая в мире усталость
Гнёт ветви кладбищенских ив.
И всё-таки жизнь состоялась,
Заветное осуществив.

Увядшими листьями крыты
Бугры и ограды могил.
И снег поднебесья на плиты
Ложится, он тоже без сил.

Ворона едва над кустами
Плывёт, не держа высоты.
Покойники лишь не устали
Держать над собою кресты.

* * *

Мы в тяготение земное
Обуты, будто в башмаки,
Но всей небесной синевою
Глазасты мы и высоки.

Ступни одержаны планетой,
Но весь притянутый объят
Слоями неба вообще-то
От головы до самых пят.

Земляне мы, но не кроты же!
И живы разве мы не там,
Где и душой, и телом ближе
Ко птицам, нежели кротам?

Когда же нам погасят солнце
И посоветуют прилечь,
На миг замешкаться придётся –
Легко ли сбросить небо с плеч?

* * *

Уж если к чему-то затеяна
О милых невестреченных речь,
Я спрашиваю: а где она,
Земля для упущенных встреч?

Могли быть единственно близкими...
Но было отвечено так:
— Тебе ли ту землю отыскивать?
Она под ногами, чуждак!

АСТРОНАВТ

Как во скафандре водолаз,
На почву лунную ступил я,
И каждый кратер был горазд
Моею сделаться могилой.

Из века в век со всех сторон
Луну бомбят метеориты –
Она мертва, как полигон,
Весь попаданьями изрытый.

Чудес вам надо, но со мной
Как со свидетелем не спорьте.
Там чудо главное: земной
Невыразимо голубой
Шар,
да — на лунном горизонте.

ПРИБОЙ

Пасомые ветром барашки
Отарой толпящихся волн
С утра прибежали пораньше
Сшибиться со скалами лбом.

Напрасно! Всего лишь вода ведь,
А камень — он камень и есть...

Но кто кого перебодает,
Ещё не отвечено здесь.

А может, и нет поединка,
И если иначе взглянуть,
Волна от разлуки великой
Бросается камню на грудь.

К утёсу годами, веками
Встаёт из бушующих вод
Прозрачная дева. Но камень
Не дрогнет. Не узнаёт.

* * *

Старики соседи живы:
Вот над шашечной доской
Точит ум сосед плешивый,
Перед ним сосед седой.

На весеннем солнце жмурясь,
Детки бывшие сидят –
Каждый собственную мудрость
Оказать другому рад.

И на этом же припёке,
Знать не зная ничего,
Ковыряется в песочке
Будущее старичье.

И хотя часок приятный
Излучается на всех,
Обретающихся рядом
Разделяет — век.

* * *

Сместился мир, когда мы вышли:
До запирания дверей
Звезда правее телевышки
Была, но вот уже левей.

Не вдруг заметили, что — качка,
Что путеводную звезду
Чуть не сшибает телемачта,
Пересекая высоту.

Земля вращается наглядно!
Всегдашним курсом на свою
Звезду
иду из ресторана
и крену противостою.

ГЕРАНЬ

Кто за тобой следит ревниво?
Жильё-то пусто ведь.
Но глянь,
Как терпеливо ждёт полива
На подоконнике герань.

О зеленеющей невинно
Откуда шум на целый свет:
Мол, достоянье мещанина,
Который что — не человек?

Бери-ка лейку, человече,
Теперь ты разве одинок?
Пришёл — он весь тебе навстречу,
Желая дождика, цветок.

ПЕРНАТЫЙ БРАТ

Глашатай солнца на деревне,
Петух выкрикивает день.
Заре он верен опереньем
И гребнем лихо набекрень.

Грудь колесом, на лапах шпоры,
Дух забияки не потух.
И нет такой на свете куры,
Чтоб не догнал её петух.

Я, к сожалению, не птица,
Хоть и витаю в облаках
И не могу не петушиться
Насчёт зерна во словесах.

Таким же криком КУКАРЕКУ
Я вас приветствовать готов
Из этих искренних, но веку
Не приготившихся стихов.

* * *

Пока мы шагали парадом,
Приветствуя наших вельмож,
С трибуны высокою правдой
Звучала глубокая ложь.

Опомнились нынче — и что же?
Не жалко ли бедной земли,
Где жили высокою ложью,
Где лучшие годы прошли.

МЕЖДУРЕЧЬЕ

* * *

Нам не впервой за Россию сражаться –
день простоять, ну а ночь продержаться.
Кинешь сапог: «Просыпайтесь, братья!»
Храп сотрясает три отчих версты.

Эй, братовья, почивать не годится!
Следом со свистом летит рукавица.
Грозный по небу проносится гуд.
Годы проходят, а братья нейдут.

Змей Героинич пленил Русь-царевну.
Вбил нас в родимую твердь по колено.
Голову срубишь — три новых растут.
Годы торопятся, братья нейдут.

Вражеским духом над Родиной веет.
Меч-кладенец безутешно ржавеет.
Воины головы в битве кладут...
Годы мелькают, а братья нейдут.

Что же за сладкие сны снятся братьям,
что прикипели к тесовым полатам?
В отчую землю мы вбиты по грудь...
Годы несутся, а братья нейдуть.

Оземь ударишь тяжелою шапкой –
мир покачнётся весомо и шатко.
Брёвна в родимой светлице скрипят.
Время не дремлет, а братья храпят!

Видно, нам братьев уже не дожждаться.
Знать, в одиночку придется сражаться...
Гром полыхнул на три отчих версты.
Не поминайте нас лихом, браты!

Благословил нас на битву Отец.
Не проржавел еще меч-кладенец..
В небе победный сияет салют!
Слышите? Слышите — братья идут!

* * *

Городок обетованный,
ты по-детски сладко спишь...
Волокнистые туманы
с городских стекают крыш.

На излёте долгой ночи
в первозданной тишине
ты обиженно бормочешь,
разметавшийся во сне.

И текут твои туманы
разомлевшим молоком.
И неведомым обманом
ты таинственно влеком.

Ветерок бездомный рыщет...
А вокруг — куда ни глянь! –
все глаза домов — глазищи,
тьмою залитые всклянь.

Что ж, поспи ещё немножко!..
Время есть ещё вполне.

Не затепливай окошки –
подрастешь авось во сне.

Городок обетованный!
Пусть тебя на карте нет,
здесь восходит несказанный
победительный рассвет.

В глубь подъездов, подворотен
прячет лапы лунный страх.
В пустырях, где воздух плотен,
вольный ветер не зачех.

Без ухода, без полива
я — заложница эпох –
здесь сумела стать счастливой,
как во рву чертополох.

* * *

Недалеко от Северных Ворот,
под солнцем субтропического юга
задумчивая девочка живет,
которой в полнолуние снится выюга.

Январь ещё не зимний, а февраль
уже не зимний месяц в Туркестане...
И девочка, тая в глазах печаль,
живет предощущеньем расставаний.

Она твердит: «Перед глазами стой,
заветный край, хоть я того не стою,
не знойной страстной южной красотою,
но северной суровою красою!..»

И, к южной равнодушная весне,
упрямо просит маму на досуге:
«О, мама, мама, расскажи про снег!
Напой мне, мама, песню русской выюги!..»

Свяжи платок мне, мамочка, мой друг,
из оренбургской невесомой пряжи...»

Ну а у мамы вечный недосуг,
И мама отмахнется: «Вьюга свяжет.

Не все ж по трубам ей рыдать навзрыд!
Пускай себя в трудах житейских скажет –
небесный пух спрядет и убелит,
воздушных петель для платка навяжет...».

Ах, этот вьюгой вязанный платок,
который в праздник надевают бабы!..
Он покрывает непролазь дорог –
колдобины, и ямы, и ухабы.

Седины покрывает... Бабий век,
увы, в России так недолго длится.
Но девочка измыслила побег.
И ей суровый русский север снится.

Там, где, как встарь, седая от невзгод,
сна-отдыха и устали не зная,
старуха-вьюга петли вяжет-вьёт
и бабушкины песни напевает.

* * *

Надменной Волги кроткое лобзание
босой ногою сладко ощутив,
стою на берегу июньской ранью...
Щенком в колени тычется прилив.

Вовек себе не знающая равных,
могучая свободная река.
Всё ей к лицу — надменная державность
и нежность беззащитного щенка.

Здесь ветерка сквозное дуновение
хранит пьянящий аромат ухи.
Здесь так легко в приливе вдохновенья
стихия превращается в стихи.

Здесь хорошо, проснувшись спозаранку,
босой к подружке-Волге прибежать —
всё то, что не пристало горожанке,
волжанке непоседливой под стать.

Шершавые мозоли наживая,
без устали орудовать веслом.
По плёсам бегать, ноги обжигая.
Секретничать с прибрежным камышом.

Хоть он не сват, не брат мне, не приятель,
я с волжским камышом накоротке.
Мне рядом с ним не стыдно, скинув платье,
плескаться по-русалочки в реке.

И знать, что ни в одном из всех течений
мне Волга — исповедница моя —
не станет изрекать нравоучений,
приняв меня такой, какая я.

* * *

Ромашка, кашка, пижма, девясил.
Мордовник цвета воронёной стали.
Плакун-трава, угрюмый чернобыл...
Российских междуречий разнотравье.

Цветущий выюн в обнимку с лебедой –
лебёдушке своей влюбленный сторож.
И — царственно встающий над травой
татарника пурпуровый околыш.

Прострел качает раненым листком.
Исходит ароматом медуница.
А под бурьян-травой испокон
буян-трава мятежная таится.

Здесь, где авось смешались и небось,
а кровь ристаний с брагою пирушек,
все было, сплыло, слыло и сбылось,
увековечась в говорах речушек.

Болтушками те речки не зови!
Их речь о том лишь, как в живых остались.
В них столько русской пролитой крови,
что и враги порою содрогались.

Испив из речки, восклицали: «Кан!..»,
что означало «кровь» на их наречье.
И каплей крови прорастал тюльпан –
свидетель евразийской страшной сечи.

А рядом, скорбной розни вопреки,
проклятой розни — тюркской и славянской,
на берегу сибирской Кан-реки
рос в небо город, нареченный Канском.

МЕЖДУРЕЧЬЕ

Пусть долог день до вечера,
но весь свой краткий век
двенадцать наречиям
учусь у русских рек.

Без фальши и без пафоса
столетия подряд
по-родственному запросто
о русском говорят.

Былинами и сказами
(когда их ни спроси!),
они всегда по-разному
расскажут о Руси...

Татьянка-раскрасавица
(подобной не сыскать!)
расскажет, как покается:
ей пращур — древний тать.

— И если молвить искренне
с собой наедине,
то не Татьяна искони —
Татьёша имя мне!

Кривуша — речка-умница,
как павушка плывёт.
И хоть слегка сутулится,
да всех звончей поёт.

Здесь каждый раз, как заново,
по камушкам журча,
о войске Тамерлановом
расскажет Кондурча.

Гласят преданья старые
(поди их позабуди!) —
монголы здесь с татарами
сходились грудь на грудь.

С плеч падали головушки,
кинжал пронзал доспех...
Лилась рекою кровушка —
равно красна у всех...

Самарка быстроглазая,
ужель молчать невмочь?

Разбойными рассказами
мне сердце не жесточь!

И только Гавень-реченька
меж клёнов и раkit,
чуть вымолвив словеченько,
сокрыться норовит.

— Мне имечко — стыдобушка,
аж совестно носить!
А всё они — коровушки
да овцы, волчья сыть.

Ой, Гавень, дурью маешься
в неведение своём...
С чего ты прибедняешься,
что твой исток — назём?

С наигранною робостью
журчишь, свой нрав тая.
Но паче лютой гордости
униженность твоя.

Легендами лукавыми
себя не ставя в грош,
на месте древней гавани
ты попросту течешь...

О реченьки безвестные!
Глубокой старины
предания поместные
в их именах слышны.

Здесь вырос между реками,
безвестными допрежь,
Григория Засекина
сторожевой рубеж.

Смирная дерзкой смелостью
и запад, и восток,
восстал былинной крепостью
Самара-городок.

Он пахотными весями
в степную землю врос –
Святителя Алексия
пророчество сбылось!

* * *

Ворчит, проснувшись по весне, Вазуза,
таская с шумом льдины до утра:
«Мне Волга — просто лишняя обуза.
И уж никак не старшая сестра!

Пора вставать, а ей и горя мало.
Покуда я тружусь, забыв о сне,
она под белоснежным одеялом
ещё не шелохнулась по весне.

Ну до чего сильна поспать сестрица!
Я вся в трудах, а ей и невдомёк.
Всем прочим сёстрам нечего дивиться,
что всех нас шире стала поперёк.

До морюшка Хвалынского далёко...
Я первой встала, пусть она лежит.
Поди, забыла уговор наш строгий –
главнее та, что первой добежит...»

Вот так — ворча, бурча и задыхаясь –
Вазуза-речка шустро вдаль текла.
Свою пустую суетную зависть
осилить и дорогой не могла.

...И вот, хоть пробуждалась очень долго
царевною, привыкшею ко сну,
небесной синью полыхнула Волга
и призвала с небес на Русь весну.

Крутя турбины и таская грузы,
слагая песни, Волга вдаль плыла.
И долгий путь завистницы-Вазузы,
играючи, за день перемогла.

Не выронила бранного словечка,
поскольку им с сестрицей по пути.
Но царственно себя Вазузе-речке
позволила до моря донести.

* * *

Чудная станция с названьем Пачелма.
Сойти бы здесь и здесь навек остаться.
Пусть сиротливым снегом до темна
Взрываются созвездия акаций.

Пчела, как пуля, жадно льнёт к виску.
Бездомный пёс хвостом приветно машет...
Гляжу и наглядеться не могу:
Мне кажется, я здесь жила однажды.

О, беженки бездонная сума!
Собачья обездоленная участь...
Ещё не раз меня сведёшь с ума,
Пока стихами говорить научишь.

Такая же акация цвела.
Пчела, как пуля, у виска жужжала.
Я вспомнила: я здесь уже — жила.
И на восток составы провожала.

Я по слогам твердила: «Па-чел-ма...»
Но я ещё тогда не понимала,
Зачем во снах парчёвая чалма
Надменно и призывно мне сияла.

МУЗЫКА ВО ЛЬДУ: ПОСЛЕДНЯЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Эссе

С чего начать? (ох уж эта дурная привычка к риторическим вопросам...) Начну с чистосердечного признания... Если угодно, сочтите этот текст формальным заявлением о явке с повинной. Сейчас, соберусь с духом, и... вот: признаюсь, что считаю себя русским интеллигентом и готов принять на себя моральную ответственность за всё происходящее в мире, от коррупции в Урюпинске до оттепели на полюсе... Вам смешно? А я всерьёз.

Интеллигентности имманентна самокритичность, и потому в другое время истинному интеллигенту титуловать себя интеллигентом было невозможно по определению. Так же, как, скажем, нельзя провозгласить себя умным человеком и тем самым не отрекомендоваться занудным идиотом. Декларировать свою интеллигентность значило совершить семантическое

самоубийство и разоблачить себя как самозванца. Обстоятельства переменились. И если наивная претензия на умность по-прежнему вызывает злобные смешки, то сколь угодно обоснованная заявка на интеллигентность сегодня провоцирует злобные насмешки и агрессивную реакцию. Что такое интеллигенция? Это интеллектуальное меньшинство, которое (в отличие от национальных и сексуальных меньшинств) в современном мире не вправе рассчитывать на признание своих прав и тем более преимуществ.

Подозрение интеллигенции в злонамеренности и зловредности не вчера зародилось и не вдруг проявилось. Эта порочная традиция уходит вглубь времён... Когда вожди ошибались в своих решениях, наказывались те, кто первыми понимали ошибочность их решений. Когда все обездоленные покорно склонялись перед судьбой, поднявшие голову становились козлами отпущения. Эта линия прослеживается от охоты на волхвов и гонений на скоморохов до черносотенных погромов и травли инакомыслящих. Иметь своё мнение всегда было сомнительным преимуществом интеллигента. В критических обстоятельствах власть исстари натравливала нерассуждающую толпу на задумчивых одиночек, чтобы тем верней повязать всех стыдом и страхом. Вся полнота власти оставалась за государственными и общественными деятелями, а за все последствия их недальновидной политики отвечала интеллигенция — мягкотелая, либеральная, гнилая... в конце концов — вшивая. Последним словом заклеили наивных идеалистов большевики, использовавшие самозабвенное стремление интеллигенции к социальной справедливости для захвата власти.

Сомнение интеллигенции в своём праве на истину столь же свойственно её сущности, как и врождённая любовь к правде. Большую и лучшую часть этого парадоксального сословия всегда составляют его обличители. Наиболее радикальным критиком и наивысшим авторитетом русской интеллигенции был яснополянский Лев Толстой. Пожалуй, именно в нём русская мысль достигла онтологической полноты и надломилась под собственной тяжестью. Максимальная концентрация ума и совести претворяется в нём в этический максимализм, повёрнутый встречь вектору времени. Покаяние философской гордыни прозвучало на весь мир как призыв к опрощению. Уничтожение паки гордости... Эта экзистенциальная установка определила глубоко ошибочную стратегию на отказ от истории и возвращение в миф. Выходцы из народа, разночинцы, потянувшись душой вспять, в тёмное царство роевой общности и сермяжной правды. В зеркале русской революции интеллигенция увидела своё идеальное отражение — как некую искомую соборную личность... померещилось; нечистый попутал.

Саморастрата элиты исстари была проклятием русской жизни. Начало мятежному духу было положено... Бог весть, когда. Может быть, с Расколом. От пламенного слова протопопа Аввакума зачалась великая литература, ставшая литургией русской интеллигенции. От его смертного костра занялась трагическая традиция приносить себя в жертву идеалу. С каким-то

мазохистским упоением неужённые умы бились лбом в капитальные стены, раздували из каждой искры пламя мятежа — и сгорали от чахотки во глубине сибирских руд. Находя утешение в Евангелии от Иоанна: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя*. Александр Герцен, крёстный отец русской интеллигенции, бил в колокол и звал к топору. Александр Блок призывал интеллигенцию забыть о себе и *слушать музыку революции*. Он был уверен: кто платит, тот и заказывает музыку. Увы. Борис Пастернак на опыте узнал, что всё наоборот: кто заказывал музыку, тот за неё и заплатит. В поэме «Высокая болезнь», оглядываясь на события революции, он свидетельствует крушение народнических иллюзий:

*А сзади, в зареве легенд,
Дурак, герой, интеллигент
В огне декретов и реклам
Горел во славу тёмной силы,
Что потихоньку по углам
Его с усмешкой поносила
За подвиг, если не за то,
Что дважды два не сразу сто.*

Безответная любовь к народу выходила интеллигенции боком. Все издержки революции списывались на её врагов. А на эту роль прямо-таки напрашивались интеллигенты, так и не сумевшие научиться растворяться в народе без остатка. В остатке, выдававшем инородное тело, чувствовался неистребимый дух инакомыслия. Чтобы выветрить его из коммунальной жизни, интеллигентов арестовывали и расстреливали, высылали вон и ссылали в глушь, перевоспитывали физическим трудом и стирали в лагерную пыль...

Казалось, что интеллигенция, как и кулачество, обречена как чуждый класс. Лишь война приостановила процесс её искоренения. Оказалось, из книжных мальчиков выходят неплохие солдаты и отличные офицеры. Традиция самопожертвования была востребована на фронте и в тылу. Творческая интеллигенция поднимала моральный дух народа. Техническая интеллигенция создавала лучшее в мире оружие для сражающейся армии. А когда государству понадобилась атомная бомба, стало ясно, что без строптивых умников тут никак не обойтись. А физикам, чтобы они работали в полную силу, нужны лирики. Нужна своя среда, которую составляют врачи и учителя, философы и филологи, актёры и режиссёры, музыканты и поэты. Среда, способная к регенерации творческой атмосферы. Теоретики марксизма, не находящие для интеллигенции места в схоластической схеме классов, скрепя сердце признали за ней ограниченный статус *прослойки*. Феномен оттепели в конечном счёте сводится к началу нового вольномыслия на закваске старого свободолюбия. Лёд подтаял, и музыка воскресла. Интеллигенция

возрождалась из пепла и восставала из лагерной пыли. Интеллигенция множилась в числе и единилась в деле. Интеллигенция втягивала в круг своего влияния всё новые и новые массы людей, не желавших быть человеческой массой. Благодаря этому процессу жизнь в СССР в 60-е годы стала светлее, легче и богаче, чем когда-либо прежде.

Но вампиризм власти и конформизм массы свели на нет кумулятивный эффект творческого горения, охватившего прослойку. В атмосфере застоя энтузиазм задохнулся и оптимизм выдохся. Перестройка, замышленная как обновление коммунистического идеала, выявила его полное отсутствие. Что было дальше? Циничное использование прослойки в качестве прокладки между властью и народом в критические дни русской государственности. Авторитет элиты понадобился лишь для того, чтобы убедить народ в необходимости и неизбежности лишений, сопутствующих реформе. Может быть, власть на этом этапе и впрямь хотела как лучше, но вышло как всегда... все выгоды реформы оказались на счетах номенклатуры, а все издержки были списаны на интеллигенцию. Недолго музыка играла...

Этого испытания интеллигенция не выдержала. Степень её разочарования в себе оказалась прямо пропорциональна степени общественного унижения. Среда распалась. От интеллигенции в массовом порядке отошли те, кто составлял её критическую массу. Элита прослойки на европейский манер переписалась в интеллектуалы. Творческие союзы впали в коллапс. Энергичные люди устремились в средний класс. Оставшиеся на бюджете работники умственного труда готовы хоть сейчас перейти на положение госслужащих. Никто не хочет носить на себе позорное клеймо интеллигента. Последняя интеллигенция занята самоедством и переживанием своего исторического поражения.

Русская цивилизация, утратившая чувство аутентичности, в начале нового тысячелетия оказалась на распутье. Главный вопрос в том, какая парадигма будет признана основой национального менталитета: этическая или прагматическая? Что важнее для процветания страны и благоденствия народа: презумпция правды или предпочтение пользы? Интеллигенция — тот слой, где происходит критическая рефлексия нации над основными проблемами своего существования. Без этой неустанной и неуёмной работы духа все грёзы о величии нации не более чем мечты соборного идиота. Этой задачей обусловлен статус интеллигенции в обществе. Сергей Сергеевич Аверинцев, духовный лидер последней генерации русской интеллигенции, в интервью журналу «Континент» сформулировал эту задачу так: *«Особую обязанность интеллигента я вижу вот в чём: ему платят за то, что он занимается работой мысли, и он обязан делать это дело как следует, непрерывно подыскивая возражения самому себе и борясь за возможно большую степень свободы своей мысли от своих собственных личных и групповых предубеждений, травм, аффектов, не говоря уже о социальном заказе. Поэтому тот, кто занят мыслью, должен хотя бы в моменты мышления ощущать себя вне*

игры. Это означает обязанность распознавать собственные эмоции и отличать их от мыслей». Уклонение интеллигенции от своего нелёгкого удела безнравственно, а отлучение — катастрофично. Когда интеллигенция сливается с властью в державном экстазе, народ брошен на произвол истории. Когда интеллигенция уходит в народ страдать и рыдать о его судьбе, власть, оставленная без присмотра, дичает и вырождается в тиранию. Когда интеллигенция не исполняет своего призвания, нация вырождается.

Последняя русская интеллигенция доживает свой век в провинции. Я встречаю её неизвестных героев, сохранивших верность мысли и свободу совести не на пирах и парадах, а в сентиментальных прогулках по городу. Я узнаю их по меланхолической отрешённости от злобы дня и погружённости в свои сомнения. Я чувствую свою сопричастность к их судьбе и повторяю про себя строчки Бориса Пастернака:

*Мы были музыкой во льду.
Я говорю про всю среду,
С которой я имел в виду
Сойти со сцены, и сойду.*

Возвышенные и немножко смешные, они отличаются от прочих рассеянностью задумчивого взора и незавершённой встречного жеста. Их жизнь на закате, но мне кажется, что на них ложится лёгкий отсвет иного, незакатного света. Достоинство, с которым они переносят несчастье своей нужности, надёжнее всех дипломов свидетельствует их интеллигентность. Их гложет не зависть к успеху, а тоска по смыслу.

Если это наша последняя интеллигенция, значит, русская идея исчерпала себя, и скоро конец отечественной истории...

Пепел Аввакума стучит в моё сердце.

АЛЕКСАНДР ЛЕЙФЕР

СОБАЧЬЕ СЧАСТЬЕ

Реплика

Вчера была пятница. Как всегда по пятницам я пришёл в комнату, которую хорошие люди выделили для нашей писательской организации. На вахте мне отдали почту — какое-то казённое письмо, извещение на заказную бандероль и газету.

Пока работает почтовое отделение, решил сходить туда, благо это совсем рядом. С меня взяли 14 рублей за хранение бандероли, т. к. пришла она почти неделю назад, а мы-то бываем здесь только по пятницам. Членские взносы писательской организации истрачены на проведение недавнего семинара молодых авторов, пришлось заплатить из своих пенсионных. Квитанцию дали, но кому её показывать? Разве что жене, так она давно уже махнула рукой на подобные мои траты...

Как я и предполагал, в бандероли был литературный журнал, который нам бесплатно присылают из другого города. Редактор этого журнала — хороший парень, он распорядился присылать его нам бесплатно, зная, что подписаться нам на его журнал (в котором, кстати сказать, мы иногда печатаемся) не на что. Законно ли это — не знаю, поэтому название журнала лучше опущу.

Вернувшись в «нашу» комнату, я распечатал полученный казённый конверт. Оказалось, что Пенсионный фонд разыскивает одного омского писателя, оформляющего пенсию. Состоит этот писатель не в нашей писа-

тельской организации, а в другой, работающей в нашем городе параллельно. Но чиновники их адреса не знают, да и знать не могут, т.к. его просто напросто не существует. Несколько лет назад наших коллег попросили из занимаемого ими особняка, ибо они не смогли оплачивать коммунальные услуги и электроэнергию. Теперь они проводят свои собрания в помещении одного из музеев, название которого я на всякий случай приводить не стану — вдруг да это незаконно, и у администрации этого музея будут неприятности. Собирается «параллельная» писательская организация в музее, всё её нехитрое делопроизводство хранится на квартире у её руководительницы, а адреса, по которому можно было бы им послать письмо, нет. Вот и послали письмо нам — видимо, с расчётом, что передадим.

Я и в самом деле набрал телефон будущего пенсионера, и тот сказал, что тотчас же выезжает ко мне. Пока он ехал, я читал полученную газету. Это местный еженедельник, который тоже высылают нам бесплатно.

Среди материалов, напечатанных в свежем номере еженедельника, моё внимание привлекла заметка, озаглавленная «Бездомные собаки заберут из бюджета 85 млн рублей». Цитирую: «Куйбышевский суд вынес решение, согласно которому специализированные муниципальные организации по отлову и содержанию бездомных животных должны ждать не три дня, а полгода с момента отлова животного на тот случай, если у него найдётся хозяин. Такое решение суда обойдётся городскому бюджету в 60 млн. рублей расходов на содержание псов в течение полугода и 25 млн. рублей на строительство дополнительных площадей» («Обозреватель», 18 декабря 2009).

Несколько ошарашенный этими астрономическими, по моим понятиям, цифрами, я в ожидании коллеги принялся от нечего делать считать: а сколько номеров альманаха нашей писательской организации можно было бы выпустить, если бы «отстегнуть» от 85 «собачьих» миллионов хотя бы один. Достал документы. В последний раз мы выпустили свой альманах в апреле. Счёт за него издатель выставил на 28 тысяч рублей. Из них на сегодняшний день удалось выплатить 19. Остальные зависли, т.к. помогавшие нам спонсоры взяли, как они не без изящества выразились, паузу в наших отношениях. В связи, естественно, с мировым экономическим кризисом. Наш издатель — хороший мужик, но недавно довольно строгим голосом спросил меня по телефону: «Как будем с тобой год заканчивать?..»

С подсчётами без калькулятора получалось плохо, но всё же через некоторое время я определил, что, если выпускать наш скромный альманах, как всегда, трижды в год, то миллиона нам хватило бы примерно на 11 лет. Даже с учётом ежегодного подорожания полиграфических услуг и материалов.

Но все эти подсчёты носили чисто умозрительный характер: никто никогда нам этого миллиона от предназначенных на бездомных собак затрат не «отстегнёт», ибо на строгом юридическом языке это называется перераспределением бюджетных средств и строго карается законом.

Рядом с не до конца оплаченным счётом лежат у меня грустные документы, оставшиеся от наших хождений по различным коммерческим структурам в поисках новых помощников альманаху. Все руководители этих структур говорили с нами об одном и том же. Да, да — о мировом экономическом кризисе... А в государственные органы мы теперь и не обращаемся — им теперь помогать общественным организациям, коей мы являемся, просто — напросто запрещено.

Альманах наш выходит с 1995 года, название его на всякий случай не привожу, поскольку при желании дотошный ревизор наверняка найдёт в его финансировании какие-нибудь случавшиеся за эти годы неправильности.

Наконец, подъехал за своим пенсионным письмом коллега-писатель.

— Спасибо, старик, — сказал он мне, — а то затерялась бы эта бумажка...

Мы стали обсуждать всякие литературные новости. Поговорили и на давно уже ставшую дежурной тему — о том, что Москва опять тянет с Законом о творческих организациях. А под конец я показал гостю заметку про собачье счастье. Прочитав её, он крикнул, продемонстрировал хорошее знание ненормативного пласта русского языка и, нахлобучив шапку, пошёл на мороз.

Омск,
19 декабря 2009 г.

АЛЕКСАНДР АГВОЛЬЕК

ПО СЛОВУ ТВОЕМУ...

Миниатюры, афоризмы, басни

ВЕЛИКАЯ МУДРОСТЬ БЫТИЯ

Совесьть — мерило нравственности. При исполнении заповедей Божиих нравственность становится достоянием личности. Исполнение заповедей Божиих и просто, и сложно. Простота — в их малочисленности. Сложность — в необходимости держать себя в постоянной нравственной узде, критерием которой является совесьть.

И Господь предварил итог постижения заповедей Его краткой и Великой Мудростью Своей: «Иго Моё — благо».

И действительно, тогда начинаешь вразумляться глубоким смыслом этой мудрости, когда от всей души вспомоществуешь ближнему своему, с любовью и внутренней теплотой отдавая людям частичку души, ощущая при этом душевную радость бóльшую, чем тот, кому было приношение.

А душа наша есть накопитель греховной сущности бытия. Очищение от грехов — это стремление к таинству молитвенного соединения с Богом. Молитва же без нравственной основы — пустое занятие. В конечном счёте, стремление не тащить в душе своей в мир иной всего того, что остаётся за пределами заповедей Божиих, и есть глубочайший смысл нашего краткого пребывания на этой красочной, величавой и вместе с тем грешной, Богом данной Земле.

МГНОВЕНИЕ

Найдёшь душе уют в строптивой непогоде, когда зимой, в снежную бурю переменёшь лесные вёрсты и, вырвавшись из обжигающих объятий Деда Мороза, вдруг окажешься у зимовища. В этот миг одновременное чувство усталости и покоя охватывает и плоть твою, и дух.

Чуть позже в охотничьей сторожке, удобно расположив стылое тело у жаром пышущей печурки, маленькими глоточками наполняешь себя, словно волшебным эликсиром бодрости, обжигающим, свежесваренным, ароматным от лесных душистых трав, чаем. И чувствуешь, как чудотворный напиток вытесняет усталость.

По телу ласковыми волнами разливается ни с чем не сравнимая блаженная истома.

Сквозь поволоку дрёмы начинаешь следить за живыми переплясами огня, постепенно окунаясь в мир сказочных грёз. До слуха доносится потрескивание и шипение сгорающего сухостоя, как бы шепчущего о метаморфозе бытия. Шёпот огня переплетается с кажущимся однообразием гудения ветра, пролетающего над лесом.

Переключив внимание, улавливаешь: порывы вьюги доносят скрипы и стоны деревьев. Им вторит своим уханьем сова. Частый перескрип снега под копытами пронёсшегося мимо зимовника стада лосей вносит своеобразие в лесную гамму звуков. Дальний вой волка как бы завершает партитуру удивительной композиции. На секунду всё стихает, будто природа наполняет легкие для исполнения следующего своего музыкального шедевра. Вероятно, ею — Матушкой — разумно предусмотрена слаженная соразмерность звуков, в которой рождается умиротворенное согласие души и плоти твоей — этой Великой Гармонии Природы.

* * *

Проторённой тропой полегче идти.
Это — истина жизни, как ни крути.
Только думаю я — чтобы счастье найти,
Не с ноги нам идти по чужому пути.

* * *

И лбы есть схожие со лбом Сократа.
Но каждый ли — ума палата?

НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ

Если взгляд уронить на луга
К восходящему солнцу,
Пока Слёзы дождя не простыли в ночи,
То роса на траве предстает перед ясные очи,
Словно россыпи жемчуга
Кто-то щедро рассыпал вокруг...

* * *

Чем больше изучаю знать,
Тем меньше бы её мне знать.

ИСПЫТАНИЕ

Чем хищника искать в Природе,
Легко найти его в народе:
Дай человеку власть и золото без меры,
Узришь ты хищника без совести и веры.

* * *

Успех сопутствует удаче,
Когда и красота, и интеллект, и ум
Сопровождаются на пьедестале не иначе,
Как созданный рукоплесканьем бум.

* * *

Не вознесись на пьедестал Почёта
Наполненным гордынею в себе.
Людей, затоптанных тобой, не будет счёта,
Они с проклятьем вспомнят о тебе.

ДЕЛЁЖ

В одном поместном доме на природе
Сидели Волк, Шакал, Лиса — друзья, в каком-то роде.
Делили царский дар — большой пирог,
Который для троих уж явно был широк.
Сидели, спорили,
Проекты строили:
Как переделать жизнь зверей,

Чтоб звери жили посытней,
Чтоб были светлыми не только дни,
Но даже вечера,
Чтоб завтра было лучше, чем вчера.
Но каждому из трёх нет дела до зверей –
Урвать бы самому кусочек пожирней.

**Когда келейно делится пирог,
То нас с тобой не пустят на порог.**

ЛИСА И ОВЦЫ

Лисицу воеводою над овцами избрали...
Овец, кому не лень, все драли.
Подумалось овечьему народу:
«Лиса хитра, вольна, красива, деловита,
За ней не числится большая свита.
Для нас лиса — что на душе елей.
Как хорошо, что править нами ей.
А если бы мы выбрали уroda
Из своего народа,
Дальнейшей жизни не было бы хода...»
Лиса под новый чин,
Без надобных на то причин,
Ретиво круг расширила из собственного рода:
Друзей, знакомых, кумовей,
Кто выгодней и кто родней.
А лисьи плутни — чем они берут?
Овец стригут
Красиво без нажима.
С овцы-то — клочок, со стада, брат, — нажива.
Коль мало от овец, то из казны крадут.
Вот не прошло и года,
Не стало вовсе шерсти у овец.
И пожалели овцы наконец,
Что не избрали воеводою уroda.

**Прошло годков пять-шесть.
С овец не только шерсть,
И шкурки полетели.
На память об овце –
Заказ на памятник большой
У Церетели.**

* * *

- Справедливость кончается там, где всё наше становится моим.
- Тело человека — это футляр его души.
- Власть — при дворцах, подчинение власти — в хижинах.
- Если жизнь великих разложить на составляющие, то о многом, способствовавшем величию, великие предпочли бы умолчать.
- Чёткая формулировка поставленных задач стимулирует слаженное их исполнение.
- Суть капитала: мне всё мало...
- Зло свирепствует, когда добро молчит.
- Где душа чиста, там путь праведный.
- Объективность утверждает веру в справедливость.
- Своя маленькая болячка больнее чужой большой боли.
- Горе подданным, если низкий человек занимает высокие должности.
- Твори добро, сей промысел угоден Богу.

ЗАКОН ВСЕМИРНОГО ТЯГОТЕНИЯ

Очерк

ОБРАЩАЮСЬ К ТЕМ, КОМУ ПЕРЕВАЛИЛО ЗА СОРОК, А ТО И ЗА ПЯТЬДЕСЯТ, — ХОТИТЕ ОЩУТИТЬ СЕБЯ ДЕСЯТИКЛАССНИКАМИ? Если — да, то могу дать совет: разыщите своего любимого школьного учителя и напроситесь к нему на урок.

Я так и сделал. Учитель рассказывал о законе всемирного тяготения:

— Заслуга Ньютона состоит в том, что земную силу тяжести он вынес в космос и доказал — все тела во Вселенной притягиваются друг к другу. Астрономы, например, долго не могли понять, почему Уран ведёт себя почти так же плохо, как и некоторые наши ученики. Оказалось, во всём виновата неизвестная ранее планета, которая притягивала к себе Уран, как некоторых наших учеников притягивают к себе одноклассники. Ты не прав, Фадеев, это была не Венера, это был Нептун.

Вот так, под дружный хохот десятого «Б» я возвращался мысленно в самое начало шестидесятых...

* * *

Помню торжественную школьную линейку в честь полета Гагарина. На ней я, кажется, впервые обратил внимание на нашего невысокого, очень подвижного и азартного завуча. Он и вёл-то себя совсем не по-учительски. Глаза его сверкали восторгом и гордостью:

— Ура! В космосе мой тёзка!..

Однажды на уроке астрономии завуч обнаружил, что я не слушаю его, а читаю что-то под партой.

— Ну-ка, покажи, — протянул он руку за книгой.

Я готов был расплакаться, полагая, что заветный зеленоватый том не вернётся ко мне больше никогда. Ведь в школе эта книга, недавно впервые изданная, была запрещена. Но реакция учителя была неожиданной.

— Есенин?! — удивился он.

И совсем уж по-мальчишески:

— Где взял? Дай почитать!

Этим всё и закончилось. А через некоторое время мы вместе выпускали сатирическую стенгазету. И я признался учителю, что пишу стихи. Никому не открывал своей тайны, даже девчонке, которая нравилась, а ему сказал! Сказал и то, что мечтаю поступить на факультет журналистики...

И вот школа позади. Я начал работать в райконторе связи — нужно было набрать двухгодичный трудовой стаж для поступления в университет.

Однажды мы радиофицировали площадь к Первомаю. Забравшись на телеграфный столб, я приколачивал репродуктор. Вдруг вижу — внизу проходит мимо мой учитель.

— Юрий Иванович, здравствуйте! — крикнул я. Он остановился и задрал голову:

— Привет! Ты что там делаешь?

— Да вот... работаю.

— Ну давай, давай...

И пошел было дальше своей дорогой. Однако, сделав несколько шагов, остановился и вновь повернулся ко мне:

— Слез бы ты на минутку.

Я покорно спустился на землю.

— Вырос-то как! — отметил Юрий Иванович. — Уже выше меня на полголовы... Послушай-ка, ты ведь, кажется, хотел в редакции работать?

— Хотел! И сейчас хочу.

— Так в чём дело?

— Вот стаж зарабатываю.

— Ну-ка, пошли со мной.

— Куда?

— Как куда? В редакцию.

Я скептически усмехнулся, звеня монтерской цепью, — дескать, кто меня там ждёт!

Оказалось — ждали. Ответственным секретарем в редакции работала жена Юрия Ивановича. Это она просила подыскать паренька из числа выпускников на скромную должность выпускающего.

О таком предложении я ещё вчера и мечтать не мог. И вскоре в «Знаменке» (так называли челнинцы районную газету «Знамя коммунизма») стали появляться не только мои репортажи и зарисовки, но и стихи.

С тех пор и пишу. И не вправе забыть, что в газету меня буквально за руку привёл Юрий Иванович Корнев, мой учитель. Привёл и передал своей жене Розе Гильмеевне, а также редактору «Знаменки» Анатолию Якимовичу Артемьеву, которые воспитывали меня ещё полтора года, вплоть до призыва в армию.

Везло мне в жизни на хороших людей. Парнем я рос хулиганистым или, как ныне принято говорить, трудным. Кто знает, как бы сложилась судьба, если бы не их влияние...

* * *

Олег Малобродский, Фоат Нурутдинов, Ирек Галеев, Альберт Петров, Валерий Байнов, Николай Дмитриев, Евгений Мещанов учились в первой школе после меня. Геннадий Иванович Филатов чуть старше всех нас. Он и с Юрием Ивановичем-то познакомился после учёбы, в школьном спортзале, но дружил с ним до самой своей внезапной кончины, последовавшей в 2004 году. Вот и Олега, и Жени уже нет в живых. В числе учеников Корнева — большие начальники, врачи, рабочие, предприниматели. За плечами у каждого — значительный жизненный путь. Уже и вузы давно позади. Однако все долгие семидесятые-восемидесятые годы приходили в школу к Юрию Ивановичу каждое воскресенье. Иногда, если удавалось, и по четвергам. Дело в том, что в школе с 1966 года существует волейбольный клуб «Выпускник». Неформальный, так сказать, нигде не зарегистрированный. Собираются и ветераны, и новички, играют для души (кстати, вполне прилично). А самое главное — раскрепощаются, вновь становятся мальчишками. Каждому такого заряда на неделю хватает. А недели-то нынче у нас ох какие трудные!

— Ничего бы этого не было, если бы не Юрий Иванович, — рассказывает Фоат Нурутдинов. — Он нас этой страстью заразил ещё в школе. Бывало, ключи подделывали, чтобы попасть в спортзал. Придёт уборщица, выгонит, милицией пригрозит. А мы — к Юрию Ивановичу, за защитой. Он и говорит; что ж, раз такое дело, давайте вместе играть. Вот и играем. Уже больше тридцати пяти лет...

В школьные годы мы часто любовались игрой учителя со стороны. Несмотря на маленький рост (162 см), он выпрыгивал над сеткой, резал мяч, ставил блок. А при серьёзной игре был обычно в команде «связующим».

В студенческие годы Юрий Иванович выступал за сборную Казанского университета, которой приходилось встречаться и с командой авиационного техникума, и с «Динамо», где играл знаменитый впоследствии чемпион мира, капитан сборной страны и ЦСКА Нил Фасахов.

— Уникальный волейболист, — вспоминает Юрий Иванович. — Единственный, кто в своё время одинаково сильно бил и с правой, и с левой руки.

В начале восьмидесятых в Челнах проводились соревнования на приз Нила Фасахова. Две встречи в рамках этих соревнований прошли в первой школе. Корнев взял, да и пригласил чемпиона в свой клуб. Тот, во-первых, узнал давнего «коллегу», а во-вторых, согласился прийти. Вот и вспомнили молодость, сыграли несколько партий.

— А твои ребята — молодцы! — сказал тогда Фасахов.

Был ещё вечер встречи с чемпионом, который Юрий Иванович устроил в школе на радость участникам соревнований и своим ученикам. Нил начал выступление с фразы: «А я играл когда-то с вашим директором...»

Юрий Иванович с юмором рассказывает о таком курьёзе. Однажды он участвовал в первенстве школ города. В каждой команде по положению должны были играть четверо мужчин и две женщины. Физрук первой школы попросил судейскую коллегию разрешить вместо одной из женщин сыграть ветерану. Услышав о возрасте игрока, представители других школ возражать не стали. Как же они сожалели об этом, увидев ветерана на площадке! Команда школы № 1 стала чемпионом среди городских школ. Юрию Ивановичу был вручён диплом «самого грамотного игрока».

— Со школьной скамьи Юрий Иванович для меня — пример разносторонней увлечённости и особой преданности волейболу, — вспоминает рабочий горэлектросети, выпускник восьмидесятых Сергей Флягин.

— Глядя на него, и мы собираемся играть до пенсии, — говорит Василий Глухов, начальник управления «Гидроэлектромонтаж». — Он до сих пор учит нас держать себя в форме.

Вот это, видимо, очень важно для всех учеников Корнева. И речь тут можно вести не только о физической форме, в которой следует себя держать, но и о форме нравственной. Что притягивает детей к Корневу, какой закон всемирного тяготения? Роза Гильмеевна рассказала мне, что в годы директорства Юрия Ивановича некоторые старшеклассницы делились с ним сердечными тайнами, приходили к нему, как на исповедь. Откуда такое абсолютное доверие?

— Есть два типа руководителей, — говорит учитель. — Авторитарный и демократический. Я убеждён, что в школе имеют моральное право работать люди только второго типа.

Корневу можно довериться, вот в чём дело! Стоит ли говорить, как это важно для подростка?! К общению с ним тянет и то, что человек он талантливый, разносторонне одарённый. Юрий Иванович не только спортсмен, но и музыкант, и артист, и певец, и автолюбитель, и садовод. И литературу, в частности поэзию, он знает не понаслышке, может наизусть читать главы из поэмы Твардовского «За далью даль», многие стихи Василия Фёдорова, Александра Яшина. А уж об астрономии и говорить не приходится — звезды его по-прежнему интересуют.

— Он прививал нам любовь не только к волейболу, но и к правде во всём — в жизни, в искусстве, — вступает в разговор Альберт Петров, генеральный директор УКС «Камгэсэнергострой». — Едва ли не весь репертуар Высоцкого мы в исполнении своего наставника не раз с удовольствием выслушивали. Только не под гитару, а под баян. А ведь рисковал Корнев, ой как рисковал! Сам знаешь, какое отношение к Владимиру Семёновичу со стороны официальной власти было в шестидесятые и семидесятые годы. А он, директор школы, пел нам тогда «Протопи ты мне баньку по-белому...». Представляешь!

Представляю. Потому что сам не раз слышал. И надеюсь ещё услышать. Дай только Вам Бог здоровья, Юрий Иванович!

В 1978 году Корнев неожиданно слёг. Печень, желудок — всё болит. И вес падает. Несколько месяцев это продолжалось. Врачи долго не могли определить, в чём дело. Время и умный невропатолог «открыли ларчик». Просто оказалось нервное перенапряжение, связанное со сносом старого здания школы на Советской площади, которая попала в зону затопления Нижнекамской ГЭС, и со строительством нового здания...

Перевоплонились мы тогда за Юрия Ивановича. Ребята из волейбольного клуба — в особенности. Без Корнева атмосфера в нём становилась не та.

Общеизвестно, что без ядра ослабевает притяжение планет, электронов, да и людей друг к другу.

Все вздохнули с облегчением, когда учитель выписался из больницы. Его первый визит в спортзал совпал с днём рождения. Ничего не подозревавшего именинника встретили настоящим парадом! Команды выстроились, и в торжественной тишине прозвучал сочиненный волейболистами вердикт о том, что Юрий Иванович Корнев пожизненно провозглашается президентом только что созданной и нигде ещё не зарегистрированной общественной организации «Челнинское землячество».

А в подарок он получил спортивный костюм.

* * *

Пятый десяток лет работает мой учитель в челнинской школе № 1. Не сойду, если скажу, что она стала для него смыслом жизни. А у нас, выпускников (это у скольких же поколений?), родная школа ассоциируется с ним, с Корневым.

Школа под его руководством во многом соответствовала своему порядковому номеру. Стабильность руководства и учительских кадров, разумные добрые традиции, постоянное стремление к творчеству определили её авторитет среди учащихся и их родителей. Директор любил повторять, что в коллективе должна царить атмосфера «справедливости без придирчивости, доброты без слабости, строгости без педантичности. А главное — постоянная разумная деятельность».

Он умел её создавать, добиваясь, чтобы каждый учитель работал не за страх, а на совесть. И школа по праву отличалась высоким уровнем учебно-воспитательной работы.

Но в 1994 году Корневу пришлось оставить пост директора школы. Не угодил он одному из временщиков — начальников от народного образования. Он вообще не любит угождать, чему в значительной степени и нас научил. В «верхах» вспомнили о возрасте, предложили заслуженный отдых.

С той поры Юрий Иванович — «Заслуженный учитель школы ТАССР», «Отличник просвещения РСФСР», «Отличник просвещения СССР», а с 2001 года «Почетный гражданин города Набережные Челны» — «отдыхает» в качестве рядового педагога. Свою школу оставить он не мо-

жет. Его опыт и авторитет помогают сегодняшней администрации поддерживать в «первой» атмосферу доброжелательности, творчества и высокой работоспособности. В 1994-ом Юрий Иванович сделал всё от него зависящее, чтобы бразды правления перешли не к случайному человеку, а к Розе Ахатовне Биковой, работавшей с ним в течение 15 лет завучем.

Роза Ахатовна так же, как

и многие нынешние учителя первой школы, в свое время получила аттестат о среднем образовании из рук все того же Корнева...

Как и прежде, каждое утро рабочий день Юрия Ивановича начинается со школьного звонка. А по вечерам...

Недавно он мне позвонил:

- У тебя не найдётся времени посмотреть мои записи?
- Конечно, найдётся, Юрий Иванович. А что за записи?
- Да вот, фиксирую на бумаге кое-какие мысли относительно новой реформы образования, будь она неладна. Опять всё хотят перевернуть с ног на голову, опять обезьянничают перед Западом, забывая, что советская школа была на голову выше любой американской...

«Ага, — соображаю, — не зря, выходит, я искушал учителя, предлагая ему засесть за письменный стол. — С его-то опытом... Посмотрим, посмотрим. Возможно, и публикация состоится».

Не собирается Юрий Иванович стареть и на семьдесят восьмом году жизни. На старый Новый год получившая широкое признание в городе и уже официально зарегистрированная общественная организация «Челнинское землячество» собирается на свой «мальчишник» во Дворце культуры «Энергетик». Встреча начинается с урока, сопровождаемого стихами, песнями, шутками в исполнении нашего учителя — пожизненного президента землячества.

Мы слушаем его и радуемся тому, что действие закона всемирного тяготения в нашей школе и в нашем городе не ослабевает.

ИЗДАНО В РОССИИ

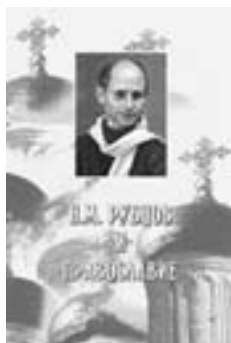
НАТАЛЬЯ ПЕРВОВА

Н. М. Рубцов и православие.

Сборник статей о творчестве Н. М. Рубцова. Москва, 2009. 430 с.

Об авторах. Их двадцать четыре. Это и мэтры отечественного литературоведения В. Кожин, А. Ланщиков, М. Лобанов, и однокурсник Рубцова по Литературному институту профессор А. Чечетин, и поэт А. Романов, и композитор А. Висков, и Высокопреосвященный архиепископ Вологодский и Великоустюжский Максимилиан и другие.

Много книг написано о жизни и творчестве Н. М. Рубцова. Но поэзия, как и любой другой вид искусства, нескончаема в познании мира и себя через неё. И вот новый ракурс. Н. Коняев, автор многих художественных и документальных книг, в том числе и биографий Рубцова пишет: «Открывая любое стихотворение Рубцова, мы как бы окунаемся в тот русский пейзаж, который создавали наши предки, глубоко и искренне верившие в Бога, веками через себя по-Божьи воздействовавшие на природу, и она преображалась, становилась отражением познавшей Бога души.

Живительным образом воздействует этот пейзаж на душу читателя-христианина, даже если этот христианин и не знает, что он христианин».

Редкую книгу хочется иметь в домашней библиотеке. По понятным причинам. Эту — хочется. Разные авторы, разные взгляды, собранные под одной обложкой, делают общее дело — помогают глубже понять творческое наследие выдающегося русского поэта минувшего века.

Николай Перовский. **Журавли не только улетают...**

Стихи, проза, воспоминания. Орёл, 2009. 474 с. Первое посмертное издание.

Талантливый русский поэт и прозаик, автор многих художественных книг Николай Перовский прошёл трудную жизненную школу. Сын репрессированных родителей, детдомовец, «воспитанник колхоза» в Узбекистане, он рано познал голод, бродяжничество, тяжёлую работу, и в то же время — взаимовыручку, товарищество, свет, идущий от доброго человека. Богатый жизненный опыт естественным образом отразился в творчестве. Точность образов, глубокое чувство, чистый русский язык, философичность стихов Перовского уже оценили наши читатели, познакомившись с ними в первом номере альманаха.

Новая книга предлагает не только стихи разных лет, но и прозу — повести, рассказы, воспоминания, написанные так же — в лучших традициях русской литературы.

Владимир Спектор. **Мальчик с улицы Английской и другие...** Луганск, 2008. 472 с.

Об авторе. В. Спектор, инженер по образованию, известен в своих краях как поэт, издавший около двадцати стихотворных сборников, лауреат нескольких литературных премий, руководитель одного из двух профессиональных писательских союзов в Украине.

Новая книга В. Спектора — плод его журналистской деятельности. Это очерки, интервью, зарисовки о земляках. Казалось бы, другая страна... Но ведь границы существуют в политике, а в духовной жизни людей, тем более, в литературе — их нет. Любому читателю, взявший в руки эту книгу, не пожалееет: так много в ней интересного.

Так кто же этот мальчик с улицы Английской? Оказывается, не кто иной, как сам Владимир Иванович Даль, уроженец Луганска, составитель «Толкового словаря живого великорусского языка».

Но помимо главного дела своей жизни — лексикографии — Даль был ещё врачом, моряком, инженером, писателем, музыкантом, наконец, автором учебников по ботанике и зоологии.

О «других» из названия книги. Это известный род Алчевских, давший название городу в Луганской области. Это Татьяна Снежина, в начале 90-х яркой звездой мелькнувшая на небосклоне бардовской песни — поэтесса, музыкант, исполнитель. Это, наконец, молодогвардейцы. В последнее десятилетие любителями переписывать историю неоднократно предпринимались попытки опорочить подвиг юных героев. Как и книгу о них — «Молодая гвардия» и автора её А. Фадеева, которого А. Ахматова называла «большим писателем и добрым человеком».

Но правда восторжествовала. Об этом написаны десятки книг, статей, очерков, монографий, диссертаций. Восстановлены аллея «Молодой гвардии», разрушенные могилы, украденные бюсты героев. Обо всём этом — в книге В. Спектора.

Борис Орлов. Россия куполами колосится. Санкт-Петербург, 2009. 160 с.

Об авторе. Б. Орлов — офицер-подводник, ныне капитан первого ранга в отставке. Окончил Литературный институт им. М. Горького, возглавляет Санкт-Петербургское отделение Союза писателей России. Автор пятнадцати стихотворных сборников, лауреат нескольких литературных премий.

В поле зрения поэта — современный мир, в котором «есть место для предательства и денег, но нет ни для любви, ни для души». Такой мир поэт не приемлет. Куда идти, где искать ответа? Поэт точно определяет адреса: отчий дом и Божий храм. «Словно Богоматерь на иконе, //Мать моя в распахнутом окне». И — «Заблудившись в народе, //Ищем к Богу пути». Здесь мир автора: «Милое доверчивое счастье — //Жить открыто, словно песню петь».

Конечно, это не безоблачное счастье. Оно с горькими раздумьями о судьбе российского флота, об истории страны. Тут и муки совести, как у многих нынешних горожан, за деревню, оставленную позади себя на медленное умирание. Но всё-таки жизнь движется, и поэт видит все её лики. «Я люблю, как поёт зима //Под органы кирпичных труб. //Печи топятся, а дома //Жаром дышат, словно тулуп. //Я берёзовый веник в ушат //Брошу — баня мой рай земной. //А дощечки полка дрожат, //Словно клавиши, под спиной».

Лев Кожевников. Вятские охальные сказки и побывальщины. Казань, 2008. 188 с.

Об авторе. Л. Кожевников — прозаик, драматург, член Союзов писателей России и Татарстана, заслуженный деятель искусств РТ, лауреат нескольких литературных премий.

Представляя своё произведение читателям, автор пишет в предисловии: «Это типичные байки из подворотни, охальные, с элементами баснословия, иногда откровенного вранья, когда вполне реальные события самым причудливым образом переплетаются с выдумкой и домыслами». Всё это обуславливает стиль и язык повествования с обильным использованием ненормативной лексики. Согласно словарю В. Даля охальник — бесстыжий озорник и похабник. Поскольку нынешней демократией открыты все шлюзы в русскую лексику, читателю самому решать, как относиться к данной особенности книги. И в то же время нельзя не

отметить, что написана она очень хорошим русским языком с использованием вятских диалектов. А уж о юморе, почерпнутом из глубин народной жизни, и говорить не приходится.

Николай Рачков. Летящие в пламени. Санкт-Петербург, 2009. 336 с.

Об авторе. Известный поэт современности. Автор многих стихотворных сборников, лауреат нескольких литературных премий, секретарь правления Союза писателей России.

Читатели «Аргамак» уже имели возможность познакомиться с творчеством Н. Рачкова: в предыдущем номере альманаха (№ 2) была опубликована подборка его лирических стихотворений «Выше радости и грусти». Судя по откликам, стихи этого автора никого не оставляют равнодушным. Они истинно русские — по языку и болевой глубине чувства, они, как и автор, знают «цену этой жизни горевой, где о землю, не о сцену, бьются буйной головой...»

Новая книга поэта — ещё один шаг навстречу и почитателям его таланта, и всем любителям поэтического слова.

Ольга Кузьмичёва-Дробышевская. Одноклассники. Письма в будущее.

Набережные Челны, 2009. 336 с.

Об авторе. О. Кузьмичёва-Дробышевская имеет педагогическое и музыкальное образование. В прошлом — педагог и журналист, ныне — слушатель Высших литературных курсов при Литературном институте им. А. М. Горького. Поэтесса, самодельный композитор и исполнитель песен и романсов. Член Союза российских писателей.

Книга «Одноклассники. Письма в будущее» из серии «Челнинские биографии» написана на одну из самых для нашего времени злободневных тем — о школе. Автор не имеет цели давать оценку проводимой школьной реформе, а рассказывает об одном из классов набережночелнинской средней школы № 20: о ребятах, которые выпустились в 1980-м году, какими они стали; о тех, кто и как их учил. И задуматься тут можно о многом...

Каждый факт книги имеет точное время и место действия. Здесь то умозрительное, а то и действенное участие ребят в жизни строящихся города и завода. Описание походов, первых влюблённостей, школьных вечеров, наконец, уроков — во взаимодействии учителей и подростков. С тонкими нюансами воспитательного процесса. И всё это с таким проникновенным лиризмом, присущим автору во всех её работах, что отдельные главы книги читаются не как документальная повесть, а как художественное произведение.

Именно поэтому, несмотря на рамки документального жанра, автору удалось образы героев — и школьники, и учителя встанут со страниц книги живыми людьми в их повседневных делах. Педагоги — истинные учителя своей эпохи — советского времени — интеллигенты, уважаемые обществом и понимающие свой долг перед ним. И подростки — с их неуёмным любопытством к окружающему, первыми раздумьями, первыми поисками справедливости.

Книга интересна для обоих поколений. Для родителей — воспоминаниями о юности, быть может, новой попыткой осмысления, а то и анализа собственной жизни. Для детей — это история малой родины, это сверка ценностей отцов и детей. Неспроста книга снабжена подзаголовком: письма в будущее...

Дмитрий Казарин. Завязь. Астрахань, 2009. 112 с.

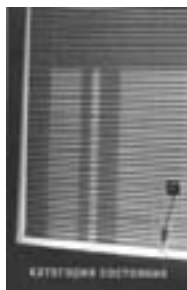

Это третий сборник стихов астраханского поэта. Они у него самобытные, казаринские: живут порой по своим законам, а не законам жанра. Но не это главное в них, а правда жизни. Без прикрас. С нищетой, барачным жильём, глинистым кладбищем, ночными разборками «братков», существованием семьи на мамину пенсию, строем просящих подавание инвалидов и многим другим. Что, конечно же, не увидит тот, которого нынче называют успешным за умение успеть отхватить. Но видит чуткая душа поэта, на которой отпечатываются (клеймами или медалями?) болевые точки времени и прорастают стихами.

Некоторые строки затрагивают драматичностью, но рядом — неожиданный поворот в сторону юмора. Спасительное русское качество. Может, потому и держимся ещё, что сподобил Господь смешивать слёзы боли и смеха. К нему, Творцу, обращается поэт в псалмах — где с просьбой порадовать Отчизне, а где и с укоризной: «А ныне, Господи, отринуты Тобой, // мы пьём бесславья горестную чашу...» Но ведь не услышит Россия правдивых стихов: тираж мизерный. Да и изданы в глубинке...

* * *

Лейсан Юнусова. Категория состояния. Казань, 2007 г. 125 с.

От автора: «Я работала в Татэнерго... я настолько прониклась значимостью труда в энергетике, что всякое рифмотворчество казалось мне делом простым и незначительным: от него уж точно не зависит благополучие миллионов людей, не зажигается свет в домах...

Теперь я знаю, что поэзия — это так же важно, как энергетика, а может, даже ещё важнее: от неё зависит благополучие человеческих душ, она зажигает сердца и рождает энергию чувств и стремлений — не менее созидательную и мощную».

Энергия чувств — это и есть категория состояния Л. Юнусовой и главный стержень её стихов. От полутонов до ярких пятен, от начальных нот до самых высоких. «Мне так хочется слова — // Одного, настоящего. // Своей сутью простого, // Своей силой пронзающего». Первая книга Л. Юнусовой состоялась и остаётся добавить только, что это книга — перевёртыш: с одной стороны стихи на русском языке, с другой — на татарском.

* * *

Константин Папуниди. Встречи в тумане. Казань, 2009. 160 с.

Автор поэтического сборника — врач, выпустивший свою первую книжку и имеющий греческие корни. Что отраднo, не ставший Иваном, не помнящим родства: «За седыми далями // Холоднее стали мы: // Ни родства, ни веры, ни любви. // Только моря Чёрного // Сила непокорная // Не угаснет в преданной крови».

Орбита лирического героя стихотворений Папуниди — его время из красок и звуков, ощущений и настроений, вызванных то находкой, то потерей. Тут и русская печка («холод дум моих чувствует и бурчит»), и «книг затёртые страницы», которые «мы листать быстрее стали» («Свято веря, что узнали // Всё про чувства и про лица»), и яблоки в мамином саду заброшенной дачи... Стихи Папуниди искренни, как может быть искренна душа, взыскующая любви и света.

Я проще любить не умею,
Вздыхну и уйду.
Звездой одинокой истлею
И слов не найду.

.....
Я проще сказать не умею,
Уж лучше смолчать.
И на ночь осенней аллее
Оставить тетрадь...

Олег Лоншаков. **По обе стороны окна. 87 с.**

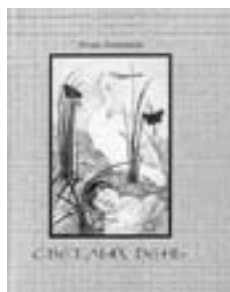
Игорь Лоншаков. **Светлый день. 60 с.** *Набережные Челны, 2009.*

Для Олега эта книга-перевёртыш — дебют в поэзии, а для Игоря — вторая попытка оседлать Пегаса. Лоншаковы — родные братья. Но книга уникальна не только своей оригинальной формой и родственными узами авторов. Каждый человеческий опыт неповторим. А отражённый в поэтическом — тем более.

Олег Лоншаков ясен, прост, он изначально знает, «из какого сора растут стихи». Акцент в ахматовской цитате в данном случае следует делать на слове «стихи». В них есть подлинность, парадоксальность, острый, неожиданный взгляд на мир и незаёмная интонация.

Игорь Лоншаков — весь «родом из детства». Свежесть, чистота восприятия природы и человеческих отношений — это его радость, отсутствие свежести и чистоты — его боль. Несомненно, что вместе с автором такие же чувства будут испытывать и читатели, не равнодушные к тонкому поэтическому слову.

* * *

Марина Сальтина. **Поездка на Монтеррей. Москва, 2009. 240 с.**

«Герои гротескных миниатюр Марины Сальтиной — наши современники и современницы, застигнутые врасплох нелепостями перестройки. Внимательный взгляд автора движется вслед за ними, подобно кинокамере, фиксируя стоп-кадры — странные, забавные, смешные, грустные, трагические и анекдотические ситуации, в которые загоняет простого человека духовная нищета и социальная слепота безвременья.

Сборник юморесок Марины Сальтиной легко и органично вписывается в традицию отечественной литературы, сверкающую именами Антоши Чехонте, Тэффи, Саши Чёрного, Ильфа-Петрова, а также Михаила Зощенко, Жванецкого и Задорнова».

Так написано в аннотации к этой книге, изданной в Московском издательстве «Голос-Пресс». К этому невозможно что-то добавить или прибавить в мини-рецензии.

СМЕХОТЕРАПИЯ

МАРИНА САЛЬТИНА

МЕЧТА

Слава придёт — это он знал твёрдо! Когда? А вот когда он напишет грандиозный роман, нетленку, как любят зубоскалить писатели-циники. За что, возможно, получит Нобелевскую премию.

Работая в редакции газеты, он сочинял рассказы и посылал их в разные толстые журналы. Журналы его рассказы не печатали, в переписку не вступали. Но он не терял надежды.

А вот фамилия подкачала. Ну, разве можно было создать нетленку с фамилией Василий Обьедков? Он и рассказы свои подписывал — «Обов», пропуская неприличную середину.

Он мечтал о фамилии настоящей, благозвучной, хорошо бы — двойной. Были же Мельников-Печерский, Мамин-Сибиряк, Мусин-Пушкин. На худой конец, Немирович-Данченко.

К писателю же с фамилией Обьедков муза не прилетит никогда.

Друзья и сослуживцы недоумевали, почему он так привередлив в выборе кандидатуры будущей жены. Сколько вокруг него было девушек! И каких! Вот Таня Огрызкова — красавица, умница — что ещё нужно? Но ни одна так и не смогла выдержать экзамена на роль жены.

Женился он на серенькой мышке. Зато фамилия у неё была — Потёмкина! И Вася взял девичью фамилию жены. Теперь он смело подписывал свои рассказы — Василий Потёмкин!

Друзья и сослуживцы за спиной смеялись — надо же, вот чудило!

А Вася был счастлив. Теперь уже можно было приступить к созданию нетленки. И он смог бы написать на первой странице свою звучную фамилию. Потёмкин — это звучит гордо!

На сотворение нетленки времени всё как-то не хватало.
Но любимый Васин тост: «За сбычу мечт!» — оставался актуальным.

Тем временем племянница жены подросла и вошла в возраст невесты.
Вася живо интересовался женихами племянницы. О чём уж он с ними беседовал — никто не знал. Но наметилась странная тенденция: после общения с Васей женихи бесследно исчезали.

Одного он всё же от дома не отваживал и привечал. Жених так себе, невидный, неказистый. Зато фамилия у него — мечта! — Таврический.

И племянница жены вышла-таки за этого неказистого и стала — Таврическая.

Опять же никто не знал, как Вася этого добился, а только уговорил он жену присоединить фамилию мужа племянницы к своей. А так как сам он приходился своей жене родным мужем, то смело прибрал к рукам новую фамилию.

И стал он — Потёмкин-Таврический!

Друзья и сослуживцы смеялись, но это не имело никакого значения.

Итак, всё было готово к осуществлению давней мечты, к написанию нетленки.

...Он сел за стол, положил перед собой пачку чистой бумаги и торжественно вывел свою драгоценную фамилию: Василий Потёмкин-Таврический. Далее следовало написать заглавие.

...Вася ждал вдохновения — муза где-то задерживалась.

Он знал, как творили великие.

Бальзак писал, стоя у высокой конторки.

Золя держал ноги в тазу с горячей водой.

Агата Кристи залезала в ванну и строчила на машинке, поедая яблоки.

Конторки у него не было. Горячую воду по причине лета отключили надолго, а ставить чайник было лень.

Он пошёл на кухню, выбрал яблоко и положил рядом с собой на стол.

...Ничего!

Тогда он полез в свою записную книжку — как у каждого уважающего себя писателя, у него, конечно же, имелаась записная книжка с сюжетами. Ну, может быть, не такая обширная, как у Чехова. Или как у его же героя Тригорина. Но имелаась.

Книжка была старая — Вася ведь давно копил сюжеты. Листы пожелтели и местами осыпались. Некоторые записи почти стёрлись, и восстановить их не представлялось никакой возможности.

Василий листал свою записную книжку в поисках сюжета. Так, что там?

«В зоопарке Германии живут пингвины-гомики. Под давлением секс-меньшинств пару решил не разлучать». Ерунда какая-то! На рассказ — и то не тянет!

«Павлин влюбился в бензонасос. Звук бензонасоса напоминает ему крик самки. Павлин ходит на автозаправку и кричит». Тоже не годится.

«Американцы защищают права кошек. А индейцев угробили». Не политкорректно.

«Генпрокуратура решила заняться развитием духовности своих сотрудников». Интересно, как это она делает?

«Зелёный цвет доллары приобрели во времена Гражданской войны 1861 года. Другой краски на складах просто не было». И что?

«Если каждый день съедать яблоко, можно продлить жизнь на три года».

...Муза не являлась.

Василий взъерошил свои уже седеющие волосы и устался на лист, где были выведены его имя и новая двойная фамилия.

Чего-то не хватало. Он грыз яблоко и мучительно думал.

И его осенило. Ну, конечно, его отчество — Иванович — явно не годилось!

Не хватало отчества тёщи! Она была Мефодиевна. И он бы стал — Мефодиевич!

И вот тогда... вот тогда... вот тогда...

Из яблока на него ехидно смотрел червяк.

ИНСТАЛЛЯЦИЯ

— Что? Что стряслось? — встревожилась Рина, услышав в телефонной трубке рыдания подруги Верки. — Кто-то умер?

— Не-е-е... — сотрясалась Верка в рыданиях.

— Ты умираешь?

— Не-е-е... — хлюпало в трубке.

— С работы выгнали?

— Не-е-е...

— Тогда что? — рассердилась Рина. — Опять не можешь решить конфликт Маленького принца и Розы?

— Ху-у-уже, — простонала Верка.

— Знаешь, что, подруга, вытри сопли и выпей валерьянки. Или водки. И тогда звони. По межгороду рыдать — дорого, — рывкнула Рина и бросила трубку.

Подруга Вера работала режиссёром в самодеятельном театре. За работу свою держалась. И боялась, что её, как пенсионерку, могут выпереть в любой момент. В трудных случаях звонила подруге Рине в столицу для решения различных вопросов.

Рина, к зависти Веры, была режиссёром профессиональным. Но в столичных театрах для Рины, выбравшейся, наконец, из провинции, места не нашлось. Поэтому она работала со студентами в вузе. Студенты — это ведь тоже самодеятельность. И Вера стала завидовать Рине меньше.

Ещё предметом зависти было имя. Рина по паспорту была Октябриной, подруга Анька — Иоанной. А она хоть по паспорту, хоть без паспорта была Верой. И ей нравилось, когда подруги великодушно называли её Верандой.

Кроме того, Веранда была заслуженным работником культуры и ветераном труда.

- Ты у нас — засрак и ветеринар труда! — дразнила её Рина.
- Это она, конечно, от зависти! У неё таких заслуг не было.

Отплакавшись, Вера позвонила подруге.

- Так что стряслось? — повторила Рина.
- Что такое «инсталляция»? — спросила Вера.

Рина возмутилась:

- Ты из-за этого так рыдаешь и пугаешь людей?
- Ну, Рин, ты же у нас всё знаешь, — канючила Верка.
- Это такая пространственная композиция.
- Какая? — настаивала Верка.
- Телевизор смотришь? По каналу «Культура» показывают разные выставки. На стенках — картины, а в центре зала — какие-нибудь кубики. Или лыжные палки торчат. Или банка с окурками стоит, — доходчиво объяснила Рина.
- Не-е-е, мне окурки не нужны, — обиделась Верка.
- А зачем тебе? — поинтересовалась Рина.

Оказалось, что новый директор Дворца культуры, в котором работала Вера, потребовал, чтобы она со своим коллективом сделала для праздника «Русский чай» инсталляцию.

— Вер! Это значит, он хотел от вас «живые картинки». Нарядиться и стоять. Или сидеть. У самовара.

Верка вздохнула:

- Я же не знала. И сделала «Русскую свадьбу» — с обрядами, песнями, танцами.
- Ну и молодец! — похвалила Рина.
- Да-а-а..., — голос Верки опять задрожал. — А директор ругался. Говорит, я вам велел за столом у самовара сидеть — и всё.
- Да наплюй ты на этого дурака! — подбодрила подругу Рина. — Свадьба — лучше, чем просто сидеть за столом.
- Думаешь? — Верка воспряла духом, но тут же опять сникла. — Знаешь, как он говорит? «Это показывает, что у вас мало техногенности». Ой, он меня выгонит.

Рина засмеялась:

- Не дрейфь, подруга! Профессионалы всегда нужны. А что он имел в виду под техногенностью?
- Не знаю, — Верка зашмыгала носом. — Говорит, что Пётр Первый ездил в Европу за техногенностью. А наш Дворец культуры называет «монстром».
- Чего-чего? — удивилась Рина.

— Называет «монстром», — повторила Верка. — Говорит, что наш ДК должен быть таким же «монстром культурности и интеллигентства», как Большой театр и Третьяковка.

Рина захохотала. За ней и Верка. Её плохое настроение улетучивалось.

— Рин! — отсмеявшись, спросила она. — А что такое «перформанс»?

— Тебе для дела или для общего развития? — поинтересовалась Рина.

Верка вздохнула:

— Для дела. Понимаешь, директор решил открыть в ДК картинную галерею. И велел мне на открытие сделать «перформанс».

— А какие картины там будут? — уточнила Рина.

Верка опять вздохнула:

— Не знаю. Он только сказал, что там будут «картины с маслом».

Рина засмеялась:

— С маслом — это бутерброды.

— Хорошо тебе смеяться, — жалобно сказала Верка. — А мне что делать?

— Веранда, не начинай опять реветь, — цыкнула Рина. — А хэппенинг он тебе не велел поставить?

— Ой, а это ещё что? — испугалась Верка.

— Не дрейфь, подруга, прорвёмся! — опять засмеялась Рина. — Значит, так. Перформанс — это представление. Короткое. С одним или несколькими участниками. Ну, какой-никакой сценарий должен быть. Зрители не участвуют. Хэппенинг — тоже представление. Но без сценария. И с участием зрителей. Сечёшь?

— Секу. А пример привести можешь? — спросила Верка.

— Могу, — хмыкнула Рина. — Если в музее накатать под картиной Ван Гога — это перформанс. А если этим дерьмом кинуть в зрителей — тогда уже будет хэппенинг.

— Фу! — скривилась Верка. — Какой ужас!

— Нет, дорогая моя Веранда, это — современное искусство, — возразила Рина. — А человека-собаку ты по телику видела?

— Как это? — оторопела Верка.

— Да не пугайся ты, — успокоила её Рина. — Один художник в молодости исполнял такой перформанс: он — голышом, на четвереньках, в ошейнике. Друзья водили его на поводке по улицам. Он лаял и мочился на стенки. А когда покусал какую-то иностранную журналистку — это уже был хэппенинг с милицией. Сейчас он постарел и на своих мастер-классах учит других быть собаками.

На другом конце провода возникло долгое молчание.

Рина забеспокоилась:

— Вер! Ты где? Тут или уже ушла?

— Да здесь я, — грустно отозвалась подруга. — Мне-то что делать?

Рина засмеялась:

— А предложи своему «монстру» энвайронмент.

— Ты чего? — обалдела Верка. — Я даже не выговорю. Это что?

— Можно считать, что это — разновидность инсталляции, — сказала Рина. — Ну, такое украшение природы.

— Как это? — не поняла Верка. — Зачем природу украшать?

— В армии же красят траву зелёной краской к приезду начальства, — продолжала Рина, — а тут — искусство! Можно, например, покрыть леса цветными сетками.

— И кто это увидит? — удивилась Верка.

— Тот, кто на самолёте или вертолёте полетит. Это только сверху видно, — ответила Рина. — Или на пустынном берегу океана положить много-много раскрытых цветных зонтиков.

Верка помолчала, потом вздохнула:

— Какой океан? Я и моря-то давно не видела.

— Встряхнись, подруга! — скомандовала Рина. — Толкни идею своему «монстру». Пусть на газоне зонтики разложит. А среди «холстов с маслом» сделай просто маленький концерт — хорошая музыка и хорошие стихи. Всё поняла?

Подруга ответила утвердительно.

— Тогда исполняй! — засмеялась Рина. — Потом доложишь.

— Спасибо! — сказала Верка. — Целую крепко — твоя репка.

— Ага! Как говорят у нас на кафедре, «не на чем», — в тон ей ответила Рина. — Целую в нос — паровоз.

И они распрощались. Конечно, на разговоре Веранда просадила целое состояние. Но будущее казалось уже не таким страшным.

...Через некоторое время Вера позвонила Рине и доложила.

Директор клюнул на зонтики на газоне. Но купить пожамотился и велел всем сотрудникам принести из дома. Пришлось подчиниться. На газоне зонтики смотрелись странно. Но красиво.

Пока директор, стоя на крыльце, разглагольствовал о вверенном ему Дворце культуры как о «монстре культурности и интеллигентства», хлынул дождь. Сотрудники кинулись спасать свои зонты, которые уносило ветром. Часть зонтов в суматохе растоптали.

А концерт среди «холстов с маслом» всем понравился.

Веранда была счастлива — в ближайшее время увольнение ей не грозило.

ГОРЕМЫЧНАЯ МУЗА

* * *

Горемычная моя муза,
Ты опять недовольна чем?
Я писательского союза
И литфонда России член!

Мне стипендию Минкультуры
Выделяют раз в десять лет.
Экзальтированные натуры
Утверждают, что я поэт.

Государственных нету премий
И правительственных наград...
Но и Пушкин, российский гений,
Не толкался у царских врат.

Он с завиднейшим постоянством
Шваль придворную презирал.
И гордился своим дворянством,
А не тем, что стихи марал.

А поскольку дворянства нету,
И пред Господом все равны,

Как талантливому поэту,
Мне на родине нет цены.

По стихам моим дуры плачут.
Им не мил без меня бел-свет.
В Переделкино нету дачи
И в Малеевке дачи нет.

Для родимой семьи обуза.
Ни хрена не нажил строкой.
Горемычная моя муза,
Ну зачем я тебе такой?

КОБРА

Зашипела, словно кобра...
Ну, теперь не жди добра!..
Как меха раздула рёбра
Та, что вышла из ребра.

Шаркнув ножкой перед нею,
Преподнёс я ей цветы.
Но не любят эти змеи
И не ценят красоты.

И летит степной букетик
За окно на белый свет.
И не светит, и не светит
Мне здесь дружеский привет.

Улыбаясь ошалело,
Дверью хлопнув от души,
На прощанье прошипела:
«Захлебнитесь, алкаши!»

Я сто лет не видел друга,
А она... Она... Она...
Подкодная змеюга,
А еще — его жена!

Друг сидит, повинно мнётся
И кривит свои уста.

Что-то нынче нам не пьётся...
Водка, видимо, не та.

Он прищурился от солнца.
Глубоко вздохнул о ней
И похож стал на японца.
А японцы любят змей!

ПЕСНЯ

Шёл по улице мужик,
Песню пел.
Как душа его лежит,
Так и пел.

Он мотив перевирал.
Путал слог.
И нещадно глотку драл –
Пел, как мог.

Пел, как жизнь свою сложил –
Однава.
Кто-то умный доложил
По ноль-два.

Появился «воронок»,
Весь в пыли.
Мужика свалили с ног.
Замели.

Покачнулась тишина
И, сквозя,
Прошептала:
— Ну, страна!
Спеть нельзя!

Примечание: Это анонс. Подборка стихов талантливого русского поэта Евгения Семичева будет опубликована в следующем номере.

«ЗДРАВСТВУЙ, ПЛЕМЯ МЛАДОЕ...»

Мне как детскому автору хорошо известно, что в любые времена в каждой школе непременно найдутся свои поэты и прозаики — ребята, которые любят Слово и пытаются выразить в нём свой собственный, пусть пока и небольшой, эмоциональный опыт. Иногда из такого ребёнка вырастает писатель. Но и выбрав иную дорогу, он на всю жизнь сохраняет обретенные ещё в детстве навык понимания художественного текста и уважение к литературному труду.

Эти стихи и рассказы были в разные годы присланы казанскими школьниками в журналы «Зонтик» и «Будильник», которые я редактировал, либо принесены на занятие литературной студии «Белая ворона» (руководитель поэтесса Наиля Ахунова). Они очень разные: кто-то из ребят больше склонен к сказке, кто-то к романтической манере, кто-то к философской, кто-то к юмору. А объединяет их одно — широко распахнутые глаза, полные удивления перед окружающим миром и стремления понять его. Чему мы, взрослые люди, можем порой только позавидовать.

Борис Вайнер,
заслуженный деятель искусств РТ,
лауреат Литературной премии им. М. Горького

ЕСЛИ Б Я ВОЛШЕБНИЦЕЙ БЫЛА...

Стихи и рассказы казанских школьников

Оля Овчинникова

В МИРЕ, КОТОРЫЙ СДЕЛАН ИЗ РАДУГИ

В мире, который сделан из радуги,
Люди стремятся друг друга порадовать.
В мире, который сделан из радуги,
Не существует разлук и обид.
В мире, который сделан из радуги,
Добрые любят желанья загадывать.
В мире, который сделан из радуги,
Ясно звезда в каждом сердце горит.

В мире, который сделан из радуги,
Людам подарки дарить очень нравится.
В мире, который сделан из радуги,
Ярче улыбки, чем солнечный свет.
В мире, который сделан из радуги,
Зависть и зло никогда не появятся.
В мире, который сделан из радуги,
В мире, которого, может быть, нет...

ЗВЁЗДНЫЙ ДРАКОНЧИК

Есть крылья и хвост,
голова есть и лапы –
и всё состоит
из сверкающих звёзд.

Он прятаться любит
от мамы и папы,
забравшись тихонько
под радужный мост.

Дракончик на облаке
днём отдыхает,
а ночью он в жмурки
играет с Луной.
На землю друзей
он искать прилетает
и позавчера
подружился со мной.

Петя Чупров

КОЛЮЧИЕ ИСТОРИИ

Жил однажды на поляне Ёжик. И вдруг на него упал человек. И у человека заболел живот — он же на иголки упал животом. Он поехал в город и пошёл к врачу. А Ёжик подумал — что ему тут делать? — и ушёл в лес. И больше на него никто не накалывался. И больше ни у кого животы не болели.

* * *

Однажды ежик захотел найти себе друга и пошел в лес. И встретил он лесную мышку. Он сказал мышке: «Привет». А мышка ответила: «Пи-пи-пи». Ежик пошёл дальше, потому что он не понял, что такое «Пи-пи-пи». И встретил он медведя. Он сказал медведю: «Привет». А медведь ему ответил: «У-у-у». Ежик пошёл дальше, потому что он не понял, что такое «У-у-у». И встретил он лису. И сказал лисе: «Добрый день». А лиса ему тоже ответила: «Добрый день». И с тех пор они стали жить спокойно и дружно.

Люба Боровская

ЕСЛИ Б Я ВОЛШЕБНИЦЕЙ БЫЛА...

Если б я волшебницей была,
Я бы океан переплыла,
Я б как птица полетела
И весь мир бы посмотрела,

Все б исполнила мечты,
Посадила бы цветы.
Я б все страны посетила,
Всех людей бы помирила,
А когда под Новый год
Звёзды водят хоровод,
Я бы с ними подружилась,
В хороводе покружилась
И на землю бы вернулась,
Всем друзьям бы улыбнулась.
Если б я волшебницей была...
Жаль, уроки делать мне пора.

Юля Печникова

НА КРЫЛЬЯХ МУЗЫКИ

Внезапно закружилась голова
От счастья жить, от счастья слышать вновь
Те звуки, те аккорды и слова,
Где в каждом такте чувствуешь любовь.

Классическая музыка играет –
И представляешь ты старинный бал.
Но веселей мелодия вступает –
И чудится блестящий карнавал,

Где могут гости затмевать друг друга
Нарядами, прической, красотой –
В зал словно ворвалась цветная выюга,
Подхваченная музыкой живой.

А если зазвучат романса звуки,
То встанет в памяти забытый тихий вечер:
Дом, полумрак, заботливые руки
Готовят стол и зажигают свечи...

Мир музыки — другое измеренье,
Там счастьем полон каждый звук и миг.
Спасибо Вам за каждое мгновенье,
Спасибо Вам, Вивальди, Моцарт, Григ...

Лена Юсупова

Помнишь, лимонным летом
Шли мы под лунным светом,
Ловили губами дождь.
Казалось — весь мир разбужен.
И больше никто не нужен,
И всё же бросало в дрожь.

А город включал лампы,
И ночь нам была так рада;
Кидая в фонтан монеты,
Не зная, что завтра будет,
Чему-то смеялись люди...
Закончилось лето — где ты?

Андрей Малов

КАПИТАН

Я плыву по волнам
На своём корабле.
И назло всем ветрам
Очень радостно мне.

На край света иду.
С курса я не сойду.
И из тысячи звёзд
Лишь свою я найду.

Быть всю жизнь на плаву –
Видно, путь мой таков,
Я навстречу мечте
Мчаться снова готов!

* * *

Снова осень прошумит холодным дождём,
Разорвет последние цепи лета.
Это время снова мы с тобой переждём,
Возвращаться — плохая примета.
На ладонь лист кленовый слетел,
Как письмо, нацарапанное на прощанье,

То, что летом до конца не допел,
Остаётся — как сладость воспоминанья.

Саша Егорова

АРЕНА

Взгляни в глаза осла, когда по сцене
Он бежит с мячом, как будто шут,
Когда он видит, что вокруг арены
Все от него чего-то явно ждут.

И человек в нарядном чёрном фраке
Со всею силой человеческой бьёт,
А зритель всем показывает знаки,
Что он скучает и вот-вот уснёт,

И бедное животное, не зная,
Куда идти, чего они хотят,
В толпу зевак, как будто в волчью стаю,
Кидаёт безответный грустный взгляд...

Изнеженная креслами спина
Живёт спокойно, боль не ощущая.
А зверю плётка — за еду цена,
И полагаю, что цена большая.

Уставшие от голода и бега,
Они молчат, но не питают злость...
Избавили от рабства человека,
А вот зверей спасти не удалось.

Даша Якунина

МАРТ

Непонятное чувство.

Будто ты повешен на веревочку прищепками за уши и сушишься на солнце,
а оно заходит.

Таёт свет. Таёт день, люди спешат с работы домой. А ты висишь себе и раду-
ешься, что потихоньку просыхаешь от снега. И рядом друг. Можно попросить

его включить радио, где кто-то совсем незнакомый передаёт тебе привет и заказывает твою любимую песню...

Пусть тот, кто с тобой рядом, сядет на скамеечку у столба, к которому привязана верёвка для сушки белья, и тоже прогреется. Вот и ладно... Ты висишь, он сидит, играет песенка, солнце заходит. И так хорошо!

Рядом с тобой сушатся чьи-то простыни. Их качает ветром. Ветер южный. Ветер этот не сделает тебе ничего плохого. Прилетел он из тех стран, где уже весна.

Не печалься, скоро она придёт и сюда.

Ждать уже недолго.

Тимур Кафиатуллин

ЛЕНЬ

Прогрессом движет лень. Не ново это.
Нам лень ходить. Нам лень сидеть и спать.
Как лук мы заменили пистолетом,
Заменим мы и дисками печать.
Нам лень ходить, и поясом железным
Планету затянул давно прогресс.
Теперь домчит (он мнит себя полезным)
До нужного нам города экспресс.
От лени мы зависим, но желаем,
Чтоб вещи новой велся новый счёт.
От страха мы дрожим и ожидаем:
Что завтра мы придумаем ещё?

Альберт Гилязов

ХОККУ

* * *

Улитка на листке –
Камушек золотой
В малахитовой шкатулке.

* * *

Под кипарисом мокну
В дождливый день
Словно бамбук.

* * *

серебряное небо
прохладное утро
танцы стрекоз.

* * *

Узоры на ладони.
Иероглифы
Жизни.

* * *

Солнечные зайчики
На стенах.
Все не переловишь!

Наши авторы

АЛДОШИН Тимур Леонидович родился 31 марта 1961 года в Казани, где и проживает по сей день.

Первая публикация: газета «Вечерняя Казань», 1987 год. Печатался в казанских газетах и журналах, а также «Новая Юность», «Октябрь» (Москва), «День и Ночь» (Красноярск), «Дирижабль» (Нижний Новгород), в антологии «Нестолничная литература» издательства НЛО (Москва).

Лауреат премии А. М. Горького (2005 год).

Пишет стихи, прозу, критику, публицистику.

Вместе с А. Е. Кирилловым ведёт литературное объединение «ARS Poetica» при Казанском государственном университете.

АЛЕШКОВ Николай Петрович родился в селе Орловка Челнинского района ТАССР 26 июня 1945 года. Работал монтером связи, электриком, кровельщиком, диспетчером домостроительного комбината. Но основная трудовая деятельность связана с журналистикой. Газетчик. Был редактором набережночелнинской городской газеты «Время», а также редактором межрегиональной литературной газеты «Звезда полей». В настоящее время — председатель Татарстанского отделения Союза российских писателей и главный редактор литературного альманаха «Аргатак-Татарстан»

В 1982 году закончил заочное отделение Литературного института им. А. М. Горького (семинар Н. Н. Сидоренко). В 1984 году принят в Союз писателей СССР. Автор девяти книг стихов, изданных в Казани, Набережных Челнах и в Москве.

Живёт в Набережных Челнах. Лауреат республиканской литературной премии имени Г. Р. Державина и Всероссийской литературной премии «Ладога» им. А. А. Прокофьева.

АНЮТИНА Галина Павловна родилась в 1954 году в селе Чернокоровское Богдановичского района Свердловской области. В 1975 году закончила Свердловское художественное училище, в 1981 году — факультет прикладного искусства Московского текстильного института.

Член Союза художников России и Татарстана. Участник международных, российских, зональных, республиканских выставок. Персональные выставки прошли в Казани, Нижнекамске, Набережных Челнах, в Елабуге. Работы приобретены Государственным музеем изобразительных искусств РТ, Национальным культурным центром «Казань», Набережночелнинской картинной галереей, Елабужской галереей современной живописи, находятся также в частных коллекциях России, Германии, США, Франции.

С 1981 года живёт и работает в Набережных Челнах. В 2005 году стала автором декоративных композиций в технике «роспись на ткани» для фойе концертного зала органной музыки в Набережных Челнах. С 2007 года является доцентом кафедры «Дизайн и искусство интерьера» инженерно-экономической академии (ИНЭКА)

АХМЕДОВ Баходыр (Бах) родился в Ташкенте в 1967 г. Закончил физический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (1990 г.) и аспирантуру физфака МГУ (1994 г.). Кандидат физико-математических наук.

Стихи и проза Б. Ахмедова публиковались в литературных журналах и альманахах в Узбекистане, России, Великобритании и Израиле, а также в антологии современной поэзии Узбекистана «Анор» (Москва, 2009). В октябре 2007 года занял первое место на Международном поэтическом конкурсе «Пушкин в Британии». В сентябре 2008 г. принимал участие в 6-м Ташкентском фестивале поэзии.

В настоящее время работает зав. отделом поэзии журнала «Звезда Востока» и в Институте Химии и Физики Полимеров АН Узбекистана.

БАБАЕВ Александр Николаевич (Александр Аг-вольек) родился в городе Махачкала Дагестанской АССР. В 1952 году вместе с родителями оказался в Татарстане, в посёлке нефтяников Бавлы. В 1970 году окончил вечерний факультет Уфимского нефтяного института.

С 1972 года живёт и работает в Набережных Челнах. Здесь, на комсомольской ударной стройке, Александр Николаевич зарекомендовал себя как общественный деятель и вожак молодёжи. В конце семидесятых годов успешно завершил обучение в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Вернувшись в Набережные Челны, занимал ряд руководящих должностей в системе акционерного общества «КамАЗ», в администрации города. Долгие годы работал директором ООО «Набережночелнинский автоцентр «КамАЗ».

Член Союза российских писателей, автор шести книг.

БЕЛОВА-НЕДОВИЗИЙ Ольга Борисовна родилась в 1967 году в городе Иваново. В настоящее время живёт в Набережных Челнах.

В 1991 году окончила художественно-графический факультет Набережночелнинского государственного педагогического института. С 1990 года активно занимается художественно-педагогической деятельностью. Творческие предпочтения Ольги — графика, в том числе, книжная. Она — автор иллюстраций к произведениям и книгам челнинских писателей, участница городских, республиканских и региональных выставок. С 2001 по 2008 год в Набережных Челнах состоялось несколько персональных выставок Ольги Беловой-Недовизий. Её работы находятся в Музее изобразительных искусств Республики Татарстан, в картинной галерее Набережных Челнов, у частных коллекционеров России, Германии, Франции.

О. Белова-Недовизий — член Союза художников России.

БОЧКАРЁВ Александр Николаевич родился 12 октября 1940 г. в деревне Гурьевка Алексеевского района ТАССР в крестьянской семье. В 1957 году

окончил Алексеевскую среднюю школу, затем работал в совхозе. Служил в армии с 1959 по 1962 год. После демобилизации — учитель истории, завуч, директор Гурьевской восьмилетней и Ялыкнской средней школ. В 1970 году окончил заочное отделение Казанского педагогического института и получил диплом учителя истории и обществоведения средней школы.

Стихи начал писать с пятнадцати лет. Автор пяти книг. Продолжает жить в родной деревне и по-прежнему работает в школе.

ВЕРДЕРЕВСКАЯ Наталья Александровна родилась в 1927 году. С юных лет посвятила свою жизнь литературе. Более сорока лет работала на кафедре литературы Елабужского государственного педагогического института. Доцент, кандидат филологических наук. Специализируется в области русской литературы 40-х-60-х годов XIX века. В 1998 году издала сборник «Провинциальные стихи», в 2001 году — книгу «Двадцать лет спустя. Этюды о поэзии Владимира Высоцкого», в 2003 году — сборник стихов «Невеликие города» и в 2007 году — «Осень с дыханием весны».

Член Союза российских писателей.

В настоящее время на пенсии. Живёт в Елабуге.

ВИНОНЕН Роберт Иванович — поэт. Родился в 1939 году в Ленинградской области. Жил в Кировской области, в Эстонии, в Карелии. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (1966), аспирантуру (1969). Кандидат филологических наук (1972). Работал редактором в издательствах «Молодая гвардия», «Прогресс», заведующим кафедрой художественного перевода в Литинституте (1987-97). В настоящее время живёт в Финляндии, оставаясь российским гражданином.

ЕРМАКОВ Владимир Александрович, поэт, эссеист, родился 6 июня 1949 года в пос. Метенино Петушинского р-на Владимирской обл. С 1961 года живёт в Орловской области: сначала в г. Болхове, где окончил среднюю школу № 1, затем в Орле.

В 1971 году окончил исторический факультет Орловского пединститута, отслужил в рядах СА на Дальнем Востоке; награждён знаком «Отличник ВВС». С 1975 года работал в Орловском краеведческом музее; автор ряда теоретических концепций и практических разработок стационарных экспозиций и выставок, а также публикаций в местной прессе и специальных изданиях. В 1996 году удостоен звания «Заслуженный работник культуры РФ». Впервые опубликовал стихи в 1974 году.

С началом перестройки успешно работает в востребованном временем жанре эссе. С середины 90-х гг. активно публикуется в областных газетах и в литературных журналах. Наиболее значимые публикации связаны с журналами «Дружба народов» (Москва) и «Parnasso» (Хельсинки). Основные тексты вошли в книги, изданные в Орле.

ЖУРАВЛЁВА Ольга Владиславовна родилась 11 июля 1960 года в городе Кирове. Её поэтический талант был замечен и раскрыт отцом Владиславом

Николаевичем. Он отнёс первые стихи пятнадцатилетней дочери в заводскую газету «Голос рабочего», где они были опубликованы. Ольга — член Союза писателей России, автор нескольких поэтических сборников, лауреат литературных премий, а также член Союза журналистов России. Она работала в областных газетах, на телевидении и радио. Радиопрограммы Ольги Журавлёвой награждены дипломами международных и всероссийских фестивалей. Её журналистский труд также отмечен грамотой Союза женщин России. Имя Ольги Журавлёвой занесено в книгу «Женщины-лидеры Вятского края», она участница проекта «Женщины Вятки — краса и гордость России».

КАЗАРИН Дмитрий Владимирович родился в 1960 году в Астрахани. Окончил Астраханский морской рыбопромышленный техникум. Автор трёх поэтических книг. Публиковался в журналах «Наш современник», «Арион», «День и ночь», газетах: «Литературная Россия», «Очарованный странник», «Звезда полей» и др. Лауреат Всероссийской премии им. В. К. Тредиаковского.

Член Союза писателей России

КАН Диана Елисеевна — член Союза писателей России, поэтесса. Автор книг «Високосная весна», «Согдиана», «Бактрийский горизонт», «Подданная русских захолустий», «Покуда говорю я о любви», «Обречённые на славу», а также множества публикаций в центральных и региональных изданиях России. Дважды лауреат всероссийской ежегодной премии журнала «Наш современник». Лауреат всероссийской литературной премии «Традиция». Лауреат всероссийской премии «Имперская культура» в номинации «Поэзия». Живёт в городе Новокуйбышевск Самарской области.

КОЛЯДИНА Елена Владимировна родилась 24 июня 1960 года в г. Череповце в семье металлургов.

В 1983 году окончила Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта им. Образцова. По распределению вернулась работать на железнодорожную станцию Череповец. Затем перешла на журнальную работу.

С 1996 года — собственный корреспондент газеты «Комсомольская правда» по Вологодской области, затем заведующая отделом писем ЗАО ИД «Комсомольская правда».

Журналист-фрилансер журналов «Куль личности», «Она», «Час для вас», «Тайны звезд». Опубликовала около сотни рассказов в глянцевого женских журналах. Стала победителем в конкурсе рассказов финской косметической компании «Люмине» «Истории, рассказанные шёпотом». Позже название рассказа-победителя «Сто осколков счастья» стало названием романа, вышедшего в московском издательстве «Центрополиграф». Автор около десятка романов («около», так как два из них не закончены). С рукописью романа «Весёлая галиматья» вошла в Лонг-лист национальной литературной премии «Большая книга». Роман не издан и нигде не публиковался.

В настоящее время — ведущая еженедельной колонки международной газеты «Метро». Замужем. Двое сыновей.

МАЛОВ Иван Петрович родился в 1956 году в селе Кинделя Ташлинского района Оренбургской области. Служил в армии.

Окончил Литературный институт имени А.М. Горького.

Стихи публиковались в «Комсомольской правде», «Литературной газете», альманахах «Истоки», «Поэзия», «Башня», «Чаша круговая», журналах «Урал», «Уральский следопыт», сборниках «Шёл отец», «Ты, солнце святое, гори!», школьной хрестоматии по краеведению, других центральных и региональных изданиях.

Автор восьми поэтических книг.

Член Союза российских писателей.

Живёт в Оренбурге.

МАНСУРОВ Зиннур Музипович родился в 1949 году в деревне Нижняя Ошма Мамадышского района ТАССР, окончил филологический факультет Казанского государственного университета (1972). Автор 15 книг (поэзия, критика, публицистика), главный редактор еженедельной газеты «Мадани жомга» («Культурная пятница»). Лауреат Государственной премии Республики Татарстан имени Габдуллы Тукая.

МАНУСОВ Юрий Владимирович родился в Тбилиси в 1948 году.

С детства занимался кинолюбительством. Окончил ВГИК (сценарный факультет) и Высшие режиссёрские курсы. Работал на ЦТ, на студии «Мосфильм», на Одесской киностудии. Снял пять игровых полнометражных фильмов, среди них сюрреалистическая трагикомедия «Выкидыш». Снимал короткометражные и документальные фильмы.

Писал сценарии, пьесы, рассказы. Работает над многотомным романом «Донпижон».

Член Союза кинематографистов СССР, член Союза российских писателей. Живёт в Набережных Челнах.

ОРЕХОВА Алла Вячеславовна родилась в Новосибирске. В 1972 году семья переехала в Набережные Челны.

В 1984 году пришла работать в редакцию многотиражной строительной газеты «Камские зори» в качестве корректора и там приобрела свой первый журналистский опыт. Работала в городской газете «Знамя коммунизма», позже переименованной в «Челнинские известия», на телевидении, радио. В 1991 году окончила факультет журналистики Казанского государственного университета. Работала заведующей отделом писем в общероссийской литературной газете «Звезда полей»; заместителем главного редактора, а затем главным редактором межрегиональной газеты «Бизнес-класс», сотрудничество с которой продолжает и по сей день. Печатается в республиканском журнале «Лидер Татарстана», российских и городских периодических изданиях. Под редакцией А. В. Ореховой выпущен в свет целый ряд сборников

прозы и поэзии. Свой сборник стихов «Аз есмь» издала в 2001 году.

Член Союза российских писателей.

ПЕРВОВА Наталья Ивановна родилась в 1938 году в Мурманске. Закончила факультет журналистики Ленинградского университета. Работала в Череповце в городской газете.

В начале 1970-х приехала с семьёй в Набережные Челны. Работала в редакции радиовещания автомобильного комплекса, затем — на литейном заводе редактором объединённой редакции радиовещания и газеты.

В 2007 году издательство «Новости мира» выпустило сборник её стихов «Моя параллель», а в 2009 году в свет вышел второй поэтический сборник «Китежанка», выпущенный Татарстанским отделением Союза российских писателей.

ПАУШКИН Геннадий Александрович (1921-2007) родился в Казани. После окончания школы поступил на истфилфак университета, но началась Великая Отечественная война, и девятнадцатилетний юноша добровольцем ушёл на фронт, где воевал от первого дня до дня Победы. Демобилизовался в звании старшины.

После войны работал журналистом, выпустил первые книги, был принят в Союз писателей СССР. Геннадий Александрович очень много сделал для воспитания подрастающей литературной смены, работал литконсультантом, руководителем секции русской литературы при Союзе писателей ТАССР. Автор 20 книг поэзии и прозы. Лауреат литературной премии имени А. М. Горького. Писателю были присвоены звания «Заслуженный работник культуры РСФСР», «Заслуженный деятель культуры Республики Татарстан»

ПИСАРЧИК Нина Викторовна родилась в городе Вытегре Вологодской области 3 июля 1952 года. Родители - простые рабочие люди, деды - крестьяне и рыбаки с берегов Онежского озера, прадеды - купцы средней руки, разорённые революцией.

По образованию библиотечарь-библиограф. Профессию Нина Викторовна выбрала по душе, а душа её принадлежит литературе. Литературоведением увлекается наравне с художественной литературой, готовит к изданию книгу рецензий на современных вологодских и российских авторов.

ПОСПЕЛОВ Евгений Александрович родился в феврале 1950 года в древнем прикамском городе Елабуге. Отец его был военным, и поэтому до 1960 года семья проживала в Германии. Возвратившись на родину, Евгений закончил среднюю школу, учился на физмате пединститута, а затем в Казанском строительном институте. Но ни инженером, ни педагогом не стал. Работал архивариусом, слесарем, лаборантом, зав. клубом, руководителем фотокружка. Первые стихи написал в 17 лет.

Автор книги стихотворений «Вполголоса» (Казань, изд-во «Рухият», 2001). В связи с 60-летием поэта в его родном городе вышел в свет второй сборник «Крылатый ковчег».

ПРИХОЖАН Пётр Борисович родился 11 февраля 1940 года в городе Евпатория Крымской АССР в учительской семье. Закончил Симферопольский техникум железнодорожного транспорта, Харьковский инженерно-строительный институт.

Первые публикации появились в Харьковской областной молодёжной газете «Ленинская смена» в 1962 году. В студенческие годы участвовал в работе литературной студии Бориса Чичибабина.

Работал на строительстве лесопромышленного комплекса в городе Братске Иркутской области, где его стихи регулярно публиковались в альманахе «Ангара». По поэме Петра Прихожана «Дума о граде Китеже» областная студия телевидения в 1968 году сняла фильм. Произведения Петра Прихожана публиковались в журналах «Новый мир» (Москва), «Рабоче-крестьянский корреспондент» (Москва), «День и ночь» (Красноярск), «Чаян» (Казань), «Идель» (Казань), «Аргмак» (Набережные Челны).

В 1970 году в Восточносибирском книжном издательстве вышел первый сборник стихотворений поэта «Гулливеры». Второй сборник стихотворений «Знакомство» вышел уже в Таткиноиздате в 1986 году.

В 1990 году в московском издательстве «Прометей» увидел свет ещё один поэтический сборник Петра Прихожана «Плата за гадание», в который вошло лучшее из написанного поэтом в разное время.

В 2008 году в издательстве «Московский писатель» отдельной книгой вышла компилятивная поэма «Новая Илиада», написанная Прихожаном по мотивам «Илиады» Гомера на основе перевода Н. Гнедича.

САЛЬТИНА Марина Генриховна родилась в Казани. Окончила историко-филологический факультет Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина и режиссёрский факультет ГИТИСа им. А. В. Луначарского (курс профессора М. О. Кнебель). Режиссер-постановщик, актриса, педагог, писатель. Доцент кафедры европейских языков Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва). Член Союза театралов и Московского объединения Союза литераторов России. Рассказы публикуются в журналах «Наша улица», «Казань», «Меценат и мир», «Грани», газете «Нойес лебен». Автор книг «Опаловый флакон Пенелопы» и другие рассказы» и «Поезда на Монтеррей» (издательство «Голос-Пресс»). Живёт в Москве.

САРЧИН Рамиль Шавкетович родился 14 декабря 1975 г. в селе Калда Барышского района Ульяновской области. Окончил филологический факультет Ульяновского государственного педагогического университета, аспирантуру при кафедре литературы УлГПУ.

Поэт, литературный критик, литературовед. Автор поэтических сборников «Стихотворения», «Возвращение», «Цветоповал»; монографий «Поэтический мир Николая Благава», «Традиции русской поэзии в творчестве Инны Лиснянской»; статей о русской литературе, преимущественно о поэзии.

Кандидат филологических наук.

СЕМИЧЕВ Евгений Николаевич — член Союза писателей России, известный русский поэт, секре-

тарь Правления Союза писателей России. Автор книг «Заповедный кордон», «Свете Отчий», «Российский развилок», «Соколки русской земли», «Небесная крепь», «Великий верх», «Аргуван» и др. Лауреат Всероссийской премии им. М. Ю. Лермонтова. Лауреат Большой литературной премии России. Лауреат Международной премии «Золотое перо» и т. д. Живёт в городе Новокуйбышевске Самарской области

ТУГАНОВ Николай Петрович родился в 1950 году в селе Малое Шемякино Тетюшского района ТАССР. Окончил Тетюшское педагогическое училище (1969) и Казанский государственный университет (1979). Член Союза журналистов, Союза фотохудожников России. Заслуженный работник культуры Республики Татарстан. Активно сотрудничает с прессой республики и России. Неоднократно награждался и занимал призовые места на республиканских и городских фотоконкурсах.

Живёт в Набережных Челнах.

ТУЗОВ Михаил Викторович родился 29 июля 1945 года в Казани в семье военнослужащего. В 1962 году окончил среднюю школу, в 1965 году — общеобразовательное военное училище в Саратове, четыре года прослужил в городе Арзамас-16 (нынешний Саров). В 1969 году поступил на военно-инженерный факультет Высшей школы МВД СССР в Москве. После окончания по распределению был назначен начальником инженерно-технической службы одной из войсковых частей в Западной Сибири.

При исполнении воинских обязанностей Михаил Викторович получил тяжёлую травму ноги, а далее — серия операций, ампутация, инвалидность. Более двадцати лет после этого проработал на различных инженерных должностях в народном хозяйстве страны.

Первый сборник его стихотворений под названием «Раифа», одноименный с поэмой, включённой в него, вышел в 2001 году. На сегодняшний день издано пять стихотворных сборников.

Михаил Тузов — член Союза писателей Республики Татарстан и член Союза российских писателей. В октябре 2009 года награждён Почётной грамотой Министерства культуры Республики Татарстан.

ЮЛАЕВ Иван Михайлович родился 23 августа 1949 года в селе Благодарное Ташлинского района Оренбургской области в семье учителей. Служил на Балтийском флоте в морской авиации матросом, механиком радиолокационных станций. Работал токарем, монтажником лифтов, монёром, строителем, нефтяником. Жил в Стерлитамаке, Чимкенте, Магнитогорске, в Магаданской и Тюменской областях.

В 1972 году приехал в Набережные Челны, работал на конвейере, собирал КамАЗы, в том числе первый автомобиль, занимался в литобъединении «Орфей». Первая книга — «Тёплые ветры» вышла в Казани в 1988 году. В 1991 году вернулся в Оренбург. Здесь вышли ещё три книги: «Ростошь», 1995; «Сказки и мечты», 1997; «Встретимся летом», 1999. Лауреат премии «Оренбургская лира». Член Союза российских писателей с 1995 г. Живёт в Оренбурге.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПОЧТА

ЗДРАВСТВУЙ, АЛЬМАНАХ!	3
НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ	
С НАДЕЖДОЙ НА БУДУЩЕЕ	6

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

ПЁТР ПРИХОЖАН	
СНОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ	9
ЗИННУР МАНСУРОВ	
ДВА ПЛАЧА	28
НАТАЛЬЯ ВЕРДЕРЕВСКАЯ	
БАЛЛАДА О РЕЧКЕ ДАРЬЕ	63

ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ – 65

ШТЫКОМ И ПЕРОМ	67
МИХАИЛ ТУЗОВ	
ОН ПРИНЯЛ ПЕРВЫЙ БОЙ	70
ГЕННАДИЙ ПАУШКИН	
ДЕЛО ЧЕСТИ	71

ПЕРЕКЛИЧКА

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ	82
ДМИТРИЙ КАЗАРИН	84
ИВАН МАЛОВ	85

ИМЯ

ИВАН ЮЛАЕВ	
ФЕДЯ НЕБОЗЁМ	86
АЛЕКСАНДР БОЧКАРЁВ	
У НАМОЛЕННОЙ ИКОНЫ	95
БАХ АХМЕДОВ	
НАШИ СНЫ	101
ТИМУР АЛДОШИН	
БРАТ МОЙ, ПУШКИН	108
НИНА ПИСАРЧИК	
НОВЫЙ РАБЛЕ?	115
ЕЛЕНА КОЛЯДИНА	
ВЕСЁЛАЯ ГАЛИМАТЯ	117

ЖЕНЩИНА, ЛЮБОВЬ, ВЕСНА

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ	
ВСЛЕД ЗА ПЕТРАРКОЙ И ШЕКСПИРОМ	132
ЕВГЕНИЙ ПОСПЕЛОВ	
СУЛАМИФЬ	134
ОЛЬГА ЖУРАВЛЁВА	
СЕРЕДИНА ЦВЕТКА ЦИКОРИЯ	141
ЮРИЙ МАНУСОВ	
ГИБЕЛЬНЫЙ ПОЖАР	155
АЛЛА ОРЕХОВА	
«ДОРОГАЯ МОЯ РУСКИНЯ...»	172

К ЦВЕТНОЙ ВКЛЕЙКЕ**РАУЗА СУЛТАНОВА, МАРГАРИТА ПАШКОВА**

ДОРОГА, ВЕДУЩАЯ В НЕБО..... 177

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ**РАМИЛЬ САРЧИН**

НЕБО ПОЭТА 178

РОБЕРТ ВИНОНЕН

ИЗ КНИГИ «ДЫМ НАД ИМЕНЕМ» 181

ИАНА КАИ

МЕЖДУРЕЧЬЕ..... 189

НЕФОРМАТ**ВЛАДИМИР ЕРМАКОВ**

МУЗЫКА ВО ЛЬДУ: ПОСЛЕДНЯЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ 199

АЛЕКСАНДР ЛЕЙФЕР

СОБАЧЬЕ СЧАСТЬЕ..... 204

АЛЕКСАНДР АГВОЛЬЕК

ПО СЛОВУ ТВОЕМУ... 207

ГОД УЧИТЕЛЯ**НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ**

ЗАКОН ВСЕМИРНОГО ТЯГОТЕНИЯ..... 212

ИЗДАНО В РОССИИ**НАТАЛЬЯ ПЕРВОВА**..... 219**СМЕХОТЕРАПИЯ****МАРИНА САЛЬГИНА**

МЕЧТА. ИНСТАЛЛЯЦИЯ 227

ЕВГЕНИЙ СЕМИЧЕВ

ГОРЕМЫЧНАЯ МУЗА 231

«ЗДРАВСТВУЙ, ПЛЕМЯ МЛАДОЕ...»**БОРИС ВАЙНЕР**

ПРЕДИСЛОВИЕ 234

ОЛЯ ОВЧИННИКОВА 235**ПЕТА ЧУПРОВ** 236**ЛЮБА БОРОВСКАЯ** 236**ЮЛЯ ПЕЧНИКОВА** 237**ЛЕНА ЮСУПОВА** 238**АНДРЕЙ МАЛОВ** 238**САША ЕГОРОВА**..... 239**ДАША ЯКУНИНА** 239**ТИМУР КАФИАТУЛЛИИ**..... 240**АЛЬБЕРТ ГИЛЯЗОВ**..... 240**НАШИ АВТОРЫ** 242**ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА. НИКОЛАЙ ТУГАНОВ. ОНИ ЗАЩИТИЛИ РОДИНУ,
ОНИ СПАСЛИ МИР .****ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА. БАТИКИ ГАЛИНЫ АНЮТИНОЙ.**

Рукописи принимаются по адресу: **423809, Татарстан, г. Набережные Челны, а/я 126** или e-mail: **anp45@mail.ru**. Желателен диск с набором, фотография, краткая биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Читательские письма и предложения могут быть опубликованы в альманахе. Ответственность за достоверность информации несут авторы материалов. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на альманах «Аргамак-Татарстан» обязательна.

Для приобретения номера и размещения рекламы социальной направленности обращайтесь: e-mail: **anp45@mail.ru**, тел. **(8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19**.

Представительство в Москве: **8-965-359-84-54**

Литературно-художественное издание

Аргамак-Татарстан

Подписано в печать 26.02.2010 г.

Формат 70x100^{1/16};

Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Усл. печ. л. 21,38. Тираж 2000 экз. Заказ 0–213

Отпечатано в ОАО ПИК «Идел-Пресс»

420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Г. Анютина. Утренний свет. 2002 г. Шёлк, батик. 40×40

